

АЛЁНА КРУЧКО

Полуночные тени

часть 2

Annotation

В этом мире магия доступна немногим, но боги могут наделять своих избранников дарами, которые ценятся выше магии. А если какой-то из этих даров обернется проклятием – что ж, слабый погибнет, а сильный справится. В этом мире простые люди не ввязываются в свары баронов и короля, но иногда сама судьба приходит на их порог и стучит в дверь.

В этом мире ученица деревенской лекарки может вдруг оказаться наследницей родового дара, а наводящий ужас предводитель нелюдей... но тссс, в его тайны лучше не лезть!

Светлые богини и темные дары, мирная жизнь и грязная политика, война и любовь – глазами королевского гвардейца, девушки из деревни, наследника приграничного баронства. Кому суждено погибнуть, кто сумеет выжить, кто обретет любовь?

-
- [АЛЁНА КРУЧКО.](#)
 - [1. ПЕС, БЕГУЩИЙ ПО СЛЕДУ](#)
 - [2. НАСЛЕДСТВО](#)
 - [3. ПУСТЯЧОК НА УДАЧУ](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [КОНЕЦ](#)
-

АЛЁНА КРУЧКО.
ПОЛУНОЧНЫЕ ТЕНИ.часть 2

1. ПЕС, БЕГУЩИЙ ПО СЛЕДУ

– «Три дочки у трактирщика, девицы хоть куда, гостей встречают ласково, да вот одна беда: три дочки у трактирщика да девять сыновей...»

Игмарт напевал развязную песенку, нарочито не замечая брезгливого недовольства спутников. За три ночи и четыре дня пути молодой барон Лотар сказал ему едва ли пару слов, а его стражники вовсе не замечали навязанного королем сопровождающего. Мальчишка же – слуга, а гонору на десяток оруженосцев хватит, отодрать бы за рыжие лохмы, чтоб знал свое место! – и вовсе зыркал волком. Марти отвечал показным пренебрежением. Не то чтобы он хоть на миг принял всерьез предполагаемую виновность Анегарда – Лотар-заговорщик, да, конечно, а сухой воды не хотите ли? – но и доказывать свое доброе расположение королевский пес не привык. А король, то ли впрямь поверив навету, то ли желая поучить молодого барона смирению, не только не стал слушать оправданий, но и открыто поручил Игмарту докладывать о каждом шаге отряда и о каждом чихе его командира. Конечно, Лотар оскорбился! А кто бы не оскорбился на его месте? И кому какое дело, что думает о поручении сам Игмарт? Он – королевский пес, на кого натравят, тому и должен глотку рвать.

Гнедой меринок трусил бок о бок с Анегардовой кобылой, и, будь всадники в большей дружбе, вполне бы можно было скрасить дорогу разговором. Ну что ж, нет так нет.

– «А младшая дочурка была сестер хитрей...»

– Игмарт, заткнись.

Гляди-ка, нас соизволили заметить.

– Высокородному господину не нравится пение скромного менестреля? Или его милость предпочитает другие песни? Героические баллады? Или, быть может, любовные?

Королевского пса отчетливо тянуло кусаться. Затеять ссору, отвести душу в доброй драке. Не получится, конечно, но держать раздражение в себе он не нанимался.

– А в лоб? – мрачно предложил Анегард. – И вообще, что ты за менестрель, без лютни.

– Непорядок, – согласился Марти. – Лютню надо купить, и хорошо бы не в Азельдоре, а раньше. И не новую.

– Дело твое, хочешь – покупай. Хоть лютню, хоть арфу, хоть губную гармошку. Но пока не купил, забудь свои менестрельские закидоны и умолкни, или я тебя сам заткну!

– Ай как грубо, – ухмыльнулся Марти. – Благородные господа обычно куда снисходительнее к...

Железная рука сгребла за ворот, едва не сдернув с седла.

– Слушай, ты, пес его величества, – Анегард шипел, словно рассерженная змея, – тебе велено следить или мешать?

– Чему я мешаю?

– Лес слушать, придурок!

А вот это уже серьезно. Марти опасности не чуял, но у Лотаров свои секреты, а времена нынче тревожные.

– Понял, извини.

– Еще один звук до стоянки...

Игмарт молча кивнул – насколько позволяла чужая рука на горле. Анегард отпустил ворот, обтер ладонь о штаны. Позер! Ладно, твоя милость, не буду я тебя дразнить. В конце концов, нам еще вместе дело делать, и опасное дело, что б ты там себе ни думал. Не говоря уж о...

Игмарт тряхнул головой, отгоняя слишком далекие планы. Сначала Азельдор и Герейн, остальное – после. Если всё сложится, как нужно.

Анегард не знает, насколько важно для Марти порученное им дело. Никто не знает, кроме его величества и Аскола, капитана королевских псов. Остальные, верно, решили, что Игмарта, как и Анегарда, отправили прощение выслуживать – как ни крути, пусть не своей волей, но в покушении-то замешан! Или вовсе отослали от государя подальше, от греха. Кого однажды околдовали, могут и еще попытаться; а ну как на второй раз опутанный чарами стражник не сможет воспротивиться приказу и все-таки нанесет предательский удар? По чести говоря, с последним резонном, хоть и был он обидным донельзя, Марти в глубине души соглашался. Ему и самому спокойней дышалось вдали от его величества. Береженого и боги берегут. Поработивший Игмарта маг, спасибо преогромное Зигмонду, мертв, но... Как там он говорил, заклиная пойманного королевского пса кровью и силой богини? «Ты станешь выполнять все, что прикажу тебе я или барон Ренхавенский». А барон – жив. В бегах, но жив – и кто знает, где объявится?

Нет, хвала богам, что выдался случай провести зиму от столицы вдалеке!

Холодок тревоги пробежал по хребту. Марти покосился на Лотара

– вроде спокоен. Королевский пес передвинул поудобней самострел, коснулся рукояти длинного кинжала, привычно потянулся к охранительному амулету на груди...

Пальцы встретили пустоту, а в мыслях возникла Сьюз.

Почему он отдал тогда амулет? Дар богини – незнакомой деревенской девке, сущее безумие! Да, она не похожа была на других, и она шла туда, где легко могла погибнуть, если не хуже. Ну и что? Ему-то какое дело? Он вовсе не рассчитывал встретиться с нею еще. Он не знал, что стоявшая перед ним девушка с растрепавшейся каштановой косой – пропавшая семнадцать лет назад старшая дочка Лотара. Никто еще не знал. Но – словно под руку толкнули.

Чего уж перед самим собой темнить, жалел потом. Ну так кто б не пожалел о потерянной защите, стоя на коленях перед врагом или корчась на полу у его ног? Да и после... Дни – или все-таки месяцы? – от встречи с Ренхавеном и его магом и до неудавшегося покушения напоминали затянутое туманом болото. Один неверный шаг, и... Боги тебя любят, Марти, ухмыльнулся королевский пес. Сколько раз уберегли?

Боги – или богиня? Нет, не темная, чьей силой заклинал Гиннар. Другая. Звездная дева, несостоявшаяся покровительница твоей неродившейся сестры. Помнишь, Игмарт?

Помню.

Мысли текли неровно, словно в противовес убаюкивающей дорожной скуке. Сьюз... К досаде Марти, рядом с нею все время вспоминался Зигмонд. Два его спасителя – странный опасный тип, перенаправивший чары Гиннара с жертвы на самого мага, и юная лекарка, поднявшая Игмарта на ноги так быстро, что и Аскол, и он сам только диву давались. Король объявил Зигмонда благородным – что ж, ему ли не знать, – и отдал за него дочку удравшего Ренхавена. Бедная девчонка... Эй, Игмарт, не ври, не жаль тебе ее, ни на ломаный медяк не жаль! Ты ведь рад без памяти, что Зигмонд теперь при жене. Иначе, пожалуй...

И все равно ты не можешь забыть, как встретил их тогда вечером, и рука Зигмонда по-хозяйски лежала на плече Сьюз.

По замку Лотаров ходили слухи о нелюди. Как положено слухам, звучали они один другого ужасней, но, странное дело, им верили. Даже тертые, битые, много повидавшие наемники, костяк баронских отрядов – верили. Аскол попытался докопаться до правды, но вскоре махнул рукой: правда никак не вырисовывалась, не совпадали страшные байки со спокойной жизнью вокруг. А значит, пусть себе треплют, языки без костей. Зигмонд, главный герой оных сплетен, верность королю доказал делом, а

остальное неважно.

Но Игмарт, прекрасно помнивший, куда и зачем вела Сьюз тогда, летом, отряд лотаровых стражников – усиленный, между прочим, городским магом; королевский пес Игмарт, ищейка, разведчик, в сознании которого все, касающееся гарнизонов, откладывалось помимо воли; Игмарт не просто верил, он – знал. И к бесам доказательства. Ни Зигмонда, ни его людей не было летом в лотаровом замке, зато в окрестностях пропадали дети, и от Орехового ручья волнами расходился ужас. Теперь же на Ореховом спокойно, а молодой Лотар удержал осажденный Ренхавеном замок. Притом что старый пень Эстегард, получив известия о мятеже, увел в столицу почти весь гарнизон, оставив сыну жалкий десяток потрепанных ветеранов.

И – людей Зигмонда. Людей, ха! Рассказывайте!

Как он смел обнимать Сьюз?!

Почему она позволяла ему обнимать себя? Между ними не было ничего – о любовных интрижках обычно болтают охотно, в любом замке бесова уйма сплетниц, и Марти без особого труда нашел желающих перемыть косточки деревенской лекарке. Да и Зигмонд – какой дурак, человек или нелюдь, без разницы, станет помогать тому, кто положил глаз на его девушку? Нет, Сьюз ему... не «никто», поправил сам себя Игмарт. Скорее похоже, что попавший в милость королю нелюдь относится к девчонке как к дочери или сестре. Оберегает, защищает, любит, но не как женщину. Что ж, тем лучше, однако с чего бы такая братская любовь? Что все-таки произошло тогда, летом, на Ореховом? Спросить бы Анегарда, так ведь не ответит.

Марти покосился на молодого барона. Лотар покачивался в седле, прикрыв глаза, но ошибся бы тот, кто счел его дремлющим. Лицо отрешенное и вместе с тем сосредоточенное, не иначе, «слушает» – прощупывает лес родовым даром. Похоже, все спокойно. Отчего ж тогда королевскому псу чудится впереди опасность? Отчего не дает расслабиться отточенный годами службы песий нюх?

Впрочем, нюх, бывает, и подводит. Может о ерундовой драке на постоялом дворе всю орать, а засаду прошляпить.

Хотя Анегард не только на родовой дар полагается: по двое стражников едут впереди и позади отряда, фланги держат два сторожевых пса знаменитой лотаровой выучки, а сверху, над тропой, провожает отряд по-осеннему растрепанная ворона – не иначе, Анегардовы глаза на этот день. Аскол обронил как-то, что любого Лотара принял бы в отряд без разговоров, будь тот даже разиней косоруким, за один только дар. Но этот в

королевскую стражу не пойдут, хотя и не косорукий, и не разиня, и храбростью не обделен. Ему дома дел хватает. Лотары от столицы далеко, а к границе близко, их служба в том, чтобы свои земли крепко держать.

Лес расступился, сменившись сначала зарослями густого орешника, а после – скошенной луговиной с недавно сметанными стожками. На опушке паслись мелкие деревенские коровенки, убранное поле щетинилось стерней, а за полем тянулись вдоль дороги дворы большой и богатой деревни.

– Рихар, – окликнул Анегард, – скажи вперед, скажешь нашим, пусть постоялый двор ищут. Заночуем здесь.

Постоялый двор оказался очень даже неплохим, просторным и на удивление чистым. Хозяин встретил проезжий отряд радостно, пообещал и овес для коней, и сытный ужин для путников – хотя после того, как через деревню дважды прошло верное королю войско, такое благоденствие выглядело удивительно. Впрочем, если земли барона Грегора Ордисского чем и славились, так именно благоденствием.

Пока расседывали коней и наспех умывались у колодца, подступили сумерки. Пастушата пригнали стадо; коровенки, нетерпеливо мыча, расходились по дворам, хозяйки гремели подойниками, перекликались, откуда-то слышались поросячий визг, тьяканье и звонкий девичий смех. Скрипнула дверь, пропуская путников в тепло. Из кухни донесся грохот, кто-то ахнул, кто-то – видать, хозяйка – в сердцах пообещала сослать назавтра «растяпу безрукую» хлев чистить, там хоть бить нечего. Местные мужики – пятеро, одним взглядом ухватил Марти, не то бортники, не то звероловы, словом, лесовики, – тихонько судачили за дальним от входа столом и отдыху ни в коей мере не мешали.

Марти расчетливо сел к ним поближе и наострил уши.

– У нас-т, ясен пень, че... ик... чисто, – рассуждал басовитый пузан, изрядно принявший на грудь, но связности мысли покуда не утративший – в отличие от связности речи. – О пр-шлом годе-т, поди, так лес пр-чесали... ик... э?

– То верно, – степенно отозвался другой, – по лесу как возле родной печки разгуливаем, дай боги здоровычка его милости. А у соседей-то, слышали? На выселках? Вчерась туда малого своо отправлял, дедов, значь, навестить перед зимой-то. Спросить, значь, велел, мож, дровами там помочь, а то с домом чегось глянуть, крышу там аль подпол...

– Эк заплутал ты, Вилье, – фыркнул третий. – Что там, на выселках, стряслось чего?

– А то! – всплеснул руками Вилье. – Я ж и расскажу-то! Все,

значь, как малой мой принес, а он туды пришел аккурат, значь, как его милость с охоты вернулись, о как!

– Так рассказуй уже быстрее, замордовал совсем! Что его милость-то?

– Ну-к то... его милость, значь, лес-то прочесал больше порядку ради, сами поди знаете, давненько там нелюдь не шалила, спокойнешенько народ жил-то. И как уже возвращались, у самой, значь, опушки, за малинником, на логовище-то и наткнулись. Попервах-то решили, брошено. Пустое, значь, и духу поганого нету. А потом-то, значь, из бароновой сторожи малый один отлить захотел... ну-к, видать...

– Тьфу ты, завел волыну! – сплюнул третий. – По делу-то можешь сказать? Отлить захотел, пошел в кусты, и не успел, значь, заголиться, как из тех кустов выскочил волколак да все хозяйство-то ему и оттяпал! Так, что ль?

От грянувшего хохота посыпалась с потолочных балок труха.

– Ну-к, смейтесь, – Вилье на подначку, похоже, не обиделся. – Нам туточки чего не смеяться.

– Так че было-то, дядь? – спросил доселе молчавший долговязый паренек. – Пошел тот стражник в кусты, и че?

– Пошел, значь, отлить, – вернулся наконец к рассказу Вилье, – а увидал такое, что враз медвежья болезнь бедолагу прихватила. Волколак-то, значь, умен, своих не трогал, а проезжих-то кто считает?

Подробности волколачьего житья-бытья, а также, несомненно, поимки и заслуженной смерти, Марти уже не услышал: хозяин принес ужин, и Анегард не нашел времени лучше, чтоб договориться с ним о фураже для коней и припасах в дорогу. С другой стороны, главное было ясно: барон Ордисский занят осенней зачисткой. Не потому ли чутье все ноет и ноет о непонятной опасности? Растревоженная большой охотой нечисть резко меняет повадки, а уж если на подранка наткнешься...

Ночь прошла спокойно. Разве что – выл где-то далеко не то пес, не то волколак, тоскливо выл, страшно, да светила в окно тревожная полная луна. Но Марти от того и другого накрылся плащом с головой и продрых себе до утра, до анегардового «Подъем, засони!», до мычания коров под окном, лязга колодезной цепи и заполошных воплей назначенных на сегодня в ошип кур.

Анегард знал – Лотарам завидовали многие. И породниться с ними желали многие – не ради земель и даже не ради чести, а для того лишь, чтобы досталось наследнику покровительство богини, знаменитый родовой дар.

Завидовали многие, но сколько сил забирает недоступное простому смертному умение, какого требует сосредоточения, как изматывает – не знал никто. Вчерашний день выжал Анегарда досуха. Лес пропитался тревогой настолько сильно – казалось, на миг потеряй бдительность, и тут же попадешь голодным волколакам в зубы. Пару раз молодой барон Лотарский словно ненароком замедлял продвижение отряда, переживая всплески паники впереди; однажды, наоборот, велел поторапливаться; коней же приходилось «держат» постоянно, иначе страх подмял бы благородных животных, превратил в буйных непредсказуемых тварей. А что такое «держат» весь день два десятка коней? Взмокнешь так, будто сам за них поклажу везешь!

По счастью, нынче дорога была вполне мирной. Слева речка, справа луг, подвоха ждать неоткуда, разве из-под земли или из-за низких, по-осеннему темных туч – но то и другое очень навряд ли. Твари подземные от наезженных путей держатся подальше, а небо... нет, не по такой погоде! Так что Анегард позволил себе расслабиться.

Ровно до той поры, пока его рассеянный взгляд и затуманенный разум не обратили внимания на Игмарта.

Вообще-то молодой барон старался лишний раз на королевского гвардейца не глядеть. Умом понимал – не на него обижаться надо. Пес за хозяйские приказы не ответчик, песье дело – слушать и повиноваться. Но король далеко, а назначенный им соглядатай рядом, стремя в стремя едет, глаза мозолит. И кто главный, не понять! Дело поручено барону Лотару, спрос будет с него, однако его величество очень явно намекнул: советы и помощь Игмарта принимать безоговорочно. Пока, правда, тот с советами не суется. И хвала богам, пусть и дальше... хотя, конечно, он старше (ненамного!), опытнее...

Ха, опытнее! Помог ему тот опыт, когда летом удирал от Ульфара и натолкнулся на искавших пропавшего мальчишку деревенских? Приволокли в замок за шкурку, как щенка нашкодившего! Да еще и пояском Сьюз повязанного. Его счастье, что не к заговорщикам в руки!

Однако если рассудить по чести и по совести, хоть и побывал тогда королевский пес в положении весьма незавидном, и остался Лотарам обязан, не тому над ним насмехаться, кто и половины его дел свершить бы не сумел. То есть, боги свидетели, не Анегарду. Молодой барон свои

границы осознавал неплохо. В бой – пожалуйста, на смерть – пусть, надо так надо, но бродягой безродным прикидываться, льстить, хитрить, унижаться, принимать как должное презрительное высокомерие равных тебе, а то и низших?! Пусть даже ради короля... Да хоть ради Отца небесного – ни за что! Кем вообще надо быть, чтоб с таких дел уважение к себе не потерять?!

А вот им – Игмартом, королевским псом. Едет себе, насвистывает похабень наемничью, беса ему в глотку...

Э, погодите-ка... А ведь что-то не то с «веселым менестрелем», бесы его...

Анегард стряхнул дремотную липкую одурь и взглянул на гвардейца по-настоящему внимательно. Звериная мать и все ее дети! Кажется, вчерашняя тревога Анегарда нынче вся без остатка перетекла к Игмарту. Королевский пес пребывал в столь очевидном напряжении – тронь, соломой вспыхнет! Что случилось-то? Вокруг тишь да гладь...

– Чуешь что? – не выдержал Анегард.

– Сам не пойму, – неохотно ответил Марти. – Беспокойно.

А, Звериная мать! Все знают, любую посудомойку спроси: когда королевскому псу беспокойно – быть беде. У них чутье. Анегард злым шепотом послал к бесам вчерашний лес с его страхами и резким до боли усилием вбросил сознание туда, где можно слышать без звуков и говорить без слов, опираясь лишь на силу богини и ее благословение.

Ни тени тревоги не было там. Благостная тишина, покой и умиротворение – по-осеннему сонное, предзимнее.

– Зря паникуешь, – хрипло выдохнул Анегард. – Все тихо.

– Сейчас все тихо, – поправил Марти. – Сейчас, здесь. А что будет за поворотом? Или завтра...

– Неверное у вас чутье.

Марти пожал плечами:

– Какое есть, на том и спасибо.

Помолчал. Спросил вдруг:

– Слышал, как вчера на постоялом дворе мужики о волколаке трепались?

– Нет.

– А я вот слышал.

В голосе королевского пса Анегард не отметил ни злорадства, ни поучающего «что ж ты, Лотар, ушами хлопаешь». А ведь прохлопал! Это его работа, не моя, напомнил себе Анегард, – слышать, видеть и различивать. Не каждому дано.

– Тут осенняя зачистка вовсю идет, – объяснил Марти. – Где-то близко совсем, на выселках, барон Грегор на волколачье логово набрел. А чем закончилось, не знаю, не дослушал.

Зачистка, значит.

Анегард тоскливо вздохнул, буркнул:

– Погоди малость.

Спрыгнул наземь, спустился по крутому глинистому откосу и долго плескал на лицо холодной водой. Возле берега, в тени, течения не было заметно, а вода казалась почти черной. Окунуться бы, да время дорого – королевский пес зря болтать не станет, надо этот лес с растревоженной нечистью как можно быстрее проскочить.

Как ни торопились, как ни гнали коней, но вдоль речки отряд ехал почти до полудня. Перед поворотом в густой мрачный ельник, хоть и рано было для дневки, Анегард скомандовал привал. Пусть кони войдут в лес свежими, а люди – отдохнувшими.

– За хворостом по двое, друг друга из виду не выпускать, – скомандовал Мано.

– По нужде тоже, – дополнил Анегард десятника.

Усталость по-прежнему мутила разум, но теперь к ней примешивалась злость – и заставляла держаться. Ведь сонная одурь очень даже может быть наведенной. Спать ночью станем. Долго и со вкусом, да. Анегард плеснул в лицо еще водички и, ухмыльнувшись, предложил Игмарту:

– Спой, что ли, менестрель.

По крайней мере, точно станет не до сна.

Дважды просить не пришлось. Хвала богам, Марти не завел снова надоевших до скрежета зубовного «трактирщицких дочек», а выдал что-то лихое, до крайности бодрое и, странно, незнакомое даже бывалому Мано. В слова Анегард не вслушивался, но реакцию своих стражников постарался незаметно отследить. Песня ребятам явно понравилась. Отлично; значит, слышать ее придется еще не раз, да и на певуна перестанут волком коситься. Как бы ни относился к королевскому псу сам барон Лотар, в отряде раздоры ни к чему.

В лес вступили плотной группой. Теперь и Анегард чуял душную тревогу, а раз виной тому зачистка, отряду нужно держаться кучно. Да и коней, в случае чего, проще будет успокоить. Неправильная, слишком вязкая тишина давила на сердце. Все живое затаилось, пережидая расправу над нечистью. Как-то нынче дома дела, подумалось вдруг. Отцу не до зачисток, только на ноги поднялся. Наверное, Гарнику поручит заняться.

Ничего, справится начальник стражи. Деревенских в загонщики соберет, небось поворчат, да не откажутся. Все понимают – расплодится нечисть, летом житья не даст.

Волколак выскочил чуть ли не под копыта. Послушные воле Лотара кони, вместо того, чтобы в ужасе шарахнуться, встали как вкопанные; защелкали тетивы самострелов, рывкнул, поминая бесовы шашни, Мано. Мохнатая завывающая туша билась в пыли, утыканная стрелами, и никак не подыхала. Кони храпели, прижав уши, отступить бы, да нельзя, понесут... «стоять, стоять». Спрыгнул наземь королевский пес, быстрой тенью мелькнул мимо, вперед – туда, где корчился в дорожной пыли издыхающий монстр. Выскользнул из ножен меч. Слишком короткий, такую тварь бы двуручником или хоть бастардом! Зло выдохнул Мано, приказал свистящим шепотом:

– Не стрелять!

Испуганно ругнулся кто-то из парней, впилась в кривую ель заговоренная на нечисть стрела.

Тварь билась, скребя когтями, оставляя в пропитанной кровью пыли глубокие борозды. Тварь подыхала, но врага заметила. И явно собралась прихватить его с собой.

Игмарт помаячил перед оскаленной, ревущей, покрытой пеной мордой, подразнил, дождался мига, когда злобная тварь соберет последние силы для рывка, – и, резво скакнув вбок, махнул мечом. Слишком короткий клинок вошел в шею наискось; зверь дернулся, крутанулся. Марти отпрыгнул, а меч так и остался торчать в шее твари – видно, в позвонках застрял. Впрочем, жизни волколаку теперь оставалось ровно столько, сколько истекает кровь из разрубленной яремной жилы.

– Придурок, – проворчал Мано. – А достал бы?

Марти услышал. Выдавил кривую улыбочку, бросил:

– Дуракам везет.

– Вот уж точно.

Черная кровь стекала в колею, подергивалась белесой пыльной пленкой. Последняя судорога агонии, последний след от когтей, и волколак затих. Игмарт подошел, уперся ногой, рванул меч. Обтер клинок о густую шерсть. Наклонился. Зачем-то полез шарить по твари руками.

– Отойди, певун, а? – Мано скрипнул зубами. – Не ровен час, оборотится и встанет.

– Не встанет, – Марти распрямылся, подошел, пошатываясь, раскрыл ладонь. – Вот, глядите. На шее у него болтался. Перерожденец это, не волколак.

На ладони королевского пса лежал простенький амулетик – из тех почти бесполезных поделок, что за гроши можно купить на любой ярмарке. Перерубленный шнурок сиял белизной – там, где его не пятнала кровь. Тварь совсем недавно была человеком.

Дуракам везет.

Алое марево боевого безумия рассеялось, оставив вместо себя бессилие и опустошенность. Руки подрагивали, когда Игмарт, словно во сне, вытаскивал из оборотня свой меч, шарил по трупам в поисках амулета, показывал находку Анегарду. Что-то говорил, и Лотар отвечал что-то. А в голове вертелось одно: дуракам везет.

Ты сдурел, Марти. Против каждого паршивого оборотня – как в последний бой? Мало тебя Аскол учил? «Держи себя в руках, щенок! Боевое безумие – это когда насмерть, и одна цель – прихватить с собой на ту сторону врагов как можно больше. А для победы нужна ясная голова».

Счастье еще, что Лотар не заметил. Или не понял: молодому барону о таком развесе в байках слышать доводилось. Зато десятник его...

– Не косись, Мано. Я ж сказал – дуракам везет.

– На, хлебни, – десятник сунул в руки фляжку, крепкая бражка огнем пробежала по жилам.

– Спасибо.

– Отпустило?

– Еще как.

Растечься бы сейчас лужицей – самое оно. В стремя со второго раза попал, куда годится? Спасибо, с седла не сверзился.

– Про амулет как догадался?

– Выблеснуло.

– Перерожденец, ишь ты. Дела-а...

Еще глоток, почти через силу – и без бражки в голове мутно. Ржание коней заставило досадливо поморщиться. Густой бас набатом ударил в уши:

– Боги великие! Никак, молодой Лотар?! Анни, мальчик мой, какими судьбами?! Надеюсь, никто не пострадал? Хитрая тварь, мы за ней по лесу, а она на дороге!

Игмарт зло встряхнул головой. Ай да молодец, королевский пес, целый отряд гостей прошляпил. Похоже, сам барон Грегор навстречу пожаловали. Ладно, тут Лотару карты в руки. А если б враги? Мало Аскол тебя учил...

О чем договорились высокородные господа, понял бы любой щенок. Отряд Анегарда смешался с людьми Грегора. Труп оборотня

поволокли за лошадыми на веревке, оставляя в пыли кровавый след. Внятная и простая метка: нечисти здесь не место. У этих земель один хозяин.

Расслабленно покачиваясь в седле, королевский пес лениво размышлял о зачистках и прочих осенних хлопотах. И о том, разумеется, как оные хлопоты отразятся на гостеприимстве барона Ордисского.

О бароне Грегоре Марти слышал всякое, но если разобраться, все сводилось к одному. Его милость благородный барон Ордисский – из тех, кто предпочитает безраздельно главенствовать в собственном курятнике, нежели искать милостей при сколь угодно пышном и блистательном дворе. В молодости, как водится, повоевал за короля, а нынче – исправно платит подати, ревностно следит за благосостоянием деревень и безопасностью дорог в своем баронстве и на том почитает долг верноподданного всецело исполненным. Насколько знал Игмарт, его величество вслух такой позиции не одобрял, но втихомолку считал разумной. Мол, для государства куда полезней десяток таких затворников, чем один честолюбец. Хотя, конечно, мог бы хоть ради приличия появляться иногда в столице.

Зато в заговоры не лезет.

Дорога вынырнула из леса, пробежала кочковатым болотистым выпасом, скошенным лужком, раскисшими слякотными огородами – и уперлась в широкий деревянный мост надо рвом и в темные, из векового дуба, обшитого полосами железа, ворота. Баронский оруженосец, подбоченясь, затрубил в рог. Створки ворот расползались медленно, а за ними, натужно скрипя, ползла вверх начищенная, без пятнышка ржавчины решетка.

Наконец отряд втянулся внутрь, на широкий, умощенный серым булыжником двор.

Грегор командовал, подкрепляя приказы повелительными жестами: гостей накормить и разместить, тварь сжечь, Анни, мальчик мой, за своих не беспокойся, комнату тебе покажут, эй, бездельники, кто там, проводите его милость барона Лотара в гостевые покои! И скажите на кухне, пусть поторопятся с ужином!

Марти поймал себя на радостной, почти щенячьей улыбке. Да здравствует грядущий ночлег в дружественном замке со всеми его сомнительными и несомненными прелестями.

Скоро выяснилось, что несомненными прелестями придется пожертвовать ради сомнительных. Лотар, бесов ему в болтливый рот, не преминул представить Игмарта человеком его величества – и сие означало, прежде всего, место за ужином рядом с хозяином. Ни тебе служаночке

подмигнуть, ни спать незаметно уйти в разгар веселья, зато на любезности отвечать изволь соответственно. Как дела в столице? Верно ли рассказывают, что сама принцесса Вильгельма, его величества непутевая сестра, ввязалась в заговор и нынче в бегах? Правда ли, что знатные головы вовсю летят, и что следует ждать больших перестановок в королевском кабинете? Верно, кивал Марти, правда. Вильгельма в бегах, иные из бывших приближенных в опале, а иные и голов недосчитались. Что же касается столичных дел, так, по чести говоря, жизнь течет своим чередом, не особо оглядываясь на неприятности некоторых знатных родов. Только народу лишнее развлечение, аккурат к осенней ярмарке.

С ярмарки разговор естественным образом перетек на урожай, цены, налоги и прочие хозяйственные премудрости. Тут нить беседы подхватил Анегард, и Марти смог, наконец, отдать должное печеной оленине и доброму вину. А вино у Грегора оказалось привозным, забористым, а оленина, нежная, щедро приправленная пряными травами, сама просилась в рот! Диво ли, что очередной перескок разговора Марти прошляпил? Спыхватился, услышав имя, от которого и в смертном бреду вскинулся бы: Герейн.

Та-ак, похоже, речь наконец зашла о деле. А то уж и странным казалось – гостей Грегор привечает, а куда их несет нелегкая в жестокое предзимье, когда самое время дома нечисть гонять, не спрашивает.

– Значит, говоришь, в землях Герейна завелась нелюдь, – Грегор задумчиво оглядел кость с остатками мяса, кинул под стол; из-под стола донесся смачный хруст. – Что ж, его величество рассудил мудро, кого туда, как не Лотара. Извини, мой мальчик, я, конечно, не думаю, что ты непременно вернешься оттуда живым, но у других шансов и того меньше.

Вот уж утешил так утешил! Хотя Анегарду, похоже, не привыкать, только кивнул в ответ да отрезал еще мяса.

– Нет там никакой нелюди, – хмыкнул Марти. – Пыль это, глаза отвести. Небось сам Герейн слухи распускает.

– Может, нет, – Анегард зло сощурился, – под заклад спорить не стану. А только я думаю, еще как есть.

Марти удержал на языке ехидный ответ. Не дело при постороннем цапаться, того довольно, что спор затеяли. Сказал просто:

– Не верю. Я Герейна знаю. Было б у него в землях опасно, он бы не с заговорщиками колобродил, а у короля помощи требовал. Причем срочно, немедленно, и в размере не меньше армии.

– А может, он сам ту нелюдь прикормил? – Лотара явно тянуло спорить дальше. – Удобно ведь. Дурная слава землям лучшая защита.

Дурак. Молокосос, щенок.

– Ты бы своим землям такой защиты хотел?

– Так не обо мне речь.

– Мальчики, мальчики, – Грегор добродушно рассмеялся, – экие вы горячие. Доберетесь до места, там и разбираться станете. А ты, Анни, вот что учитывай: если Герейн и впрямь мятежников поддерживает, вам туда соваться – что голой задницей в муравейник. Есть нелюдь, нет, а главная опасность от людей будет.

– Это верно, – кивнул Марти. – Приедем, поглядим. Может, и прав ты, Лотар, чем бесы не шутят. А только попомни мои слова, нам там и без нелюди с нечистью врагов хватит.

– Поглядим, – не то согласился, не то возразил Анегард. Повернулся к Грегору: – На Азельдор дорога как, чистая?

– Плохого не слышал. Я ту сторону в прошедший боговорот вычистил. Весь улов – гнездо лесных упырей да парочка болотниц. Деревни там сильные, людные, тварям плодиться негде.

Блаженная сытость разливалась по телу сонной одурью. О дороге пусть Лотар спрашивает, ему полезно.

– Простит ли меня любезный хозяин? Я, признаться, рискую заснуть прямо здесь.

Смеется.

– Эй, бездельники, кто там еще не свалился! Проводите его милость Игмарта в гостевые покои!

Зачем же так пышно, хотел возразить Марти. Я вовсе даже не «его милость» пока что. А впрочем, называйте как хотите, мне все равно, мне бы до постели добраться и спать... спаа...

– Прошу, ваша милость!

– Угу...

Спать.

Грегор проводил королевского пса насмешливым взглядом.

– Молодежь! Я в его годы мог день в седле протрястись, ночь пить, а утром – снова в седло.

Анегард подавил внезапное желание заступиться. Торопливо отхлебнул вина. Он и сам с превеликим удовольствием ушел бы спать, но это казалось неучтивым. Еще немного можно посидеть. В конце концов, безопасный ночлег и доброе угощение вполне стоят долгой застольной беседы, особенно с человеком опытным и бывалым.

И, кстати, давним соратником отца.

– Этот Игмарт, – медленно спросил Грегор, – сильно тебе мешает?

Анегард пожал плечами:

– Не так уж. Скорей раздражает, и только.

– Ты слишком горяч, Анни. Тебе надо приручить его, а ты смотришь волком. Нельзя ссориться с людьми короля.

– Я с ним не ссорюсь.

– Да уж вижу.

– Он меня бесит! – выпалил Анегард. – Каждым словом, каждым взглядом!

– Когда дойдет до дела, он может оказаться полезным. Не говоря уж о том, что в глазах его величества ты будешь выглядеть так, как захочет этот парень. Пойми, одно его слово весит больше, чем десяток твоих подвигов.

– Лгать он не станет. В этом я ему верю.

– Воля твоя, – Грегор брезгливо поморщился. – А я бы не стал. Но, в любом случае, будь с ним осторожен. Ты, уж прости, не дорос до политики. Зубы не те.

– Вы в политику тоже не суетесь, – пробормотал Анегард.

– Не суюсь, – кивнул Грегор. – Мне оно не надо. Дома забот хватает. Но если меня попробуют укусить – зубы обломаю. Понял разницу, Анни?

Анегард молча кивнул. Торопливо отхлебнул вина, пытаясь скрыть охватившую его досаду – не то на вполне заслуженные поучения, не то на собственную неопытность.

– Вот и славно. Обдумай на досуге, – Грегор ободряюще улыбнулся, словно извиняясь, и тут же заговорил о другом: – Между прочим, Анни, мальчик мой, до меня дошли странные слухи. Похожи на байки менестрельские, но люди, от которых я это услышал, не склонны байки травить. Верно ли, что у тебя появилась еще одна сестра, дочь моего друга Эстегарда от первой супруги? Та, что считалась мертвой много лет?

– Сюз, – в груди стало тепло, и на губы сама запросилась нежная улыбка. – Верно, да.

– Говорят, она красавица и умелая лекарка к тому же?

– И это верно. Она мне жизнь спасла. Счастье, что сейчас она с отцом. Он все еще был болен, когда я выехал, но на умение Сюз можно положиться.

– Поздравляю, раз так, – Грегор собственноручно долил в кубки вина. – Здоровье благородного Эстегарда!

Анегард выпил до дна, торопливо зажевал куском остывшей оленины. В голове шумело.

– А еще говорят, будто девушка выросла в деревне и не знает благородного обхождения?

– Ее воспитала знахарка. Да, Сьюз не всегда ведет себя так, как подобает баронской дочери, но деревенщиной ее не назовешь. Лекарка с даром, вот кто она. И храбрая. У нее благородное сердце, достойное высокого рода.

– Ей сейчас, должно быть, восемнадцать?

Анегард кивнул, изо всех сил стараясь сидеть прямо и не упускать нить беседы.

– Значит, – задумчиво продолжал Грегор, – летом, а то и к весне, стоит ждать свадьбы. А что, Анни... Анни, мальчик мой, я тебя совсем уболтал? Прости неучтливого старика и отправляйся отдыхать!

«Вы совсем не старик», – хотел возразить Анегард, но глаза закрывались, а шум в голове становился все настойчивее. Молодой барон Лотар смутно ощущал, как его ведут куда-то, стаскивают сапоги и камзол, укладывают... Что там благородный Грегор говорил о свадьбе? Утром спросить... надо...

На этой мысли Анегард провалился в сон.

...Он бежал по ночному лесу, по знакомой с детства тропе, и кинжальный ветер полнолуния вспарывал шерсть. Проклятую волчью шерсть. Не помог амулет, не помогла Звериная мать. Не услышала, а может, не захотела.

Он бежал, и ужас дышал в душу. Спасительный, благословенный ужас – единственная преграда отчаянию.

Старший мертв. Убит. Убит и сожжен. Вонь горелой плоти въелась в шерсть, не отпускает. Проклятая зачистка. Проклятый Грегор, его милость, справедливый и заботливый господин. Разве мы виноваты, что так вышло?! Боги свидетели, одного хотели – жить, как раньше жили. Как все люди.

Как люди.

Не хочу, взвыло внутри. Зверем, тварью, нелюдью – не-хочу-не-хочу-не-хочу-у...

Сожгут. И пепел по ветру развеют. Беги, тварь, беги. Не быть нелюди человеком.

Холодный лунный свет ударил в глаза. Лунное серебро дробится в текучей воде, пляшет мелкой веселой рябью. Река – граница баронских владений. Там, дальше – заповедный коронный лес. Самое место для твари.

Текучая вода, забери тоску, унеси следы.

Черная тень перечеркнула серебристую полосу. Волколак взвыл, заскреб когтями: крутой берег выворачивался из-под лап, осыпался текучим песком, словно не хотел пускаться. Отчаянный, из последних сил прыжок... тварь обернулась, взвыла злобно – и скрылась в спасительном ельнике.

Анегард вскинулся, хватанул ртом холодный воздух. Из окна удушливо несло горелой плотью. Оборотня жгут... сожгли. Не это ли кошмар наваяло? Смутные обрывки всплывали и таяли. Ужас, отчаяние, ненависть... Нет, не просто кошмар. Дар. Кого-то ты почуял, Лотар. И вышибло-то из видения над рекой, над текучей водой – все верно.

Что ж, одной тварью меньше в землях барона Ордисского.

Анегард встал, прошлепал к столу; выстывший пол охлаждал ноги даже сквозь ковер. Напился ледяной воды – прямо из кувшина. Сел на постели, завернувшись в меховое одеяло. Одной тварью меньше – но почему тогда, откуда, зачем эта рвущая душу жалость? Вот еще выдумал, барон Лотар, нелюдь жалеть!

Да, выдумал. Однажды твоя жалость уже обернулась во благо. Многим, и тебе самому не в последнюю очередь. В конце концов, Звериная мать, богиня тварей – и твоя богиня тоже.

Спать больше не хотелось. Да и незачем, криво усмехнулся Анегард. Время к рассвету.

Он все же подремал еще немного – сидя, неловко привалившись к стене. Поднялся с тяжелой, словно мокрыми опилками набитой головой. За завтраком хмуро молчал – впрочем, барон Ордисский тоже не отличался с утра особой любезностью. Хотя простился с гостями тепло, удачи пожелал. Извинился:

– Провожать не стану, уж простите старика. Зачистка – дело тяжелое, устал.

Копыта гулко простучали по мосту; порыв ветра донес все еще отчетливую вонь. Анегард потрянул головой, отгоняя воспоминание о ночном кошмаре, и отряд свернул на дорогу к Азельдору. Игмарт засвистел что-то немелодичное, да почти тут же и умолк. Также, что ль, не выпался?

Проехали по деревне, распугав копошившихся в оброченной соломе кур и собрав урожай любопытных взглядов. За деревней потянулись вскопанные под зиму огороды, щетинистые полоски жнивья. Голова прояснилась, и тут же вспомнился вчерашний разговор. Интересно, Герейн тоже зачисткой занят? Если и впрямь нелюдь прикормил, кого вычищает? Выехали б раньше, успели бы своими глазами глянуть. А теперь только гадать да, быть может, людей расспросить. Первый снег не за горами, а

ехать еще – никак не меньше боговорота.

До самой дневки так и тянулось: деревеньки, жнивье да огороды, да мирная, безмятежная тишина. Пообедали в трактире, посмеялись над Рихаром, задразнившим конопатой мелкую хозяйскую дочку: на себя, мол, погляди! Расспросили хозяев. Выслушали долгое восхваление в адрес его милости барона Грегора, чьими заботами зверье, нелюдь, разбойники и прочие неприятности ходят где-то далеко, не мешая жить честным людям. Сторговали задешево гуся, копченый окорок и три краюхи свежего хлеба, приплатив к надрезанной серебрушке новостями. Люди здесь и впрямь жили хорошо.

Часа в три пополудни дорога нырнула в лес, но и здесь было спокойно. Анегард тревоги не чуял, Марти, судя по всему, тоже. Королевский пес учел, видно, вчерашнее, и менестреля из себя не строил. Таким, тихим, его оказалось терпеть куда легче. Анегард даже почти смирился с просьбой Сьюз – «Пригляди там за ним, ладно?» – хотя что сестренка нашла в этой наглой роже, понять не мог. Да и не пытался. Пусть все идет, как идет, а там поглядим.

Закатное солнце ударило в глаза. Золотая дорожка дробилась в текущей воде, плясала мелкой веселой рябью. За рекой, на крутом берегу, видны были глубокие борозды от волколачьих когтей. А над обрывом нависала шапкой темная, нехоженная чаща. Мрачные вековые ели, заповедный коронный лес. Самое место для твари.

Сердце пропустило удар.

– Мано, – позвал он хрипло, – сегодня дальше не идем. На ночь усиленную охрану. Там, – мотнул головой на темный ельник за текущей водой, – не зачищали.

– И чего бы здесь постоянный двор не поставить? – проворчал кто-то из ребят. – Небось бы толк был.

– Дубина, – нахально припечатал Рихар. – Был бы толк – для тех, кто на том берегу крови хочет.

– Можно отойти, – предложил десятник, – там позади вроде неплохая полянка промелькнула. Все не на виду, и защитный круг обвести место будет.

– Давай, – кивнул Анегард. Сейчас он не ощущал ни опасности, ни тревоги. Кто бы ни гулял на том берегу, он пока не заметил возможную добычу. Но повезет ли так ночью?

Выспаться не придется, это точно.

Зачистка – дело, конечно, тяжелое, хлопотное и опасное; но, жалуясь молодому Лотару на усталость, барон Грегор Ордисский изрядно

покривил душой. Не так он стар, как кажется соплякам, едва начавшим бриться! Мужчина под сорок лет – еще и воин, и хозяин, и муж хоть куда.

Совсем недавно барон Ордисский снял траур по жене. Жюлин оставила ему трех дочерей, старшей едва исполнилось девять, младшей – пять. Девочкам нужна мать, замку – хозяйка. Но умудренный годами барон вовсе не собирался приводить в свой дом бестолковую дуру, ничего не смыслящую в жизни, у которой на уме одни лишь наряды да королевские милости. А выбор у не отмеченного особым вниманием, далекого от столичных интриг вдовца и без того не так уж велик.

Поэтому, а не только из сочувствия к старому другу, барон Ордисский не пропустил мимо ушей известия о чудесном возвращении старшей дочери Лотаров. Как бы ни была девица хороша, Эстегарду нелегко будет найти ей мужа. Семнадцать лет без родительского присмотра, без должного воспитания, в деревне, с какой-то безродной лекаркой вместо матери!

А ему здесь утонченное воспитание и не нужно. Зато девушка, жившая в деревне, наверняка разбирается во всех тонкостях хозяйства. Да еще и лекарка! Идеальная жена, если не вывозить ее в столицу и не показывать высокому обществу!

Что ж. Зачистка почти закончена, с оставшимся справится капитан. А он, пожалуй, выберется в гости к старому другу. Передаст Эстегарду привет от сына, а заодно познакомится с дочерью.

Хозяйственное чутье редко подводило Грегора; сейчас оно настойчиво шептало, что Эстегардова дочка-лекарка может оказаться ценным приобретением не только для него, а потому стоит поторопиться.

От заповедного коронного леса Марти ждал пакостей всех и всяческих. Там, небось, со времен позапрошлого короля ни одной зачистки толком не было: при прошлом сплошные мятежи, этот все заговоры ищет...

На деле же пакость оказалась одна-единственная, лично и персонально для королевского пса: отряд шел спокойно, спокойней, чем по благополучным баронским владениям, а Марти не понимал, почему. День, второй, третий... Дремучая чащоба, самые места для всякой нечисти, хищников и прочих тварей, которым отряд в десяток стражников и неопытного юнца – на один зуб, а королевский пес – на второй. И хоть бы заяц какой дорогу перебежал! Тишь да гладь, да небесная благодать. Разве что в самый глухой час ночи донесется издали тоскливый вой.

Не боги же им путь расчищают! И не Анегард: Марти уже пригляделся, сколько сил забирает у того родовой дар, и точно видел, что

сейчас молодой Лотар почти его не применяет. Но что-то совершенно точно происходило, песье чутье вопило об этом во всю глотку. И, самое противное, Марти видел – остальные прекрасно знают, что. Королевского соглядатая просто не сочли нужным посвятить в тайны, известные любому лотаровскому стражнику.

Оно, конечно, понятно. Сам Игмарт на месте Лотара тоже не спешил бы откровенничать. Но от этого «понятно» досада никуда не девалась.

Да и не в одной только досаде дело. Неприязнь младшего Лотара и его стражников Марти переморгал бы, они его ни любить, ни заискивать не обязаны, а дружбу или хотя бы уважение прежде заслужить надо. Но ведь на опасное дело идут, нужно знать, кто на что способен! Сила отряда в слаженности, не настолько Анегард глуп, чтобы не понимать таких простых истин. Обида глаза застит? В его годы не удивительно. Но вправить мозги надо.

Время для разговора Марти выбрал с таким расчетом, чтобы и без свидетелей, и от сна особо не отрывать: на четвертую ночь Анегард сменял его в предутреннюю стражу. При стражниках объясняться не стоит, и так на него косятся. Из всего отряда только Мано, кажется, королевского пса за человека считает. Ну так десятник, понятно, поумней своих стражников будет, да и – Мано со старым Лотаром в походы ходил, хоть Игмарт его не помнит, он помнить может.

Свои законные два часа полуночной скуки Марти так и сяк вертел в уме возможные объяснения. Из всей чуши, что лезла в голову, более-менее вероятным казалось одно: какой-нибудь подарок от барона Грегора. Амулет или наговор, чем еще отогнать нечисть? Грегор знал, куда и зачем они едут, со старым бароном Лотаром он дружен и молодого вроде бы жалует. Вот только для наговоров нужен опытный маг, а об амулетах такой силы Марти в жизни не слышал. Вот и думай – тоже, как ни крути, чушь выходит.

Ходить вокруг да около королевский пес не любил. Когда подошел Анегард, спросил прямо:

- Что происходит?
- Ты о чем? – Лотар сонно моргнул.
- Слишком гладко идем. Не бывает так.
- А-а... Значит, бывает.
- Я на твой дар думал, – откровенно признался Марти, – но вижу, не похоже, другое что-то.
- Тебя оно не касается. Ни дар Лотаров, ни «что-то другое».

Ишь, сказал, как отрезал. Сопляк. Щенок, гордый не по возрасту. И лицо такое стало – будто ждет, что королевский пес кусаться полезет.

Марти лениво поворошил почти прогоревшие угли, подкинул в костер толстую ветку. И ответил так же лениво:

– Ошибаешься. Меня оно очень даже касается – мне с вами вместе драться придется.

– Была бы моя воля, не пришлось бы!

Ишь ты, задиристый какой – другого демонстративное спокойствие Игмарта притушило бы, а этот еще больше распалился.

– Слишком ты гордый. Вопреки здравому смыслу.

– Какой есть.

Со старым Лотаром было бы проще. Тот королевского пса Игмарта по боевым делам помнит. А этот – за шпиона держит.

– Послушай, – устало сказал Марти, – ты себе в голову вбил, что король тебе доносчика навязал. Но я, как и ты, сражаться еду. И мне, чтоб ты знал, так же важно там победить, как тебе. Не у тебя одного родовая честь имеется.

Анегард запрокинул голову, уставился в ясное, усыпанное крупными звездами небо, в краешек огромной луны, насаженной на острые вершины елей. Бросил:

– Сражаться, говоришь? Вот и не лезь тогда с расспросами. Для драки тебе ответы не понадобятся.

Щенок. Что он знает о настоящей драке.

Развернулся на едва заметное презрительное хмыканье Марти:

– Или проваливай спать, или я уйду, а ты еще смену сиди. Нашел время для разговоров.

Марти пожал плечами:

– Хочешь, иди досыпай. Мне без разницы, я и в седле подремлю.

– Проваливай, – яростным полусшепотом рыкнул Анегард. – Выискался тут... благодетель.

Вот и поговорили. И так на королевского пса в отряде косятся. Лучше бы один поехал. С Герейном бы управился, а нечисть... да нет там никакой нечисти! Бабы сказки одни да детские страшилки.

– С королевским приказом не поспоришь, – оскалился Марти. – Придется тебе и дальше меня терпеть, Лотар.

Добавил мысленно: а мне – тебя.

– Предпочел бы настоящего пса, – сплюнул Анегард. – И пользы больше, и поговорить приятней. Кстати, если помнишь, по королевскому

слову командую здесь я, так вот тебе мой приказ – проваливай спать. Мешаешь.

– Слушаюсь, – насмешливо хмыкнул Марти. И ушел, а что оставалось. Дисциплина в походе – это святое.

С той ночи между Игмартом и Лотаром установилось молчаливое перемирие, густо замешанное на открытой неприязни. Когда не то чтобы вовсе один другого не видит, но разговоры – только по делу, ни слова, ни взгляда лишнего. Марти считал это дурью, тем более что Анегарда такое положение дел явственно раздражало. Вот уж, сам себе проблему создал! И ведь не понимает, что его такого только тронь... Впрочем, Марти не трогал. Королевский пес не привык тратить силы попусту. Будет враг, тогда и придет время драться. А пока можно подремывать в седле, положившись на плавный шаг гнедого меринка и на лотаровы тайны.

Чего Марти точно не ожидал – что драка едва не приключится в первый же день, как отряд выберется из заповедного леса. Расслабился. Но таинственное средство, обеспечившее им спокойный проезд по самым опасным чащобам королевства, прекрасно, как оказалось, действует и на обычных селянских разбойников.

Ощущение близкой опасности дернуло внезапно и резко. Марти выпрямился, оглянулся. Наткнулся на сосредоточенный взгляд Лотара, спросил:

– Тоже чуешь?

Анегард слегка пожал плечами:

– Люди впереди, в лесу. Птиц распугали. Больше ничего. А ты?

– Опасность, – коротко ответил Марти.

Анегард поднял руку: привал.

– Схожу, разведую? – предложил Марти.

– Свой разведчик есть. Эй, Рихар! Слышал?

– Ага, – отозвался рыжий нахал, – гляну.

У Игмарта и слов не нашлось. Предпочесть королевскому псу, сотни раз в разведку ходившему, деревенского мальчишку?! Ладно, Лотар. Раз так, сам и отдувайся. Командир, чтоб тебя. Щ-щенок.

– Зря обижаешься, – тихо бросил Мано, когда рыжий скрылся за соснами. – Мальчишка в лесу свой.

Марти не ответил. Вытряхнул из мешка доспех-стеганку, проверил самострел. Подумал: мне бы пару-тройку наших ребят вместо упрямого щенка Лотара с его десятком боевой по деревенским меркам стражи. Но с королевскими приказами не спорят.

Рыжий вернулся слишком быстро для хорошей разведки. Бросил,

сияя довольной рожей:

– Можно ехать. Была там, похоже, засада, да вот беда, с какой-то нечистью столкнулась, еле ноги унесли мужички.

– Едем, – кивнул Анегард.

До постоянного двора добрались без приключений. Пару раз Игмарт ловил на себе внимательный взгляд Анегарда. Думал: за дурака меня держит, или наоборот, не сомневается, что пойму? Да уж трудно было бы не понять. Летом Лотар жалуется на неизвестную нечисть, отправляет отряд в лес, и что-то там с тем отрядом точно происходит. Очень крепкое что-то, если вспомнить, как подбросило тогда среди ночи от отраженных амулетом Сьюз чар. Если бы не дернуло тогда подарить ей тот амулет, точно бы девчонку размазало.

А осенью выясняется, что все живы-здоровы, в землях Лотаров тишь да гладь, а среди лотаровой стражи появляются новые люди. Странные люди, которым ничего не стоит отбить ночной штурм, подкрепленный сильнейшей магией. Предводитель которых, бесы б его драли через три колена, шутя отражает чары, насланные именем и силой темной богини. Тут и до бабки ходить не надо, дураку ясно, что дело нечисто. Даже если не вспоминать те слухи, от которых бывалые вояки из баронских отрядов зайцами тряслись.

Вроде бы летом этого рыжего в лотаровом замке не было. Что, конечно, ничего не доказывает, но повод задуматься и последить дает.

И, конечно, если у Лотаров завелась прирученная нелюдь, вполне умно взять ее в поход против нечисти. Заодно и хищников с разбойниками в пути отпугнет.

Остается только один вопрос: уверен ли ты, королевский пес Игмарт, что с тобой рядом едет сейчас хотя бы один человек?

И уверен ли, что осталась человеком девушка, к которой все-таки хочешь вернуться?

Многое дал бы младший барон Лотар, чтобы читать мысли людей так же ясно, как читает звериные. Может, тогда разобрался бы, что творится за непроницаемой физиономией королевского наблюдателя. Игмарт еще в заповедном лесу заподозрил неладное; а когда Рихар разогнал засаду – явно обо всем догадался. Вот только виду не показал. Едет, молчит, думает. Зыркнет искоса на Рихара, на Анегарда, отведет взгляд, нахмурится чуть заметно. Лучше бы о том подумал, какие бесы понесли разбойничков на дорогу, которой почти никто не ездит, а кто ездит – того голыми руками не возьмешь. И это, когда самое время на столичном тракте купцов караулить!

Теперь Анегард жалел, что тогда, в лесу, отбрил королевского пса с его попытками разобраться. Может, стоило сразу поговорить откровенно, объяснить? Ведь тогда Игмарт настроен был решить возможные разногласия миром. Теперь же, когда его ткнули носом в коврик и рывкнули «место», обратно уже не отшагнешь. У отряда, идущего в бой, может быть только один командир.

Постоялый двор встретил теплом, запахом свежего хлеба и жареной поросятины, гвалтом и суетой. Купеческие возы загромаждали огромный двор, охрана устраивалась ночевать по-походному, под возами, а сами купцы, их приказчики, телохранители и вникающие в дело сыновья заняли все столы в просторной трапезной, приткнуться негде.

Деревня стояла на тракте из столицы в Азельдор, и народу сейчас в обе стороны ехало преизрядно. Причем народу в основном торгового. Кто с одних ярмарок, кто на другие. В столицу за льном и зерном, в Азельдор за знаменитой сталью, в приграничье за степными конями-полукровками и наговоренными зельями варварок-травниц. А кто еще дальше – закупив на столичной ярмарке задешево северный мед, меха, белый пчелиный воск, медвежий, бобровый и волколачий жир, везет продать втридорога, а то и сам-десять за варварские степи, в земли смуглых воителей-ишаров. О тех странах Анегард только в байках менестрельских слышал. Будто бы охотятся там с копьями на злых гривастых рысей, в ручьях среди гальки находят сияющие опалы, а у каждого благородного мужчины – по три жены.

Анегард едва протиснулся к хозяину, подвигая стулья с купцами, наступая на ноги и отвечая на пьяную ругань свирепыми взглядами. Правда, убедительности этим взглядам наверняка прибавлял маячивший за плечом королевский пес.

Хозяин поклонился благородному гостю, суетливо вытер ладони о замызганный фартук:

– Нету комнат, уж извиняйте. Великим Отцом клянусь, ни единой души пристроить не сумею. Сами видите, что у нас тут нынче творится.

– А что творится? – тут же влез Игмарт. – Не первый раз этой дорогой еду, но такого не припомню.

– А, – трактирщик досадливо махнул рукой. – Дожди тут давеча прошли, а то, может, попросту мельник наш, жмотище, с речным хозяином о чем-то не сговорился. У него на мельнице запруду прорвало, а ниже по реке берег подмыло, обрушило. И надо ж было, чтоб аккурат до моста дошло! На том берегу стоит мост, как стоял, а на нашем – унесло, аккурат до стремнины только опоры теперь торчат. Вот и застряли, кому на юг.

– Так чинить надо, – буркнул растерянный Анегард.

– Надо! – зло согласился трактирщик. – А кому чинить? Господин барон, вишь, в поход отбыть изволили, короля от мятежа защищать, дай боги им здоровьичка. А без него... – Трактирщик снова махнул рукой. – Это ж лес нужен, да не абы какой! Кто ж без господского дозволения рубить станет! Так что ужином я вас накормлю, для коней овес и сено найдется, а спать, уж извиняйте, негде.

– Сеновал? – деловито спросил Марти.

– Занят! И сеновал, и над конюшней чердак, и даже баня! И в деревне ни одного дома без постояльцев не осталось. Сами, поди, понимаете, время-то – аккурат к ярмаркам. Эх... вот ударит распутица...

– Ладно, давай ужин, в поле переночуем, – решил Анегард. А что оставалось? В дороге все равны, кто первый сел, того и место. Спасибо, хоть дождя нет.

Трактирщик объяснил, где можно стать и коней пустить пастись, чтоб без обид и без потравы. Развели костер, натаскали из ближней скирды сена – плащ сверху кинуть, чем не постель. Поле полем, а близость деревни все равно успокаивала. Здесь давно прошла осенняя зачистка, да и места людные, а значит, от нечисти безопасные. Так что, хоть охрану и выставили, неприятностей никто не ждал. Королевский пес ушел шататься по деревне, вернулся пьяный, с лютней в обнимку. Похвастал:

– Не лютня, чудо! Южная работа, не бродяге вроде меня, королевскому менестрелю впору! А хозяин у нее был дурак.

– Был? – с нажимом переспросил Анегард. Еще не хватало смертоубийство разбирать!

– Был дурак с лютней, остался без, – хохотнул Марти. – Не думай плохого, Лотар, выиграл я ее. Честно выиграл, метал на спор ножи с купеческим сынком.

Мано ухмыльнулся:

– Играл волк с овечкой.

– Да он первый предложил, – Марти любовно тронул струны. – Если щенку охота перед девчонкой хвост распушить, так думать надо, на чем удаль показывать. Спеть вам, парни?

Лютня Игмарта слушалась – куда там королевским менестрелям. Анегарда аж зависть взяла – хоть и знал, что королевские псы не только в бою мастера, но чтоб настолько... И выбрал он на этот раз не похабень наемничью, не разудалое походное, даже не баллады, а что-то совсем Анегарду незнакомое. Длинное, печальное, вроде бы незатейливое, а заслушаешься. О Звездной деве и земном ее воплощении, о погибшем в

дальнем походе войне, об ожидании и вере. Девчонки такое любят, но чтоб у мужиков слезы наворачивались... Никогда больше, понял вдруг Анегард, не назовет он Игмарта менестерелем подначки ради. Так не каждому дано.

Опомнились, когда костер прогорел. Луна перевалила уже за половину ночного пути, и вокруг стояла та особенная тишина, какая бывает, когда ночь поворачивает к рассвету. Бесы бы побрали этого певуна!

– Спать, – скомандовал Анегард, – немедленно. – Покосился на Игмарта, убиравшего лютню в кожаный футляр. – Тебе бы на ярмарках зарабатывать.

– Приходилось, – тихо ответил королевский пес. Лег, закинув руки за голову, глядя в небо. Добавил глухо: – Звезды яркие. Не люблю такие ночи, тревожат. Чутье отказывает.

– Спи, – неловко повторил Анегард. – Зачем тебе здесь чутье, все спокойно.

Марти буркнул что-то невнятное, отвернулся. Анегард пожал плечами и тоже лег. Подумал, проваливаясь в сон: звезды как звезды. Вот луна...

Луна слепила глаза, обжигала расплавленным свинцом в крови. Но пуще ненавистного полнолуния жгла ненависть. За что?! Не хотели плохого, жили, как жилось, как все живут, перед богами не грешили, людям зла не делали. Почему же – сначала волчья шкура, потом баронская сталь и огонь, за что?!

Уцелевший волколак шел по следу убийцы. Он не умел убивать, ни разу ему не приходилось вонзать зубы в глотку живому существу – зайцу ли, человеку. Но когда жить больше незачем, что еще остается, кроме мести. Сомкнуть клыки, а там – пусть примет к себе немилосердная звериная богиня.

Анегард рванулся из цепких лап сна, как утопающий из глубины, из жадной вязкой тины к далекому свету над головой. Обожгла разум вспышка звериной ярости – во сне ли, наяву, не понять. Глухой, горловой рык ударил в уши. Анегард вскочил, схватился за меч. Рядом – руку протяни – волк рвал судорожно дергавшееся тело. Рвал неумело, как щенок тряпку, мотал головой, скреб когтями по присыпанной сеном земле, а разум его застилал огонь ненависти – не достучаться. Встал рядом Мано, выругался, опуская клинок: в зыбком свете луны поди разбери, где зверь, где человек. Сплелись, мелькают руки, лапы, то сахарная белизна клыков взблеснет, то льдистая сталь боевого ножа.

В едва тлеющий костер подбросили сена, пламя вспыхнуло, взвилось и опало, но следом уже летели смолистые еловые ветки. Мано

снова поднял меч и снова опустил, хрипло выругавшись – человек вдруг оказался сверху, подмяв волка под себя. Ударил в основание черепа, между прижатыми ушами и странно тощей для волка шеей – раз, другой, третий. Зверь задергался в агонии. Последний раз взлетел и опустил длинный нож.

Игмарт откатился в сторону и сел, опираясь ладонями о взрытую дракой землю.

На земле, на разворошенном, раскиданном, залитом черной кровью сене лежал, растянувшись, тощий волколак.

– Цел? – Мано присел на корточки рядом с королевским псом, протянул фляжку: – Пей.

Игмарт схватил, выпил жадно, не отрываясь. Фляжка дрожала в его руке, окованный серебром край горлышка отчетливо стучал о зубы.

– Цел, не ранен? – настойчиво повторил Мано.

– Был бы ранен, уже на луну бы выл, – влез Рихар. – Только отмываться все равно надо.

Марти кивнул, вернул фляжку. Встал, шатаясь. Осторожно стянул стеганку. Левый рукав оказался порван в клочья, из прорех на груди торчали мокрые клочья шерсти. Волколачья кровь промочила доспех едва не насквозь, но если бы не стеганка... Полная луна, время, когда даже безопасный в обычные ночи перерожденец одним укусом превратит в собственное подобие. Был королевский пес, стал бы королевский оборотень.

Стеганка полетела в огонь, за ней отправились сапоги, штаны и рубаха.

– Иди сюда, – Мано подтащил Марти ближе к огню, осмотрел всего, с головы до ног – нет ли следов от зубов или хотя бы свежих царапин. Особо пристально оглядел руки, шею, лицо – там, где кожа была открыта. Хмыкнул: – Вот уж точно, дуракам везет. – Рывкнул на своих: – Чего рты разявили, дров подбрасывайте! А ты, парень, иди к ручью, отмойся.

От стеганки валил густой вонючий дым. То ли еще будет, поморщился Анегард, как волколак гореть начнет. Уходить надо. Вот уж ночка выдалась.

– Кстати о ротозеях, – Игмарт подхватил свой мешок, обвел стражников недобрым взглядом. – Кто дежурил?

– Я, – просипел Шонни. – Всеми богами клянусь, никого не видел! Все тихо было...

– Верю, что не видел, – хмыкнул Марти. – Караульщик, не пришей

кобыле хвост.

– Я с ним разберусь, – пообещал Анегард. – А ты не топчись тут, иди отмывайся. Не искушай Звериную мать.

Марти кивнул. Небось не хуже Анегарда знал – попади кровь или слюна волколака в самую ерундовую царапину, и укуса уже не нужно, готов перерожденец.

Рука болела зверски. Каким невероятным везением он успел сунуть в пасть волколака защищенное стеганкой предплечье, Марти сам не знал. Мгновением бы опоздал – и лежал бы с разодранным горлом. Да уж, легко отделался – так легко, что впору всем богам скопом благодарности возносить. Зверь, похоже, молодой попался, неопытный, убивать не умеет, ну так долго ли научиться. Марти тоже когда-то не умел.

В тусклом предрассветном свете видно было плохо, но свежий синяк на руке темнел внятно и опух – не дотронуться. Несколько дней, пожалуй, рука нерабочая будет. Благо, левая. Сильны у зверя челюсти, если б не стеганка, кость бы в осколки. Да что кость, хмыкнул про себя Марти, если б не стеганка, раздробленные кости меня бы уже не волновали. Правильно мальчишка сказал, на луну бы выл.

Вода в ручье выстыла за ночь, едва ледком не подернулась. Зубы стучали уже не от страха – от холода. Марти криво усмехнулся: давай, королевский пес, утешайся самообманом. Руки тоже от холода до сих пор дрожат? В волчьей шкуре бегать-то не хочется.

Мылся, пока Мано не пришел проверить, жив ли еще. Негнущимися пальцами едва развязал мешок; влезть в рубаху десятник помог, а то всё руки мимо рукавов попадали. Хорошо, запасные штаны были теплыми, для зимы подбирал, а вот куртка подкачала. Куртку эту Марти любил: нарядная тонкая замша не стесняла движений, можно вырядиться бестолковым щеголем и не бояться случайной драки. Но сейчас с удовольствием поменял бы на тяжелую стеганку-душегубку. Мано, видно, подумал о том же, спросил:

– Потеплее ничего нет?

Марти мотнул головой; с волос полетели брызги. Признался:

– Я ведь дальше вашего замка не собирался, к чему лишнее брать. Ничего, сторгую в деревне чего-нибудь.

– Через деревню не пойдем, – сообщил Мано. – Лишние вопросы. Потрясу парней, у кого что есть.

– Спасибо.

Говоря откровенно, и не так приходилось мерзнуть, но нежданная забота порадовала. Еще не хватало свалиться в горячке на полпути к

Герейну. Марти хмыкнул. Сказал, заметив вопросительный взгляд Мано:

– Если все-таки оборочусь, первым Шонни покусую, за растяпство. А потом пусть Анегард меня на Герейна напустит. Все толк.

– Дурень, – проворчал десятник. – Не оборотишься уже.

– Мало ли. У тебя еще бражка есть? Согреться.

– Спрашиваешь... сам же всю выдул.

– Ладно. – Откровенно говоря, выпитая фляга крепкой десятиковой бражки будто в прорву канула, даже в голове от нее не зашумело. Хотя, может, без нее сейчас было бы холоднее.

– Еще через реку перебираться, – буркнул десятник. – Лес они без господина рубить боятся! Управляющий на что посажен?

– На то, чтоб подать собирать, – пожал плечами Марти. – Это ж барона Драгора земли, он за малейшее самоуправство шкуру сдерет. Насчет моста ему наверняка отписали, теперь ответа ждут. Пока дождутся, да какой еще ответ... В общем, застряли тут купцы крепко.

– Глупо.

– Не все ж, как твои Лотары.

Пока купался, стоянку успели свернуть, заседлали коней, кинули в костер остатки дров. Марти закашлялся от вони паленой шкуры и горелого мяса, взобрался в седло, спросил Анегарда:

– Коней держишь, да?

– Держу. Тебе-то что?

– Да так... – подумалось: если бы не Лотар, пустил бы гнедой в седло? Не шархнул бы со всей дури? Марти тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Что уж теперь, чему быть, с тем и жить.

Заговорил о другом:

– В деревню заехать надо.

– Зачем? – Анегард поглядел с искренним недоумением. – Слухи плодить?

– Вот именно. Деревенских не знаешь? Или думаешь, такой костерчик не заметят? – Кивнул на столб черного дыма, рассекающий посветлевшее предрассветное небо. – Да они решат, что волколак нас всех перекусал, вот мы и уехали, не простившись. А нам еще возвращаться через эти места.

Добавил тихо, заметив, как нахмурился Лотар:

– Поверь моему опыту.

Решило дело бредущее навстречу деревенское стадо. Пастух, щуплый дедок, спросил сердито:

– Чего горит? Почему не затушили?

– Волколак, – Лотар поморщился, отвечая: не иначе, решил Марти, все-таки не хотел объясняться с деревенскими.

– Эх, – дедок защелкал бичом, останавливая стадо. – Как же это? Отколь?

– Да вот, – хмыкнул Марти, – набежал.

– Из королевских лесов, видать, – вздохнул дедок. – Оттоль, случается, набегают. Сами-то как, целы?

Марти искоса взглянул на Анегарда. Усмехнулся:

– Не бойся, дед, нас жечь не придется. Вовремя заметили. А коровенок бы лучше в другую сторону нынче пустить.

– Сам бы я не догадался, – буркнул дедок. – Ишь, вояка. К старосте-то зайдите, ему обсказать надо. Как бы ни пришлось по второму разу на зачистку идти... эх, грехи наши...

С тем и разошлись, и, если Марти хоть немного понимал младшего Лотара, тот сейчас клял во все корки волколака, деда-пастуха, деревенских скопом во главе со старостой, а первым делом самого Игмарта.

Ничего, ухмыльнулся Марти, зато стеганку себе раздобуду. Или хоть тулуп какой.

Пока объяснялись со старостой, пока, раз уж оказали ненароком деревне услугу, у старосты же в доме завтракали, пока Лотар выспросил о броде и о деревнях за рекой и сторговал провизии в дорогу, солнце поднялось высоко. А к броду и вовсе пришли за полдень.

У старосты, услышав о броде, Марти подумал было, что деревенские нарочно не торопят рассказать о нем купцам: деревне, небось, столько невольных гостей ого в какую прибыль. Но, увидев своими глазами, только головой покачал: тяжело нагруженные купеческие возы здесь не пройдут. Коням по грудь будет, да течение. Деревенские не зря прозвали свою речку Бурлянкой: вроде и не широкая, но сердитый нор с первого взгляда видно.

Счастье еще, что дно не илистое.

После ночного купания вода показалась почти что теплой. Марти даже позлорадствовал, глядя на стучавших зубами анегардовых парней. На том берегу сразу развели костер, заварили горячей похлебки, пустили по кругу бутыл с бражкой – Мано еще поворчал, что никаких запасов не наберешься на эдакую прорву. Марти завернулся в подаренный старостой тулуп, вслушивался, как бежит по жилам тепло, вспоминал не раз езженую дорогу на Азельдор. Думал: если повезет, за боговорот доберемся. Дальше по торговому тракту путь, места расчищенные, предзимье здесь обычно

сухое, распутицы можно не опасаться. Да и Лотар времени в пути зря не теряет, в этом он молодец. Хорошей закваски парень, хоть и щенок щенком пока.

Отогревшись, Марти покопался в мешке, нашел склянку с бальзамом от ушибов. Бальзам почти закончился, на пару раз еще хватит, и все. Надо было у Лотаров в замке запас восполнить, дурень, не сообразил. Хоть у Сьюз бы попросил. Хотя, если подумать, Сьюз не до него было. Старого Лотара лечила, молодого в дорогу собирала... Вот у Анегарда, кстати, наверняка есть. Но просить Марти не хотел. Пока свое есть, своим и обойдется.

При свете дня рука выглядела неприятно. Вспухшая, багровая. Могло быть хуже, напомнил себе Марти. Бальзам слегка пощипывал, впитываясь; он не унимал боль, но, Марти знал, через несколько часов хотя бы отек пойдет на убыль.

– Сильно тебя, – присвистнул кто-то из ребят.

Шонни спасибо, чуть не ляпнул Марти. Удержался – незачем ссориться. В кои веки как на человека посмотрели. Повторил вслух недавнюю мысль:

– Могло быть хуже.

– Быстрей, – поторопил Анегард. – Доберемся до деревни, там отдохнем. Нам не помешает поспать хоть одну ночь в тепле и безопасности.

В тепле, это да, согласился Марти, но безопасность, это он раз мечтался. Конечно, постоянный двор – не лес и не поле, но даже самые крепкие запоры не всегда спасают от незваных гостей. Сказал негромко:

– Эй, Лотар. Ты вот что имей в виду, в этих землях разбойникам переводу нет. Тракт богатый, леса густые, столица далеко.

– Столица-то при чем? – хмыкнул Анегард. – На разбойников не король охотится, а бароны.

– Здешние бароны охотятся все больше за королевскими милостями, – объяснил Марти. – А с высот королевского двора, знаешь ли, рухнувший в твоих землях мост или там десяток-другой ограбленных купцов кажутся такой безделкой.

Анегард нахмурился. Кивнул:

– Учту.

Мано, слышавший весь разговор, встал, рявкнул:

– Сворачиваемся, живо! Ишь, расселись, под крышей расслабляться будете. В седлах не спать, ворон не считать, самострелы держать под рукой. Не на прогулочке!

– Пока еще как раз на прогулочке, – пробормотал себе под нос Марти. Анегард услышал, но не сказал ничего. Только хмыкнул насмешливо.

Снег укрыл замковый двор, сорвал последние листья с деревьев, налип на мутные оконные стекла, заслоняя и без того скудный свет. Еще вчера была осень, а сегодня уже зима... В кабинете барона Эстегарда Лотарского воцарился хмурый сумрак, и жаркий огонь в камине ничуть не разгонял его.

Зато от камина растекалось по комнате живое тепло.

– Еще раз, Сюзин.

Сюз сердито вздохнула, отворачиваясь от окна. Не даются ей благородные манеры! Все эти реверансы, поклоны и полупоклоны, и упасы боги перепутать, кому как кланяться, кому и когда уместно подать руку для поцелуя, с кем здороваться первой, а от кого лишь принимать знаки внимания, едва снисходя к ответному кивку... Ох, насколько же лекаркой проще! Угораздило же...

Гордо вскинуть голову, пройти по комнате, придерживая пышную юбку самыми кончиками пальцев, мелким шагом, медленно, плавно. Сюз остановилась перед креслом старого барона, слегка склонив голову, слегка улыбаясь – в точности, как он объяснял. Поймала одобрение в выцветших серых глазах. Наконец-то! Да и хватит, пожалуй, с нее на сегодня.

– Пора пить лекарство. Замучаете меня этим дурацким этикетом, кто будет отвары готовить?

– Отвары... – старый барон послушно взял кубок, отпил. – Горький.

– Зато помогает. Пейте до дна, к ночи я свежий заварю. И не надо так хмуриться. Перед кем мне тут реверансы отвечать? Лучше семейным даром пользоваться поучите. Анегард говорил, у меня должно получаться.

– У тебя все должно получаться. Не ворчи, – старый барон взял дочь за руку, и теперь уже нахмурилась Сюз. Снова у него лихорадка, и хоть бы сказал! Подбросить в камин поленьев, и на кухню, надо приготовить снадобье покрепче.

Будь отец здоров, мелькнула тоскливая мысль, все было бы иначе. Будь отец здоров, будь Анегард здесь... Наверное, она не чувствовала бы себя пойманной, запертой. Анегард умеет подбодрить, а отец меньше

мучил бы ее проклятым этикетом: был бы занят другими делами, поинтересней.

Скорей бы Анегард возвращался! Скорей бы все они возвращались...

Стук в дверь и скрип петель оторвали от невеселых размышлений.

– Мой господин, к вам...

Бесцеремонно отодвинув управляющего, в кабинет ворвался незнакомец. Именно ворвался – метельным зимним ветром, ураганом, потоком веселой безжалостной силы. Сьюз замерла, сидя на корточках у камина с поленом в руке. Взгляд выхватывал отдельные черты вошедшего, как будто не мог вместить все сразу. Едва заметная проседь в русых волосах, тонкий шрам через щеку, серебряная вышивка на вороте и рукавах – знаки-обереги от нелюди, интересно, от Зига такое защитит или нет, что за глупости в голову лезут...

Барон Лотарский встал навстречу гостю. Шерстяной плед упал на пол, Сьюз кинулась поднять и снова замерла: впервые она увидела у отца такую радостную, молодую улыбку.

– Грегор!

Гость и хозяин обнимались, смеясь, хлопая друг друга по плечам и спицам, обмениваясь бессвязными «сколько лет», «старый ты пень», «скучно стало». Сьюз медленно, беззвучно выдохнула, повесила плед на спинку отцовского кресла и тихо вышла. Надо спросить у тетушки Лизетт, что за Грегор такой. Хорошо бы подольше задержался, отцу нужно радоваться, нужно смеяться, нужен кто-то, кто отвлечет от вечных мыслей об Анегарде. У Сьюз не получается, она и сама постоянно думает о брате – как он там, что...

Может, теперь и ей повеселей станет. Непохоже, чтобы этот гость так уж заморачивался этикетом.

Сьюз спускалась в кухню почти вприпрыжку.

Королевский пес кругом оказался прав. Разбойников и впрямь тянуло на богатый азельдорский тракт, как бесов к греховоднику, только успевай отмахиваться. Если бы не рихарово нелюдское умение, редкий день без стычки обходился бы. Зигмонд знал, что делал, убеждая Анегарда взять с собой мальчишку из стаи. Рыжий хоть и вытянулся с лета, но все же оставался с виду подростком. Кому в голову придет, что щуплый

безобидный мальчишка триста лет в шкуре нелюдя пролетал и умеет многое, людям недоступное? В том числе – одной волной темного ужаса смести с дороги любую засаду.

И, видят боги, Анегард от души сочувствовал любому, попавшему под эту волну. Помнил еще, какие сны самому летом снились.

Немного напрягало, что Игмарт больше не пытался поговорить, не задавал вопросов. Сам понял; но что делать собирается с этим знанием? Впрочем, доноса королю Анегард не слишком опасался: Зигмонд с королем говорил, и, вроде бы, мало что скрыл в том разговоре. Надо отдать должное его величеству Гаутзелму, верноподданная нелюдь устраивала его куда больше мятежных людей. Нынешний барон Ренхавен тому доказательством.

К последним дням боговорота леса отступили от тракта, сменились обширными садами. Места здесь были людные, заселенные густо – деревня от деревни не далее, чем в полудне пути, да и деревни большие, не сравнить с привычными Анегарду – домов по тридцать, сорок, а то и в полсотни. Ехать стало спокойнее. В трактирах повсюду предлагали местное сливовое вино, яблочный сидр, вишневую наливку. Спрашивали: не знают ли путники, отчего купцы из столицы задерживаются, пора бы уж? Качали головами, заслышав о разрушенном мосте.

Предки нашего короля были трусами, думал Анегард, глядя на окружающее благоденствие. Перенести столицу из богатого Азельдора, из цветущих, урожайных мест в северную глухомань, лишь бы от врагов подальше... Впрочем, у молодого Лотара хватало ума не рассуждать о таких вещах вслух. И так на ровном месте в мятежники записали, куда уж еще. О государственном устройстве пускай государственные же мужи пекутся, а его дело маленькое – добраться до земель Герейна и разобраться с тамошней нечистью. Или людьми, если прав королевский пес.

Кстати об Игмарте... Вдруг вспомнились слова, на которые Анегард сразу внимания не обратил – что эти места ему родные. Что-то там еще о семейных делах сказано было, что король, мол, на оные семейные дела поглядит с пониманием.

Лотар покосился на королевского пса. Тот сидел в седле хмурый, чуть ссутулившись, не глядя по сторонам. Каковы бы ни были те дела, вряд ли Марти ждал от них приятного. Спросить? Да ну его, захочет, сам расскажет, а нет – на нет и спросу нет, в чужие тайны Анегард лезть не собирался. Лишь бы королевскому поручению не мешали. Но это вряд ли, королевскому псу служба – превыше всего.

К полудню храмового дня вдалеке показались башни Азельдора.

Пока еще смутно, белым мороком в белесом предзимнем небе, но зоркий Рихар разглядел узкие, трепещущие на ветру флаги, блестящие точки флюгеров и даже степного орла, нарезающего неторопливые круги высоко над городом.

– К вечеру доберемся? – спросил Анегард.

Игмарт поднял голову, прищурился, огляделся. Покачал головой:

– Только если вскачь, коней не щадя. Оно только кажется близко, а дорога не слишком ровная.

Дорога и впрямь теряла здесь былую стремительность, петляла между холмами, огибала плещущие рыбой пруды, сворачивала, кажется, к каждой деревне. Как будто в этих краях вовсе не принято торопиться!

– А нам спешить и не с руки, – добавил королевский пес. – Здесь бы, наоборот, в каждом трактире сидеть, сплетни слушать. Или ты собираешься прямо у Герейна спрашивать, не он ли нечисть развел?

– Герейн, вроде, отсюда еще далеко? – не слишком уверенно уточнил Анегард. Он, признаться, хоть и разглядывал эти места на королевской карте, в соотношении мелкого рисунка и дней пути не слишком разобрался.

– Не так уж далеко, – ответил Марти. – Конному два дня от Азельдора, дальше, к югу. Для слухов – не расстояние. И никого не насторожит, что молодой командир отряда расспрашивает о местах, где никогда раньше не бывал. За кружку-другую бражки рады будут поделиться всем, что сами видели, от соседей слышали и по азельдорским тавернам на кончики ушей подцепили.

Пожалуй, королевский пес снова был прав. Анегард поморщился, представив неминуемые посиделки за бражкой с местными селянами.

– И своим скажи, – тихонько добавил Марти. – Пусть словно ненароком расспрашивают, не прямо, а вроде как для поддержания разговора. И сами не стесняются говорить, куда и зачем едут.

– Ты что?! – Анегард аж поперхнулся. – Сдурел?

– Зачем же так сразу, – хохотнул Игмарт. – Все просто, едем коней смотреть для отряда. Как раз самое время. А у Герейна, к границе ближе, купить можно дешевле, чем в Азельдоре на конской ярмарке. Или ты собрался таинственное лицо делать, чтобы слухи впереди нас бежали?

Опять он прав. Да что ж за напасть такая! В своих землях Анегард привык отдавать приказы, твердо зная, чего хочет и чего добьется, а здесь, в походе, все оказалось иначе. Снова чувствовать себя никчемным сопляком было неприятно и обидно.

Дорога обогнула холм, впереди показалась деревня.

– Вовремя, – ухмыльнулся Марти. – Самое время пообедать.
Анегард оглянулся и махнул рукой, подзывая десятника.

Долго объяснять не пришлось, Мано кивнул одобительно: все, мол, будет в лучшем виде. А Марти уже расспрашивал подвернувшегося мальчишку-пастушонка, сколько в этой деревеньке трактиров, в каком лучше выпивка и хлебосольнее хозяин, да много ли нынче проезжающих. Сразу видно, не первый раз в дороге.

Хозяин в трактире и вправду попался хлебосольный, а главное, большой любитель почесать язык. Анегарду не составило труда его разговорить. Даже вопросов задавать не пришлось, хватило оброненного со вздохом: мол, в первый раз по серьезному делу да один...

Неподдельное сочувствие «молодому господину» вылилось у трактирщика в долгий и обстоятельный рассказ об азельдорской конской ярмарке и обо всех местных лошадиных заводчиках и барышниках. Кто к степнякам ездит, кто сам разводит, кто брачок подсунуть норовит... Если бы Анегарду и впрямь нужно было коней выбирать – не трактирщик, а кладезь бесценный! Вот только Герейна он в разговоре старательно обходил. Слишком, пожалуй, старательно – учитывая Игмартово «у Герейна, к границе ближе, кони дешевле». Спрашивать прямо Анегард не рискнул, не тот у него опыт в собирании сплетен, еще насторожит ненароком. Понадеялся на Марти, вокруг которого вовсю увивалась подавальщица, на Мано, детально и обстоятельно заспорившего с мужиками о достоинствах местной фруктовой бражки в сравнении с северной медовухой. А нет, так на следующую деревню.

И снова королевский пес оказался прав. Один трактир, другой, третий – и ясно уже, что впрямь дело нечисто. Герейна в здешних краях не любили, но пуще того – боялись. Настолько, что старались лишний раз и не поминать. Даже по пьяной лавочке, когда море по колено, сосны вековые – по пояс, а медведь – за шавку. Раздухаренные крепкой бражкой мужики, едва Мано спросил напрямую, словно бы даже протрезвели. Переглянулись, старший покачал головой и выдал значительно:

– Т-ш-ш! А то того... того!

И понимай его, как знаешь.

Мано презрительно сплевывал, Анегард злился, Игмарт хмурился. И так хмурился... Будь это кто другой, не оторвиголова королевский пес, Анегард решил бы – боится. Видно, что-то знал неприятное, а глухое молчание здешнего люда лишь подтверждало его самые худшие ожидания.

Чем ближе к азельдорским воротам, тем тесней становилось на тракте. Селянские телеги, нагруженные зерном, сеном, душистыми

краснобокими яблоками, бочонками с сидром и вином, клетками с курами, корзинами с гусями. Кони, коровы, овцы. Возы с кожами, бронзой и сталью, дровами и углем. Вооруженные всадники поодиночке и группами. Купцы с юга и севера. Даже те, что не собирались расторгиваться здесь, проезжали через город – хороших объездных дорог не было, за этим ревностно следили, дабы город не остался без пошлин. Впрочем, купцы внакладе не оставались: азельдорские торги славились на всю страну и далеко за ее пределами. Сюда стекались товары из северных и восточных провинций королевства, из родственных королевств Орзельма и Вильфреда, с закатных островов и из южных степей, от варваров, ишаров, и даже от народов вовсе дальних, имена которых в родных местах Анегарда и слыхом не слыхивали. Здесь ковали знаменитые азельдорские клинки, каждый из которых стоил целое состояние – и немудрено, ведь на создание каждого, если верить мастерам-оружейникам, уходило месяцы, а иногда и годы. Клинки, которые не тупились, не ломались, брали любую шкуру и почти любой доспех...

Анегард и в столице-то побывал за всю свою жизнь единственный раз, а Азельдор был куда больше, древнее и богаче. И, поручение поручением, но молодого Лотара грызло почти детское любопытство. Хотелось ходить и ходить по азельдорским улицам, по рынку, лавкам, знаменитой конской ярмарке – не покупать, так хоть поглазеть!

Высокие белые стены с каждым поворотом дороги надвигались все ближе, и башни уже не казались мороком среди облаков, а высились грозно, неприступно и величественно. В столице таких нет. В столице – вековые мореные дубы да кирпич, заговоренный магами от огня. Прочно, но почти священного трепета, как здесь, все-таки не вызывает.

Последний привал перед Азельдором Анегард скомандовал на берегу широкого ручья. Ненадолго – умыться, привести себя в порядок. Сам же отвел Игмарта в сторону и спросил напрямик:

– Что ты такого знаешь о Герейне?

– Знаю? – Марти сорвал травинку, сунул в рот. Прислонился спиной к корявой старой яблоне. – Много чего я о нем знаю, если все рассказывать, дня не хватит. А вот что мне не нравится...

– Нечисть, – прервал повисшее молчание Анегард. – Та самая, которая бабьи сказки.

– Хуже, – вздохнул королевский пес. – Ульфара и его мага помнишь еще?

Анегард молча кивнул. По спине пробежал тревожный ледяной озноб.

– Герейн с ними знался, – тихо сказал Марти. – И Ульфар, как мне показалось, считал его слишком опасным союзником. Понимаешь?

Анегард снова кивнул. Чего уж тут не понять.

– Сам не знаю, к кому в пасть лезем, – Марти выплюнул изжеванный стебелек. – Пойдем, Лотар, твои парни ждут уже. А о Герейне я тебе расскажу все. Только без лишних ушей, договорились?

– Договорились, – кивнул Анегард. – Похоже, придется нам в Азельдоре задержаться.

– Похоже, – согласился королевский пес. – Но это ничего. Хороший город.

Азельдор встретил их той особенной вечерней сутолокой, которая настаёт в богатом городе, когда с делами покончено и приходит время отдыха. Лавки закрылись, на необозримой рыночной площади хозяйничали подметальщики, зато в кабачках, харчевнях и на постоянных дворах дым стоял коромыслом. Купцы обмывали сделки, войсковые ремонтеры и оружейники спускали сэкономленные на закупках казенные деньги, вокруг них назойливыми мухами увивались шулера и веселые девицы, стучали по столам кости, звенело серебро, визгливо хихикали разбитные подавальщицы, рвали струны пьяные менестрели, и степенно, неторопливо пили сидр надзирающие за порядком городские стражники.

Это тебе не Оверте, думал Марти, слушая, как Анегард договаривается с хозяином о комнатах и ужине. Молодой Лотар выглядел, конечно, не беззащитным лопухом, но все-таки деревенщиной. Такого на пару-тройку золотых надуть сами боги велели. Королевский пес придвинулся ближе, перехватил взгляд пронырливого трактирщика, ухмыльнулся:

– Умеете вы здесь дела вести.

Трактирщик понимал, как выяснилось, даже не с полунамека, а с полувзгляда. Запнулся, подавившись витиеватым пассажем о собственной непомерной доброте, вынуждающей принимать гостей себе в убыток, и назвал цену, которую Игмарт счел куда более разумной. Хотя и от нее можно было бы поторговаться, но для этого пришлось бы откровенно подвинуть Лотара. Ну его, не время и не место снова выяснять, кто из них главный.

Пока ждали ужин, Анегард перебрался с Мано парой фраз и отпустил своих людей до завтрашнего вечера отдыхать, как и где пожелают. Зря, подумал Марти, осмотрелся бы сначала. Но спорить не стал. Не война; а на своих ошибках учеба крепче. К тому же молодой Лотар и сам не устоял перед искушением – отправился любоваться на знаменитую

азельдорскую Звездную башню. Небось еще и на вершину решит подняться, оглядеться с обзорной площадки, сначала своими глазами, а после – с помощью приближающей трубы, изобретения ишарских звездочетов-гадателей. Марти грустно усмехнулся: Звездная башня сама по себе чудо, но мало кто знает, что там происходят и другие, истинные чудеса. Не зря же ее строили именем и во славу Звездной девы. Лотару тех чудес не увидеть, его богиня – Звериная мать. Игмарту однажды довелось, но на второй раз он не надеялся. Даже избранникам боги редко являют свой лик. А Марти не избранник. Всего лишь мститель. Так что не стоит ему снова подниматься на священную башню, под яркие осенние звезды, туда, где однажды сам собой появился на шее амулет, а в ушах прозвенел искрящийся голос Звездной девы: «Твоя сестра, которой не дали родиться, стала бы моей избранницей. Отомсти за нее, и я помогу тебе найти ту единственную, что предназначена тебе».

Лучше предпочесть свежую постель, запертую дверь и крепкий сон до позднего утра.

Постель не разочаровала, запор на двери нареканий не вызвал, а вот с крепким сном не задалось. Наверное, не стоило на ночь глядя вспоминать о Звездной деве и о не исполненной до сих пор мести. Да еще и здесь, в Азельдоре. Куда теперь деваться от воспоминаний...

На самом деле он мало что помнил – просто потому, что почти ничего не видел. Девять лет ему было... Но что помнил, то уж намертво. Бессчетные разы прокручивал в мыслях так и эдак, гадал, не мог ли хоть что-то изменить. Только когда сам воином стал, боевого опыта поднабрался, поверил окончательно – не мог. Чудо, что сам уцелел.

В тот вечер отец рано отправил его спать. К отцу приехал дядя, то есть Игмартов дядя, а отцов младший брат, Готфрид. Что отец брата не любит, Марти понял сразу, еще решил спросить наутро, почему. Ему-то дядя сразу понравился. Высокий, сильный, в блестящей ишарской кольчуге, с длинным мечом в узорчатых ножнах. Воин! Правда, меч подержать не дал, ну так Марти не особо и надеялся. Отец тоже свой полуторник не давал. Говорил, мал еще для боевого, к учебному сначала привыкни.

Спрашивать не пришлось.

Марти все ворочался, обидно было, что услали от взрослых разговоров. Дождался, пока зайдет мама, засопел сонно. Мягкие губы невесомо коснулись лба. Тихо закрылась дверь. Вот теперь можно встать, одеться и пробраться на галерею в парадной зале. Послушать, посмотреть. Он же тихо; кому он помешает? Никто его и не заметит даже!

Тайных входов на галерею Марти знал два – из отцовских комнат и

с лестницы для слуг. Случайно столкнуться с отцом он совсем не хотел, а на черной половине его если вдруг и увидят, то отцу не выдадут – слуги любили наследника Герейнов и частенько покрывали его перед строгим старым бароном. Так что вопроса, куда идти, не возникло. Зато довольно скоро Марти озадачился непонятным шумом снизу. Крики, лягг... Постоял немного, решил – гости гуляют, наверное. Даже засомневался, стоит ли идти смотреть – что, в самом деле, интересного в хмельных кутежах?

Он стоял на темной лестнице, несколькими ступенями выше площадки – как раз на этой площадке, под проржавелым держателем для факела, таилась от непосвященных нужная ему дверь. Он не знал, что Старуха-Прядильщица уже отматывает последние мгновения его жизни.

Дикий визг ударил по ушам. Марти насупился. Гости к служанкам пристают, а отец и не осадит, сам, небось, уже готов. Утром разговора не получится. Ни с ним, ни с мамой, она не любит, когда отец напивается до дебошей, тоже злая будет.

Ну и ладно, решил он, к бесам галерею. Зато никто не заметит, если пробраться в конюшню, посмотреть на дядиного жеребца. Настоящий боевой конь, не чета привычным тонконогим полукровкам! Небось, стоит целое состояние, не зря дядин конюх всех от него шугал, даже один разочек взглянуть, и то не подпустил! Еще посмеялся: боевые кони, мол, кусаются, а уж такому мальцу и башку оттяпать может. Да Игмарта сроду кони не кусали! Даже самые злые степняцкие!

По-прежнему держась в тени, Марти миновал площадку и побежал вниз, к выходу на хозяйственный двор. Веретено Прядильщицы замерло.

Двери конюшни открылись без скрипа. Кони гостей должны были стоять по левому ряду, лунный свет почти не проникал туда, а зажигать огонь Марти остерегся: не приведите боги, уронит искру в сено! Постоял, привыкая к полутьме. Дядин вороной жеребец – он, Марти знал, стоял в ближнем от дверей деннике – учуял человека, фыркнул. Из мрака возникла голова, едва видная, как будто не обычный боевой конь был здесь, а призрачный подземный скакун, которому сам Молотобоец, бог подземного мира, меняет каждое новолуние изношенные подковы. Марти осторожно шагнул ближе. Замирая от восторга, погладил бархатистый храп. Подумал: вырасту, и у меня такой конь будет! Настоящий боевой!

Заходить в денник не рискнул, хотя и хотелось: обученные боевые кони признают только хозяина. Постоял, разглядывая тяжелую лобастую голову, мощную грудь, вздохнул и попятился. Надо уходить, пока не застали, мало ли, вдруг дядя спяну решит любимого коня проведать.

Марти навел на Ласточку, свою любимицу. Протянул на раскрытой ладони подсоленную корку. Мягкие губы, щекача кожу, взяли угощение.

– Я к тебе утром еще зайду, – пообещал Марти, прижавшись к теплой морде.

Закрыв конюшню, обошел залитый лунным светом двор вдоль стены, чтобы страже глаза не мозолить. Задержался у дверей парадной залы, вслушиваясь: не идет ли кто. И услышал...

Дикий, хриплый, захлебывающийся вопль отца. Крик матери:

– А-айр!

Короткий миг тишины.

И торжествующий голос дяди:

– Найдите мне щенка! Герейн может быть только один.

Потом он корил себя, что даже не попытался взглянуть на родителей. Корил жестоко и отчаянно, пока не вырос и не понял: боги вели его в ту страшную ночь или проснулось то самое чутье, которым славились королевские псы, но поступил он верно. Нельзя было смотреть. Ни на мгновение нельзя было задержаться. Он все сделал так, как нужно. Когда метнулся через двор к конюшне, к потайной калитке для гонцов. Когда не поддавался искушению взять Ласточку: верховому трудно затеряться на ночной дороге. Когда обогнул стороной деревню, где жила кормилица.

А тогда он шел в Азельдор, помня, что нельзя шуметь, зная, что мужчины не плачут, но не умея сдерживать рыданий. Шел напрямик, не трактом, лесными тропами – он неплохо знал окрестности. Правда, дядя наверняка знал не хуже. Но пока обещут замок, деревню...

Марти понимал, что в Азельдоре помощи не найдет. Единственный, к кому он посмел бы там постучаться, купец-лошадник, покупавший у них коней, мог помочь, а мог решить, что теперь выгодней дружить с новым хозяином богатого баронства. Королевский гарнизон не вмешивался в дела баронов, их заботой считалась только граница. Приткнуться к идущему в столицу каравану, а там пойти напрямик к королю? Вряд ли это окажется так уж легко, но ничего другого в голову не шло.

По крайней мере, обдумывание планов помогло не плакать. Он теперь старший в роду, законный старший, что бы там ни думал убийца. Он должен быть сильным, а не реветь, как девчонка.

Утром он наткнулся на караван ишаров. Ничего уже не соображал от усталости, вывалился на тракт, едва ли не лбом врезавшись в повозку. Сильные руки подхватили, подняли в седло; резкий гортанный голос спросил:

– Куда спешишь, удалец?

Что он там говорил, сам потом вспомнить не мог. Зато накрепко врезались в память слова караванщика-ишара:

– Иногда выжить – это уже победить. Вырастешь, тогда отомстишь. Месть – хлеб, который не черствеет с годами.

Остаток пути до Азельдора он проспал. Провалился в сон, как в густую вязкую смолу, полную боли, крови, криков. И страха. Боль и кровь были чужие, а страх – его. Все казалось, что в этой смоле таится бездонный колодец, шагни неосторожно – и провалишься, напрямик к Хозяйке тьмы в преисподнюю. А она только и ждет...

Ишар разбудил его уже за городскими воротами, возле гостиницы. Сказал:

– Мы здесь будем боговорот или два, пока не расторгнемся. Можешь жить с моей охраной. – Добавил в ответ на смущенные благодарности: – От одного мальчишки я не обеднею. А не сумеешь найти попутчиков в столицу, можешь со мной пойти. У меня сын такой, как ты.

В тот день Марти шатался по Азельдору, слушал, что говорят люди, и в бессильной ярости глотал слезы. Говорили о набеге степняков на замок Айрона Герейна, о гибели самого барона Айрона, его жены и сына. О том, что гостивший у брата Готфрид Герейн ценой огромных потерь отбил нападение. Что теперь он по праву вступит во владение баронством. Что поклялся отомстить за семью старшего брата.

Слову мальчишки против слова воина не поверит даже король.

Подобравший его ишар тоже слышал эти разговоры. Вечером сказал презрительно:

– Твой дядя умен, нашел, на кого повесить пролитую кровь. Глядишь, еще и наградят.

– Я все равно ему отомщу, – зло пообещал Марти.

– Этот долг поведет тебя по тропе воина, – кивнул ишар. – Завтра не уходи никуда. Придет человек, который тебе нужен.

– Кто?

Ишар сухо улыбнулся:

– Запомни, удалец, никогда не задавай пустых вопросов. Учись слушать, смотреть и думать.

На следующий день пришел Аскол – покупать благородных ишарских коней, тонкие кольчуги, стальные самострелы, что легко спрятать под плащом. Кроме покупок, увез с собой ошалевшего от такой удачи Марти. Поставив только одно условие – не искать мести, пока не станет настоящим воином.

Что же, я долго ждал, думал Игмарт, глядя, как занимается за окном холодный жемчужно-сиреневый рассвет. Очень долго. Но теперь – пора.

У владетельного барона Готфрида Герейна год выдался хлопотный. Разъезды, переписка, сложные переговоры, незапланированные подарки... Нелегко держать руку на пульсе заговора, сохраняя при этом видимость скромного, занятого лишь собственным хозяйством домоседа. Летом пришлось лично навестить Ульфара, осенью – еще пару-тройку влиятельных господ, недовольных нынешним королем. Кого улестить, а кого и припугнуть, а то ведь и не вспомнят о заслугах и древности рода Герейнов, когда настанет время делить выигрыш.

Досадно, что приходится избегать столицы. От Гаутзельма нынешнему Герейну милостей не дожждаться, не зря его бесово величество выжившего щенка пригрел. Понять бы, почему все эти годы о правах на баронство речи не зашло. Любит его бесово величество в игры с подданными играть. Нравится ему, когда барон, чья родовитость королевской не уступает, сидит в собственном поместье, словно в волколачьей яме приманкой, не зная, что завтрашний рассвет принесет. Ну да ничего. Видят боги, доиграется!

Щено-ок... при одной мысли о сбежавшем в ту роковую ночь племяннике Готфрид Герейн зло скрипел зубами. Уже не щенок – пес. Молодой, злобный, притравленный. Только и ждет случая подловить ненавистного дядюшку при свидетелях, чтобы не смог отказаться от поединка. Нет уж! Готфрид Герейн уже не тот неистовый боец, каким был с десятков лет назад. Ныне он находит удовольствие в тех битвах, где сходятся ум на ум и хитрость на хитрость, где можно до последнего, решающего мгновения оставаться в тени, выставляя за себя под удар молодых и глупых.

Да и то сказать, владетельному барону Готфриду Герейну и в родовом замке хватает дел и забот. Чем чаще господин объезжает свои земли, тем лучше селянское быдло помнит, чья над ним власть. Опять же, азельдорских толстосумов нужно иногда щекотать за то местечко в их жирных душонках, где обитает простой человеческий страх. Иначе много о себе мнить начинают.

Владетельный барон Готфрид Герейн долго шел к своим

нынешним возможностям и пользоваться ими желал теперь во всей полноте. Конечно, случаются досадные недоразумения. Как в последний летний боговорот, когда кровососы сожрали двух припозднившихся в лесу селянских сопляков – из его, Герейна, деревни! Или на праздник последнего снопа, когда под оным снопом вдруг обнаружился спящий зверолоудь, нашел тоже место, чащоб лесных ему мало! А ведь Суриш, маг недоделанный, клялся-божился, что запрет на хозяйские земли наложил прочный и проклятая нелюдь из повиновения не выйдет. Стоило бы его самого той нелюди скормить, в назидание. Жаль, нужен еще.

Герейн прошелся по парадной зале – неторопливым, тяжелым, хозяйским шагом. Лучше всего ему думалось именно здесь – в месте его первой победы, первого торжества. Герейн не верил во всякую чушь вроде мстительных духов. Призраки убитых его не тревожили. Беспокоиться следует лишь о живых. Два боговорота минуло, как послал доверенного человека разведать, что при дворе делается, а вестей до сих пор нет. Если план Ульфара удался, если проклятый Гаутзельм мертв, нужно скакать в столицу во весь опор. Если же нет... если нет, нельзя и кончик носа высовывать из поместья, барон Герейн верный короне подданный, занят исключительно собственными землями – осенней зачисткой и прочими предзимними работами.

– Господин барон, господин барон! – распахнулась дверь, вбежал Суриш, встрепанный, задыхающийся. Вот не зря говорят – вспомни дурака...

– Что такое? – недовольно спросил Герейн. – Кровососы следом гонятся?

– Он здесь! То есть, в Азельдоре.

– Кто «он»? – Герейн не хотел верить самому очевидному ответу.

– Этот... – Суриш хватал ртом воздух, словно рыба под ножом повара. – Королевский пес. Тот самый, которым ваша милость изволят интересоваться.

Ишь ты. Мастер невинных формулировок. Даже с глазу на глаз не рискнет прямо сказать: «ваш племянник, которого ваша милость мечтают убить». Дурак дураком, а умный.

– Шпионы донесли или чары сработали?

– Чары.

Сигнальными чарами, настроенными на кровь Герейнов, Суриш законно гордился. По нынешним трусливым временам такого не делают! Глупость несусветная. Можно подумать, от того, что Старухе перестанут жертвы приносить, Ее власть на земле уменьшится. Верить или нет, все

равно в свой час помрешь, смерть так же незыблема, как жизнь. Перечеркивать из-за детских страхов целый раздел магической науки – нет, Суриш такого не признавал. А барон Готфрид Герейн не признавал запретов, мешавших ему идти к цели, так что изучающий запретное знание маг пришелся ему очень даже ко двору.

Суриш, отдышавшись, горделиво выпрямился, барон удовлетворенно улыбнулся.

– Прекрасно, мэтр Суриш. Поздравляю.

– Благодарю, мой господин. Без вашей поддержки...

– Между прочим, – прервал Герейн изъявления благодарности, – эти чары могут ведь и в самом Азельдоре его обнаружить?

– Да, но... – маг прикрыл глаза и наморщил нос, прокручивая в уме пути решения задачи. – Да, мой господин, возможно. Но на поиски понадобится несколько дней, и то, прошу меня простить, при определенной доле везения. Нужно, понимаете ли, чтобы объект поиска все эти дни не скакал туда-сюда по городу, а находился хотя бы приблизительно в одном месте. Что, насколько я понимаю характер объекта, маловероятно?

Герейн покачал головой: ох уж эти маги, слова в простоте не скажут. Чего бы не обойтись коротким и ясным: «Приложу все усилия, мой господин»?

– Вот что, мэтр Суриш. Возьмите двух-трех людей из моего личного отряда – больше, увы, сейчас дать не могу. Привлеките к поискам наших осведомителей в Азельдоре. Если вы сумеете доставить мне этого не в меру шустрого щенка...

Усилием воли Герейн разжал сцепившиеся зубы.

– Понимаю, – маг низко поклонился. – Приложу все усилия, мой господин.

Давно бы так.

– Желательно живым, – медленно, как будто спокойная речь могла скрыть захлестнувшее его нетерпение, добавил Герейн. – Живым – весьма желательно. Невредимым – не обязательно. Мертвый тоже сгодится, на крайний случай.

Анегарду Азельдор не понравился. Слишком людно, слишком много лошадей, собак, волов и прочей живности – дар теряется, почти умолкает,

оставляя только глухую и вязкую боль в висках. К тому же молодой Лотар прекрасно видел, что здешние купцы, трактирщики и даже мастеровые глядят на него, как на сущую деревенщину.

Сидеть в Азельдоре Анегард считал глупостью и пустой тратой времени; беда, однако, крылась в том, что он совершенно не представлял себе дальнейших действий. Его прямая натура склонялась к самому простому и естественному плану: заявиться в замок Герейна именем короля, спросить о нечисти, а там – куда боги поведут. Так он с самого начала и намеревался действовать, и других путей не искал. Но после рассказа Игмарта этот план отпадал, причем даже не по одной, а сразу по трем причинам. Во-первых, как бы Анегард ни относился к королевскому псу, совести не хватит предложить тому соваться прямо в пасть кровному врагу. Во-вторых, уж если Герейна считал опасным Ульффар, всюсю пользовавшийся силой темной богини... Анегард не был настолько самоуверенным, чтобы счесть такого врага себе по силам. В-третьих же... Анегард сам не заметил, не понял, как и почему Герейн из разряда «нуждающийся в королевской помощи» перешел в категорию «враг», но в новом ощущении был уверен. Десятка замковой стражи, усиленного королевским псом, Рихаром и даром Лотаров, хватило бы – может быть – разобраться с дикой нелюдью, но точно не хватит против сильного и хитрого заговорщика.

Можно было, конечно, явиться именем короля в городской магистрат и спросить, что о Герейне и нелюди знают азельдорские старшины. Но ни им, ни городскому магу Анегард не доверял: король далеко, а Герейн близко, если он враг, то у него и сообщники могут быть, и совсем не обязательно среди людей благородных. Интриги и заговоры требуют денег, а молодой Лотар имел вполне ясное представление о том, какие выгоды несет баронству мирное соседство с торговым городом.

По-хорошему, самое время было попросить совета и помощи у Игмарта. Но Анегард медлил. Не хотелось признавать себя неспособным справиться с королевским поручением. Не хотелось, чего греха таить, кланяться тому, кого сам же поставил на подобающее место.

Пожалуй, предложи Игмарт первым, Анегард с радостью согласился бы принять от него не только совет, но даже прямой приказ. Но королевский пес, как видно, слишком хорошо запомнил первую свою попытку поговорить и Анегардову отповедь. Потратив вечер на подробный рассказ о Герейне и своих с ним давних счетах, дальше он только молча ждал. Шлялся по городу, возвращался то трезвый, то навеселе, то к ужину, то вовсе под утро, но к завтраку неизменно был в порядке. С серьезной

мордой спрашивал, будут ли на сегодня приказания, на короткое «нет» кивал с видом «так я и думал» – и уматывал.

Слухов о Герейне по Азельдору удалось добыть не больше, чем по окрестным деревням. Правда, от прямых вопросов здесь не шарахались, но отвечали осторожно, уклончиво и в целом слишком уж хвалебно. И тебе защитник обездоленных, и щит от степных набегов, первый воин в округе, и хозяйство ведет рачительно, щедрый, добрый, храбрый, и кони у него в здешних местах лучшие... Не барон, а мед с патокой.

Так прошло четыре дня, и Анегард все больше ощущал себя в тупике, а проще говоря, полным дурнем. Два-три дня промедления можно списать на необходимость отдыха, но не сидеть же всю зиму по азельдорским трактирам! Бесы с ним, решил он, глупо самолюбием меряться. Вернется королевский пес, поговорим начистоту. Договоримся, ему ведь тоже важно с этим делом справиться!

К ужину Игмарт не вернулся. Не вернулся и к тому часу, когда хозяин начал потихоньку выпроваживать засидевшихся гуляк. Тогда Анегард поднялся к себе. Его комната была напротив комнаты Игмарта, и какое-то время он слушал, не пришел ли королевский пес. Потом хмыкнул, представив, как тот скажет – а не скажет, так подумает: мол, чего вдруг приспичило среди ночи разговоры разговаривать? Раньше утра все равно никуда не поедет. И лег спать.

Среди ночи, а может, под утро, его разбудил неровный стук. По двери не то раскрытой ладонью шлепали, не то ногой, но еле-еле... Домовая нечисть балует, подумал спросонок Анегард. Буркнул:

– Проваливайте.

И, снова погружаясь в сон, услышал хриплое:

– Лотар, помоги.

Сел, тряхнул головой. Послышалось? По двери снова прощуршало, сверху вниз, и затихло. Шепотом ругнувшись, Анегард схватил меч, вскочил, отодвинул ставень, впуская в комнату лунный свет, и метнулся к двери. Не сразу сообразил, что надо не толкать, а тянуть – двери на постоянных дворах делались не так, чтобы удобно было в комнате обороняться, а, наоборот, чтоб из коридора выбить легко. Сообразив, рванул на себя – и едва успел подхватить свалившегося на него Игмарта.

Тот попытался шевельнуться и обмяк. Ранен? Или, бесы его дери, просто пьян в колоду? А тяжелый же, зараза.

Коридор тонул во тьме – хозяин то ли пожара боялся, то ли просто экономил на светильниках. Ругаясь сквозь зубы, Анегард дотащил Игмарта до кровати, запер дверь, зажег тусклую лампу. Вроде бы крови не видно,

бражкой тоже не несет. Спросил:

– Говорить можешь? Что с тобой?

– Л-ледышка, – стуча зубами, сообщил Игмарт. Обхватил себя руками, свернулся в клубок, как... как замерзающий пес, растерянно подумал Анегард. Что за ледышка, к ядреным бесам?! Бредит? Бледный, губы синюшные, как у мертвеца. Ладони ледяные, и дышит, кажется, еле-еле. На дворе, конечно, холодно, дело к зиме, но не настолько ж, чтобы замерзнуть насмерть!

Ладно, разбираться после будем. Анегард укутал Марти одеялом, еще хранившим его собственное тепло. Выворотил на стол, под лунный свет, мешочек со снадобьями, которые Сьюз собрала им в дорогу. Если б еще разбираться в них так же, как Сьюз! А то впотьмах даже не понять, где тут что. И, как назло, все наставления сестры пропали из головы, как и не было. Боги, надоумьте!

Кто из богов услышал, только богам и ведомо, но тут рука Анегарда наткнулась на знакомую бутыль. Настойка, которой Сьюз поила их после боя. Полдела, что силы придает, а вот что на крепкой бражке настояна... Уж это его согреет!

Усадить королевского пса не получилось: как свернулся, так и задубенел, только по стучащим зубам и поймешь, что в сознании. Кожа обжигала холодом – кажется, он не был таким ледяным, когда пришел. Почудилось – сейчас так и окоченеет, уже и не поймешь, дышит ли... «Спокойно, Лотар, без паники, – одернул заметавшиеся мысли Анегард. – Напоить, согреть, растереть. Представь, что это зимой из лесу замерзшего притащили».

Первый глоток настойки Анегард вливал в рот Марти осторожно, по капле: бесы его знают, может ли глотать, не захлебнулся бы. Но Марти глотнул. Глотнул раз, другой. Открыл глаза. Прохрипел с явственным трудом:

– Воды дай. Горячей.

Хотя голос едва слушался королевского пса, Анегарду явственно почудилось не сказанное: «бестолочь». Кинулся к двери, рванул, сорвав засов напрочь, рявкнул:

– Рихар!

Мальчишка выметнулся, словно из ниоткуда.

– Воды горячей, живо! Одеял! И Мано сюда.

Десятник в снадобьях разбирается, да и повидал всякого, может, поймет, что за ледышка такая.

И тут Анегарда осенило. Вспомнив десятника, еще с отцом

ходившего в походы, вспомнил и рассказы о битвах, осадах и штурмах – рассказы, в которых, кроме честной стали, хватало и боевых чар. «Ледышка» – так, по-простому, воины называли «ледяную метель», заклятие, и впрямь способное заморозить насмерть даже среди жаркого лета. Выходит, Игмарт столкнулся с магом. И вряд ли просто по дури, уж такого опытный королевский пес себе не позволит. Значит, враг объявился.

Ввалился сонный Мано с ворохом одеял, за ним следом Рихар втолкнул перепуганную полураздетую девицу, прижимавшую к пышной груди обернутый в полотенце кувшин. Ухмыльнулся, заметив оторопельный взгляд Анегарда:

– Хозяйская дочка и горячий сидр. Кого греть?

Пышногрудая хозяйская дочка ахнула, увидев Марти. Без понуканий, не стесняясь чужих взглядов, скинула рубашку, скользнула под одеяла. Тем временем Мано с Рихаром в четыре руки раздели королевского пса – тот, кажется, понимал, что надо бы помочь, но шевелиться уже не мог. Девушка обняла его, прижалась, обвила руками. Мано закутал одеялами сверху. Крякнул:

– Хороша девка, а парень и не чует, пожалеет, небось! Теперь горячим поить понемногу. Дай-то боги, чтоб глотать сумел.

Выбрал склянку из рассыпанных на столе снадобий, вылил в кувшин с горячим сидром. Анегард аккуратнo, следя, чтобы не тряслись руки, уложил остальное обратно в сумку. Теперь, когда забота о королевском псе не лежала больше на нем одном, растерянность отпустила. Остался только стыд: пусть он ни беса не смыслит в чарах, но так теряться все-таки не должен был. Если бы не Рихар с Мано...

– Дай и мне хлебнуть, – попросила девушка, когда первую кружку осторожно, по капле влили в рот Марти. – Спаси меня Жница, ледяной, аж кровь стынет.

– А что, красавица, – спросил ее Мано, поднося кружку с горячим питьем, – лекаря или мага можно здесь найти? Только побыстрее и хорошего?

– Можно, если золота лишнего много. Среди ночи-то.

– Никакого мага, – резко сказал Рихар. – Мы ж не знаем, кто его приложил. Добьет вместо лечения, хорони его потом, перед королем оправдывайся. Эх, все-таки надо было того мага из Оверте с собой сманить, хоть и слабак он против настоящей силы.

Анегард кивнул: Эннис бы сейчас и в самом деле не помешал, а здешних звать – мальчишка прав, рискованно.

– Пойду на кухню, – добавил рыжий. – Разбужу кого, пусть хоть

печь затопят. Нам бы грелку сообразить.

– Послушают там сопляка, – буркнул Мано. – Затопят поленом поперек хребта. Я схожу. А ты пока раздевайся да помоги красавице. Она, бедная, сама скоро заморозится.

Рихар хмыкнул, но спорить не стал. Потянул через голову рубаху, бросил девице:

– Двинься к стене ближе. Втроем поместимся. Знаешь, пышечка, для приличного постоянного двора у вас слишком мало девок. Обложить бы его сейчас со всех сторон горячими, обцеловать, сразу бы очухался.

– Похабник мелкий! – хозяйская дочка шмыгнула носом. – Я бы и сама его так согрела, нравится он мне. Красивый, щедрый. Только сердитый очень. А девок раньше ловить нужно, вечером, не ночью.

Станным образом болтовня Рихара с девицей помогала успокоиться. Им, наверное, тоже: вон и губы побелели у обоих, а все перешучиваются. Анегард слушал, поил Игмарта, потом девушке с мальчишкой налил согреться. Спросил:

– Тебя звать как?

– Анни, – девушка слабо улыбнулась. Надо же, можно сказать, тезка.

Небо за окном серело, наливалось затаенным жемчужным блеском. Близился рассвет.

– Снег будет, – сказал вдруг Рихар. – Ты, господин, людей не отпускаяй сегодня.

– Сам понимаю, – буркнул Анегард. – Только что они против мага. Надо было Энниса...

– Слабоват маг, с одним бойцом не справился, – рыжий зло усмехнулся. – Добивать бы только ни пришли. Где там Мано, самого, что ли, поленом поперек хребта послушали?

Десятник, легок на помине, ввалился, прижимая к пузу объемистый сверток.

– Пришлось хозяина будить, уж извини, Аннета. Грелки вот зато принес.

В свертке оказались посеребренные бутылки, полные горячей воды. Следом за десятником просочилась щуплая девчонка с кувшином. Комнату наполнил аромат горячего вина и пряностей.

– И принес, и привел, – съехидничал рыжий. – Ох и слупит с нас хозяин. Мелкая, ты к нам?

Девчонка замотала головой, поставила кувшин и порскнула прочь.

– С соплюхи толку, – бросила вслед Анни. Добавила тише: –

Пуганая она, ты ее не трожь. Дядь, дай еще горячего. Он такой холодный, холодней мертвеца.

– Ничего, – обнадежил Мано, – гляди, глотает. Утро скоро. Раз до сих пор не помер, то уже и не помрет. Он парень живучий.

В ушах гудела вьюга. Кровь звенела мириадами острых лезвий, стыла в жилах ледяными торосами, разрывая мышцы колючими гранями. Не так Игмарт хотел умереть. Не так, не теперь, не в двух шагах от наконец-то близкой мести!

Сам виноват. Сглупил, потерял осторожность, не поверил слишком слабой, едва слышной тревоге. Пошел, как теленок, за человеком, обещавшим показать: «Только издали, господин, уж извините, я к нему близко не подойду!» – работающего на Герейна молодого мага. Трусоватый селянин казался простодушным и безопасным.

Что ж, показал, не обманул. Только смотрины вышли обоюдными. Селянин долго топтался у входа в неприметный кабачок, словно опасаясь войти, смотрел на Марти жалобными телячьими глазами, блеял:

– Вы уж, господин, тихонечко, упасите боги...

А маг, значит, тем временем изнутри приглядывался. Прикидывал, так ли опасен незванный гость, чтобы лупить сразу насмерть. И, как видно, совершил ту же ошибку, что Игмарт в отношении телка-селянина: счел безобидным против собственной силы. Решил доставить господину живым. И то сказать, подарочек бы вышел на славу. «Единственный ныне законный Герейн» наверняка отблагодарил бы мага от души. И очень быстро остался бы и впрямь единственным.

Сомнительное везение, и все же – повезло. Когда Марти вслед за вконец оробевшим селянином вошел в темный общий зал, в кабаке завязалась драка. Ничего особенного, обычный пьяный мордобой, то ли грузчики против возчиков, то ли возчики против грузчиков, бесы их разберут. Марти оттолкнул одного, увернулся от другого, заехал по уху третьему, короче, оказался в самой гуще веселья. Даже пару-тройку синяков успел заполучить. И мага разглядеть в этой суতোлке умудрился очень даже просто – единственный из посетителей богатым камзолом щеголяет, на холеной роже брезгливое презрение к быдлу. Может, и подобраться бы к нему успел на расстояние если не удара, то хоть уверенного броска какой-нибудь подвернувшейся под руку тяжелой кружкой или кувшином. А там – за шкурку и на выход. Мечты, мечты...

Игмарт видел, как брезгливая мина на лице мага сменилась красивой сосредоточенностью, видел стремительный взмах ладоней, словно закручивающий водоворот и бросающий его вперед. Узнал

движение: «ледяная метель». У сильного мага убивает сразу, в считанные мгновения – если, конечно, нет намерения помучить жертву напоследок. У слабого – как повезет, вернее, как помощь успеет. Немагической защиты не существует, магическая зависит от соотношения сил, впрочем, что толку, амулета нет. Даже удивиться успел – люди же, полный кабак людей! А он, сволочь, боевым заклятием лупит, оно ж не прицельное, по площадям бьет, все лягут, без разбору!

Успел метнуть нож. Хороший нож, заговоренный. Если и были на маге охранные чары, не помогли. Точно в горло пришелся, между белоснежным кружевным воротником и рыжеватой стриженной бородкой. На белое кружево плеснула темная кровь. Горячая. А у Игмарта в жилах уже вскипала ледяными лезвиями метель.

Чем плохи – или хороши, с какой стороны смотреть, боевые чары – со смертью мага они не рассеиваются. Разве что немного слабеют.

Клятый селянин, бесов ему в печенку, смылся, хорошо, если в нору какую забьется, а не к Герейну с вестями побежит. Впрочем, оно и к лучшему. Хватило бы храбрости, взял бы королевского пса голыми руками, тепленьким. Верней, холодненьким. А так – у Игмарта еще нашлись силы влить в себя остатки чьего-то пойла из первой попавшейся кружки, прохрипеть:

– Грейтесь, придурки, пока не сдохли! – и вывалиться на улицу. Сообразить, куда идти. И как-то, сам не понимая, как, дойти до Лотара. На остатках сил и воли, не чувствуя онемевших ног, чудом не упав где-нибудь по дороге. Задушив жалость к оставшимся позади – он бы не помог, не спас бы ни буйных драчунов, ни молоденьких подавальщиц и веселых девок, он мог только замерзнуть с ними рядом или попытаться спастись.

Он не помнил, как дошел. Только качавшиеся перед глазами узкие улочки, знакомый двор постоялого двора, дверь, которую сумел открыть с пятой или десятой попытки, темный пустой зал и темный коридор, и еще дверь, в которую никак не получалось нормально постучать, и ошарашенное лицо Анегарда. И холод, холод, холод. Метельный вой и обморочный звон в ушах, леденеющее тело, почти не способное двигаться, и лед, разрывающий мышцы изнутри. Но дошел ведь! Не для того же, чтобы теперь замерзнуть насмерть, в теплой-то постели?!

Надежда жила в нем последними крохами тепла. Помогут, согреют. Главное сейчас не заснуть. Игмарт видел случаи, когда от «ледышки» умирали уже на руках у своих, почти на пороге спасения. Засыпали, убаюканные заботой и безопасностью, поверив, что уж теперь все будет хорошо, и не просыпались.

Не спать. Марти глотал горячее питье, не ощущая его жара, только разумом понимая, что оно горячее – слишком холодно было. Ледяные торосы не растопишь кружкой-другой кипятка. Жалкие капли тепла мгновенно поглощались бушевавшей в крови колючей вьюгой, падали в ледяную бездну, и все ближе подступало черное забытие, мутная багряная завеса, кровавое марево, за которым – холодный смех Хозяйки тьмы. Не спать. Слышишь, не спать. Сдохнешь, Герейну на радость. Не. Спать.

Смутно, самым краем остывающего сознания Игмарт ощущал суету вокруг. Теплые тела рядом с его телом, руки, растирающие его ладони, голоса... гул в ушах мешал слышать, но если постараться...

– Все-таки лекаря...

– Скоро утро...

– Еще горячего... Пей, парень. Глотай, вот так, молодец.

– И мне.

– Держи.

– Спаси Жница, почему он такой холодный?!

Марти не понимал смысла слов, но голоса держали. Живые людские голоса, совсем не похожие на зудящий в ушах далекий шепот Старухи, на тонкий скрип ее прялки, на шуршание готовой оборваться нити. Если слушать только их, отдаляется вьюжный вой, а багряная завеса нижнего мира не маячит перед самыми глазами, мешая поднять веки, заслоня мир живых.

Правда, глаза все равно не открыть. Тяжело.

– Я бы его и не так согрела...

– Не разгоняйся, у него невеста.

– Подумаешь! Здесь-то я, а не она.

Нахальный рыжий слуга и какая-то девчонка. С ума сойти.

– Не невеста она, не сватался он к ней.

Ничего, Лотар, дадут боги, еще посватаюсь.

– Пей, парень. Ну, глотай.

Мано. Человек дела. Пока другие языками треплют...

– Скоро утро, будет легче. Его Хозяйка тьмы зовет, я чувю.

– Ой, мамочки...

– Да не бойся, не проклятый он.

Ошибаешься, рыжий. То есть Старуху чуешь верно, а вот «не проклят»...

– А вдруг?

– Я в таких делах не ошибаюсь.

С чего бы... Жив буду, спросить.

Жаркое дыхание щекочет шею: «Отогрейся, милый! Не умирай!». Пальцы горят: от кончиков ногтей и выше, выше идет колючая волна ледолома. Резкими, судорожными толчками горячая кровь прокладывает путь среди мерзлоты. Больно. Не ори, девчонку напугаешь. Боги, да орать и сил нет. Черная метель мельтешит под веками, прошитая алыми искрами, пронизанная ослепляющими нитями молний. Молнии вспарывают лед, разбивают торосы в колючие, режущие лезвия. Лед плавится в пожаре, вскипает паром, бежит кипятком по жилам. Больно.

Больно – значит, живой. Снова выжил, королевский пес, удачливый сукин сын. Еще одна маленькая победа.

– Ой, мамочки! Что это с ним?

– Отогревается. Не бойся, так и должно быть. Держи его, не отпускай, побьется и перестанет. Больно ему. Держи, солнце встает, все хорошо будет.

Лучше отпустите. Бесов вам в печенку, дайте мне что-нибудь в зубы, больно же! Что лучше, лед или огонь? Замерзать было легче.

– Дыши, парень, дыши. До солнца дожил, молодец. Крепкий орешек, Старухе не по зубам.

Эх, Мано. Много ты знаешь о зубах Хозяйки тьмы.

Но утро – это хорошо. Это солнце, свет, жизнь. До утра дожил, теперь хрена с два подохну. Погоди, Герейн, я еще встану. Доберусь до твоей глотки.

На этой бодрой мысли Марти наконец-то провалился в сон-забытье, больше похожий на беспамятство, но уже не грозящий смертью.

За окном гудела вьюга, билась в закрытый ставень, тонко и зловеще свистела в щели. Помогите боги путникам! Такая непогода обычно надолго.

– Я рад, что ты приехал, Грегор.

Барон Ордисский невольно покачал головой: в голосе Эстегарда слишком явственно слышались следы болезни. Скис старый друг, скис. Его величество совершил ошибку, даже не ошибку, а вопиющую глупость. Доказавших верность всей своей жизнью бойцов нужно ценить и беречь, а не бросать в каземат по навету, даже не разобравшись. В следующий раз Эстегард Лотарский не помчится в столицу, едва получив известия о мятеже. И любой, кто узнает его историю, подумает: прав Грегор

Ордисский, что сидит себе дома, не лезет в столичные дрязги и ограничивает свой долг верноподданного вовремя уплаченными налогами. Сравнение не в пользу... не в пользу короля, усмехнулся Грегор. Если судить по чести, прав Эстегард. Но, боги великие, как же глупо судить по чести в нынешние погрязшие в предательствах времена!

– О чем думаешь? Если меня жалеешь, то незачем.

– Ты все тот же, нестигаемый и занудный, – Грегор нашел в себе силы усмехнуться, и сразу стало легче. В самом деле, не жалеть Эстерагда он сюда приехал! Старому медведю не нужна жалость, зато хорошая компания придется очень даже кстати. – Думаю... Думаю, что я тоже рад, хотя твое состояние не слишком мне нравится. Но это ничего, выкарабкаешься.

– Я постарел. Наверное, слишком постарел. Еще лет пять назад я первым делом потащил бы тебя на охоту, а теперь...

Эстегард отпил глоток из стоящего рядом кубка. Целебное вино, настоящее на травах, душистое, согревающее. Камин, вино, толстый шерстяной плед, а кашель уходит с трудом, и если бы не заботы Сюзин, не исключено, что этот кашель уже свел бы старого барона Лотарского в могилу. Воистину, боги знали, когда вернуть Лотару потерянную дочь.

Грегор покосился на плотно закрытое окно, усмехнулся:

– А теперь мы по-стариковски сидим у огня и вспоминаем былое. Почему бы и нет. В воспоминаниях есть своя прелесть. Пусть молодые воюют с метелью и скачут по сугробам.

– Молодые... – Лотар тяжело вздохнул. – Я слишком тревожусь о сыне.

– Анни справится, ты хорошо его воспитал. А у тебя, чтобы ждать его спокойно, есть дочь... дочери, – Грегор неловко, виновато усмехнулся. – Прости мою оговорку.

– Я и сам еще не привык.

Обметанные болезнью губы Эстегарда тронула нежная, почти робкая улыбка, и Грегор улыбнулся в ответ. Сюзин вызывала в нем странное чувство. Частью собственническое, частью отцовское, немного легкой, не злой насмешки, приправленной затаенным восхищением. Она была красива и сильна, в ней забавно смешались уверенность и застенчивость. Ее хотелось смешить, удивлять, развлекать. Ее просто хотелось. Сюзин была хороша всем, кроме воспитания, ну да что ему за дело до воспитания! Сюзин такая живая, и совсем зря Эстегард пытается воспитать из нее придворную куклу. Поздно – и хвала богам, что поздно.

Эстегард любит ее. Уж наверное, не хочет отдавать за кого попало,

а замуж девчонке пора. Но старый друг – это не кто попало.

Правда, та же любовь может помешать Эстегарду принять сватовство, если сама Сюзин окажется против. Но зима – время долгой скуки, зима скудна и на дела, и на развлечения. Барон Грегор Ордисский сумеет вызвать интерес у деревенской девчонки. А от интереса до влюбленности не так уж и далеко.

Правильно он сделал, что приехал именно сейчас, не откладывая.

Мано заглянул в кувшин, одним долгим глотком допил остатки вина. Буркнул:

– Ночка выдалась – врагу не пожелаешь.

Добавил, поглядев на спящего Марти, на дрожащую девчонку, на обхватившего себя руками Рихара:

– Ты, господин, шума пока что не поднимай. Оно конечно, тут и сами боги вроде бы велют бежать в магистрат с жалобой, а только мало ли, с кем парень схлестнулся и чем там дело кончилось. Того гляди, самого в виноватые запишут.

Рихар кивнул:

– Если городского мага зацепил, так они на то городу и платят, чтоб, если что, их сторону держали. Против пришлых-то.

– Вот именно, – Мано с явственным сожалением отставил пустой кувшин, вздохнул. – И ты уж молчи, Аннета. Не для того небось парня спасала, чтоб неосторожным словом загубить.

Девушка торопливо закивала. Наградить бы ее, растерянно подумал Анегард, только с азельдорскими нравами и необразишь, как. Будь дело на его земле или хоть в Оверте, не растерялся бы. А тут... Обидишь еще ненароком. Но и молча отпускать нехорошо.

– Спасибо, Анни. Скажи, могу я тебя отблагодарить?

Девушка вспыхнула, замотала головой:

– Ничего не нужно, господин.

– Пойдем, – Мано накинул на плечи Анни теплый плащ, – провожу.

– Дурень ты, господин, – фыркнул Рихар, когда за ними закрылась дверь и шаги стихли в конце коридора. – Девица в Игмарта втрескалась без памяти, а ты – «отблагодарить». Спасибо хоть, деньги совать не стал.

Анегард подавил зевок, плеснул в лицо холодной водой. И правда

ведь, слепой увидит, что влюблена девчонка. С перепугу, что ли, не заметил? Ночь все еще плыла темной мутью в голове, путала мысли.

– Слышал ты про такое? – Анегард кивнул на Марти. – Чего ждать теперь?

– Слышал, как же, – ответил Рихар. – Раз отогреться начал, помереть теперь не помрет. А проваляться долго может. Самое малое – дня три-четыре, а то и с боговорот. Маг бы, конечно, быстрее поднял.

– Мага рискованно, ты верно сказал. Знать бы еще, чего он с тем магом не поделил...

Рыжий потянулся, тряхнул головой:

– А чего ж. Пойду по городу пошатаюсь, послушаю.

– Давай.

Рихар ушел, а день потек своим чередом. Мелькнула было мысль заказать завтрак в номер, но Анегард решил не привлекать лишнего внимания. Пока неизвестно, что именно наворотил Игмарт и с кем схлестнулся – вот уж горазд парень в переделки влипать! – лучше вести себя как обычно. Спуститься вниз, как ни в чем не бывало. И, кстати, сказать Мано, чтобы сегодня своих парней никуда не отпускал. Хотя об этом десятник наверняка и сам догадается.

Игмарт то ли заснул, то ли просто лежал тихо. В любом случае, ему явно лучше, можно ненадолго одного оставить.

– Не шуми тут, – неловко сказал Анегард. – Я вниз пойду, запрю тебя пока.

Не ответил. Спит, наверное. Ну и слава богам.

В трапезной Анегард первым делом подошел к хозяину. Трактирщик ни словом не обмолвился о ночном переполохе, только едва заметно ухмыльнулся, принимая плату за завтрак – щедрую с избытком, полновесным серебром.

– Спасибо, – сказал Анегард.

Глаза трактирщика потеплели, усмешка стала шире и при этом куда более приятной. Как будто простая человеческая благодарность перевесила серебро.

– Доброго вам здоровьичка, – неторопливо ответил трактирщик. Развернулся к двери в кухню, рявкнул: – Эй, Ринка! Поторапливайся, растяпа сонная, господа завтрак ждут!

– Уже-е! – протяжно отозвался девичий голос.

Анегард благодарно кивнул и пошел за стол. Следом за ним торопились две подавальщицы с полными подносами.

Как он и ожидал, Мано успел довести до своего десятка

сегодняшний распорядок: сидеть на месте, трезвыми и в полной готовности к бою. Анегарда встретили вопросительными взглядами. Но он сказал только:

– Мано, половину – в комнату Игмарта.

– Понял, – кивнул десятник. Зыркнул на открывшего было рот Шонни так свирепо, что у бедолаги не заданный вопрос кашлем застрял в горле. Правильно. Пусть в трапезной пока что пусто, от лишней болтовни все равно лучше остеречься. Дурень все-таки Шонни, дурень и растяпа, не надо было его брать.

Остальные наворачивали завтрак молча, хмуро и деловито. Хоть и не знают ничего – а зачем бойцам знать? С них довольно, что командир ждет боя. Это у командира голова пухнет от вопросов, на которые ответов нет.

Засиживаться за столом Анегард не привык. Встал первым, сказал Мано:

– Я наверх пока. Подойдешь.

Игмарт спал. Теперь, при свете дня, его синюшная бледность бросалась в глаза. Если бы Анегард не доверял полностью знаниям Рихара и Мано, засомневался бы, выживет ли королевский пес. Запавшие глаза, искушенные, потрескавшиеся губы, не лицо – маска. Такой вид бывает у людей, одной ногой уже шагнувших под мрачные своды дворца Хозяйки тьмы. С полдороги в нижний мир редко кто возвращается, не любит Старуха отпускать свою добычу. Хотя вытянули ведь Зигмонд и Сьюз его самого, а он уж, пожалуй, не одной, обеими ногами за край шагнул.

Да, вытянули – запретными чарами! Ради королевского соглядатая никто ворожить не станет, даже если б и знали, как. И нет здесь ни Сьюз, ни Зигмонда, не у кого спросить, чем еще этому полутрупу помочь можно. Придется самим справляться. Слышишь, королевский пес? Тебе упрямства не занимать, раз уж ночь пережил, давай, вытягивай себя и дальше, кто здесь сделает это лучше тебя самого.

Анегард зевнул, тряхнул головой, отгоняя сонный туман. Подошел к окну. Во дворе крутилась своим чередом обычная утренняя суматоха: парнишка-поваренок бежал с ведрами к колодцу, тощая девчонка – кажется, та самая, что ночью перепугалась, – кормила кур, купеческие конюхи выводили коней: караван собирался в дорогу. Остановился перед воротами отряд городской стражи, старший зашел во двор, спросил что-то у поваренка, тот покачал головой. А ведь ни вчера, ни позавчера, ни третьего дня стража с утра по улицам не ходила!

Во двор вышел Мано, потянулся, побрел к колодцу – медленно,

будто до конца еще не проснулся. Анегард смотрел, как стражник останавливает его, как Мано качает головой, растерянно чешет в затылке, сам что-то спрашивает. Смотрел и думал: не зашли бы стражнички глотки промочить и трактирщика порасспросить! Хотя тот вроде и дал понять, что болтать не станет, но одно дело просто так язык чесать, и совсем другое – городской страже помочь.

Боги миловали: поговорив с Мано, стражник вышел за ворота, махнул рукой, и отряд двинулся дальше. Десятник постоял еще, все так же неторопливо подошел к колодцу, достал ведро воды, поплескал в лицо, окунул голову... Сразу видно обстоятельного вояку, привыкшего поутру себя в божеский вид приводить. Сразу ясно и то, что ночь провел, как воякам в спокойное время привычно – не считая ни денег, ни выпитого. Для Азельдора вполне себе понятное дело: пока приезжие купцы расторговываются, их охране делать особо нечего, только от дороги отдыхать.

Ладно, встряхнулся Анегард, хватит в окно пялиться, не кумушка любопытная. Отошел, остановился рядом с кроватью. Марти свернулся под одеялом в комок, совсем как вчера, одна разница, что не окоченевший и дышит ровно. Кого ж ты задел, королевский пес? Правильно, что ни мага, ни лекаря звать не стали, а то б стража сейчас прямиком сюда и пришла. Догадается Мано кого поумнее во двор выставить, чтоб предупредить успел, если вдруг что? Должен догадаться.

Пожалуй, никогда Анегард не был настолько растерян. Город, в котором не от кого ждать помощи, где никому нельзя доверять, задание, за которое не поймешь с какого боку братья, а теперь еще и королевский пес в историю вляпался. Да знать бы еще точно, в какую.

Мано принес огромную кружку горячего бульона. Тряхнул Марти за плечо:

– Просыпайся.

Тот застонал: хрипло, едва слышно. Попытался сесть, Анегард поддержал. Кружку Марти взять не смог: руки распухли, пальцы не слушались.

– Не суетись, – буркнул Мано, – я подержу, пей.

Десятник глядел хмуро и явно не торопился пересказывать свой разговор с городской стражей. Видать, ничего хорошего в том разговоре не было. Наконец кружка опустела, Марти рухнул на подушку, неловко завозился, Мано помог ему укрыться.

– Что стража сказала? – спросил Анегард.

– Убийство, – ответил Мано. – Кого, как и где грохнули, не

говорят, но ясно, что землю рыть будут, пока не найдут. Кого пришел-то, парень?

Игмарт шевельнул губами, Анегард скорее догадался, чем услышал: «Мага». Вздохнул:

– Ладно, молчи пока. Приходи в себя.

Скрипнула дверь, в комнату тенью скользнул Рихар. Подошел почти вплотную, заговорил чуть слышно:

– Плохо дело.

– Да уже знаем, – буркнул Мано, – стража убийцу ищет. Куда уж хуже.

– Хуже, – уверил Рихар.

Анегард обернулся на Марти: тот глядел с острым интересом. Отлично.

– Рассказывай. А ты слушай, потом поправишь, что не так.

Рихар кивнул, начал:

– Игмарт зашел в трактир, нищий у дверей его запомнил. И как выходил, тоже помнит. Припугнуть пришлось, чтобы не трепался, хотя страже он уже рассказал, что видел. Трактир лысого Аббаса у ворот зернового рынка, дрянная забегаловка с дурной славой. Там как раз возчики гуляли и как раз догулялись до мордобоя. Зашел он с каким-то селянином, но тот сразу же куда-то делся, его и разглядеть не успели. В трактире сидел маг. Что за маг, никто не знает, никогда раньше его там не видели. – Рихар замолчал, подумал немного и добавил: – Если не врут. Хотя для приличного мага слишком уж дрянная забегаловка, а маг приличный, видно, что при деньгах.

– Дальше? – Мано спросил это так, что Анегард явственно понял: десятник уже знает, что именно случилось дальше. Точно знает, и знание это самое что ни на есть мерзопакостное.

– Дальше маг метнул «ледышку», – ровным, очень спокойным голосом ответил Рихар. – Игмарт успел ответить, похоже, ждал подвоха. Употчевал мага ножом в горло и ушел. Везучий парень.

Анегард все еще не понимал, почему Рихар так откровенно зол, почему у Мано вдруг такое лицо, будто его вот-вот стошнит, а у Марти – будто он уже умер. Маг мертв, Игмарт жив, прекрасно, а уж от стражи прикроем как-нибудь.

– Полтора десятка возчиков, три подавальщицы, пять веселых девок, – перечислил Рихар. – Все насмерть. И на то похоже, что честь первого нападения припишут ему, – мотнул на Игмарта встрепанной башкой. – И вину за все трупы тоже.

– «Ледышка», – пояснил Мано. Наверное, углядел недоумение господина. – Ее не в человека кидают, просто вперед, в белый свет как в медный грошик. Кого накроет, тому и не повезло. – Зло глянул на Игмарта. – Чего ж ты с магом тем не поделил?

Королевский пес приподнялся на локте, длинно выдохнул сквозь зубы. Прохрипел:

– Маг... Герейна. Меня... сдали.

Рассказ рыжего выдернул из мутной слабости лучше любых зелий. Злость – отличное лекарство. Вот так, значит, у нас дела обстоят – двадцать три невинных человека герейнов маг за здорово живешь положил, а виноват в том единственный, кому спастись повезло.

Времени зря королевский пес не терял, успел разузнать – это простой люд Герейна боится, а городские старшины да магистрат живут с богатым и щедрым бароном душа в душу. Герейн давно уж купил Азельдор с потрохами, хоть и мало кто из купленных это знает. Хвала богам, у Лотара хватило осторожности не припереться с ходу в магистрат, а то б...

– Сдали, – повторил Марти. Добавил, заметив враз отяжелевший взгляд Мано: – На твоих... не думаю. Я...

Закашлялся, скрючился – от разговоров будто волколачьими когтями драло горло, ворочались в груди недотаявшие ледяные лезвия, кашель рвал нутро на лоскутья. Мано порылся в склянках, сунул под нос вонючее зелье:

– Пей.

Тягучий глоток медленно стек по горлу. Марти полежал, прикрыв глаза, почти с наслаждением ощущая, как острая боль притухает, подергивается, словно костер пеплом, вязкой, туповатой расслабленностью.

– Лучше? – спросил десятник. – Теперь говори, кто сдал. Дело серьезное.

– Не знаю, – осторожно прошептал Марти. Вздыхнул, прислушиваясь к ощущением. Болит, но боль словно перестала иметь значение, осталась где-то в стороне, сама по себе. Хорошее снадобье. В бою, правда, бесполезно будет, слишком уж от него растекаешься, кисель киселем. – Я приметный, бывал здесь, узнать могли. Может, с расспросами наследил где. Меня на того мага чисто вывели, напрямиком в ловушку.

Анегард нахмурился – хотя, казалось, куда уж больше.

– Думаешь, Герейн ждет нас?

– Вряд ли. Слухи быстро летят, но и мы в дороге не медлили. На тебя ведь ловушек не ставили.

- Тогда почему? – спросил Мано.
- За меня Герейн хорошо заплатит.
- Вон что...

Хотел еще сказать, чтобы Лотар все же осторожно ходил, но подумал и не стал. Незачем обижать излишней опекой, у молодого барона своя голова неплохо варит, единственное, чего не хватает – опыта. Ну так опыт и не наживешь, пока тебя за ручку водят.

- Драпать из города надо, – заявил вдруг рыжий.

Анегард покачал головой:

- Куда ему сейчас драпать? Шевелиться толком не может.

Марти сжал и разжал кулаки – хорошо, под одеялом не видно. Болело все, каждая жилочка, каждый клочок опаленной морозом кожи.

- Если надо, смогу.

– А я б на месте стражи первым делом ворота перекрыл, – с нехорошей задумчивостью сказал Мано. – Потом бы по трактирам да постоялым дворам расспрашивать пошел. Не искать – зачем постояльцев пугать, репутацию городу портить. Спугнуть, чтоб сам на ловца выбежал.

Рыжий почесал в затылке, кивнул. Спросил неуверенно:

- Слетать к воротам?

- Тихо и очень осторожно, – ответил Анегард. – Сможешь?

Мальчишка снова кивнул и вышел.

– Отдыхай пока, – скомандовал Лотар. – Мано, я с ним посижу, а ты присмотри внизу.

- Ладно.

Марти закрыл глаза.

Ворота наверняка перекрыты, но рыжий все равно прав. Уходить надо. Теперь Герейн частым гребнем город прочешет. Слишком велик соблазн, слишком просто сейчас отыграться за прошлые неудачи.

Слишком часто Игмарт ускользал от него, как песок сквозь пальцы, как верткая ласка под ногами.

Тогда, в самый первый раз, дядя потерял его надолго. Искал сначала в окрестностях замка, по деревням, в лесу, потом добрался и до Азельдора, но Марти там уже не было. Да ведь и не мог новоявленный Герейн прямо расспрашивать о племяннике, сам же заявил, что вся семья брата погибла. Марти узнал после – три гроба занесли в семейный склеп Герейнов, замуровали честь по чести в знак прерывания старшей ветви рода.

Перестал искать не скоро, аж к зиме – но перестал. Решил, видно, что раз мальчишка не прячется где-нибудь среди отцовских крестьян, не

пристроился в Азельдоре, не объявился нигде до самых морозов – значит, сгинул в лесу. И уж конечно, в страшном сне бы не привиделось Герейну, что «погибший» племянник прибился к королевским псам. Что рассказал свою историю Асколу, а тот – королю. Что дар короля признал в сопляке законного старшего рода Герейнов, и единственная причина, по которой убийца остался хозяйничать в замке брата, звучала так:

– Вырасти, стань воином и отомсти, как велит обычай мстить за подло убитых. А пока можешь считать, что дядя приглядывает за твоим имуществом.

Не очень-то понравились Игмарту эти слова, но с королем не поспоришь. Да и Аскол объяснил после: до совершеннолетия сироте положен опекун из родичей, а нет родичей – из дворян-соседей. И слишком часто бывает, что, пока сирота вырастет, от его наследства остаются жалкие крохи. Сказал:

– Наш государь умен, лучше уж так. То, что своим считаешь, грабить не станешь. Считай, что в оруженосцы поступил. Отец-то учил чему?

– Учил. – Марти сам не знал, как удержался, не заплакал.

– Вот и ладно, значит, продолжим.

Может, дядя и вовсе бы не узнал, что племянник выжил, до чаемого Марти всей душой мгновения мести. Но когда один – в гвардии короля, а второй – в год по несколько раз наезжает в столицу только ради того, чтоб перед светлыми королевскими очами покрутиться, рано или поздно эти двое столкнутся неминуемо. Игмарт слишком походил на мать, чтобы Герейн мог его не заметить, не задуматься, откуда ему знакомо лицо молодого гвардейца. А задумавшись, навел справки, сопоставил – и все понял.

И началась потеха.

Сначала в стоявшего на посту Марти прилетел кинжал. Невидимый в ночи убийца промахнулся чудом: Игмарта окликнул обходивший караулы Аскол, тот развернулся – и вместо вспоротого горла отделался пришпиленным к косяку двери воротником. Метнулись быстрым эхом дробные шаги убегающего. Искать его в переходах гостевой части дворца было занятием безнадежным.

И Аскол, и Марти не хуже Герейна умели сопоставлять и делать выводы.

На следующий день король намекнул барону Готфриду Герейну, что тот засиделся в столице. Не стоит, мол, оставлять свои земли без присмотра слишком уж надолго. Особенно, когда оные земли лежат на

самой границе со степью. Мало ли, кто набежит. Герейн намек понял.

Откровенных покушений больше не было. Вот только – что за странность! – в любом деле, где оказывались замешаны королевские псы, именно Игмарта подстерегало отныне больше всего случайных неприятностей. От заклятий хранил амулет Звездной девы, от клинков – собственное умение. Аскол отлично его выучил, к двадцати годам Игмарт стал одним из лучших бойцов в отряде. Он надеялся, что справится с дядей в поединке.

Похоже, барон Готфрид Герейн опасался того же. Потому что решить спор поединком он явно не хотел. Предательские удары из-за угла, под покровом ночи, чужими руками – вот в каких поединках Герейн чувствовал себя уверенно, вот на каком поле намеревался победить.

Не эта ли подлость природы и в заговор завела? Или куда проще – жадность?

Пять лет дядя и племянник не выпускали друг друга из вида, кружили коршунами, ждали, кто первый раскроется для удара. Как все подлецы и заговорщики, сколько ни довелось видеть Игмарту, Герейн был трусом. Ни разу Марти не сумел подобраться к нему настолько, чтобы вызвать на поединок честь честью, при свидетелях, по обычаю воздаяния за кровь родных. Тайком убить мог, и не раз. Но из-за угла что за месть? К тому же, чтобы восстановить права на отцовское баронство, нужно действовать по закону и по обычаю. Бросить вызов открыто, в полный голос перечислить обвинения, призвать богов в свидетели поединка. От такого вызова Герейн ускользал так же ловко, как Марти – от убийц. Что ж, рано или поздно чаша весов должна была качнуться резко, принося нежданную удачу одному из соперников. Повезло Герейну. «Но это, – Марти заставил себя усмехнуться, – это мы еще поглядим. Я пока еще жив. А у Герейна больше нет мага».

– Ты как? – спросил Анегард. – Может, есть хочешь?

– Не хочу, – ответил Марти. – Но надо. Тащи.

Думал, Лотар возмутится – не баронское дело самолично еду таскать. Но тот молча встал и вышел. Марти сел, оперся ладонями о край кровати, пережидая головокружение. Нет времени валяться, иначе как бы не пришлось прямо из постели в могилу перелечь.

С Анегардом вместе вошел Рихар. Лотар одобрительно кивнул при виде сидящего Марти, пристроил поднос на стол:

– Ешь. А ты рассказывай.

– Ждут, – коротко сообщил рыжий. – В лица заглядывают, телеги обыскивают. На стенах стража усилена.

Марти зло усмехнулся:

– Сколько чести.

– Скажи лучше, что делать? – спросил Анегард. – Ты, я думаю, не первый раз в такой ловушке?

– Чего проще, взять и уйти внаглую, – хмыкнул Марти. Кивнул на рыжего: – С его-то талантами.

– Рихара подставлять не дам, – отрезал Анегард.

– Да почему ж подставлять, – нарочито широко улыбнувшись, протянул рыжий. Показалось, или и впрямь на мгновение звериные клыки блеснули? – Тут подумать надо, как лучше. Можно извернуться. Тем более, – улыбка стала еще шире, хотя это казалось решительно невозможным, – люди здесь пуганые. Всерьез пуганые, а не бабьими сказками.

– Ты-то откуда знаешь? – насторожился Лотар.

– Чую, – резко ответил мальчишка. – Страх – он о-очень даже хорошо чувствуется. Ты ешь, чего застыл. Раньше ночи всяко лучше не дергаться.

Марти кивнул и понес ко рту ложку, не отрывая взгляда от мальчишки. Хорошо поговорили. Не ожидал королевский пес получить настолько прямой и ясный ответ на незаданный вопрос. Но что же, оно и к лучшему. Теперь все они – на одной стороне.

Гонец дышал тяжело и хрипло. Он гнал коня от Азельдора без остановки, безжалостно, сменил в деревне на половине дороги и снова гнал. Он знал: владетельный барон Готфрид Герейн щедро награждает за рвение.

– Иди, отдыхай, – сказал Герейн. – Улле, позаботься.

Мадоржом коротко поклонился, ненавязчиво подхватил гонца под руку:

– Идемте, я провожу вас.

Герейн сорвал печать азельдорского архивариуса, развернул письмо. Срочная почта из столицы, наконец-то! На вид – невинное сообщение о ценах на осенней ярмарке, королевских прознатчиков, отслеживающих отправления срочной почты, такое не заинтересует: конечно же, купцам в Азельдоре нужно знать, какие товары выгодней везти в столицу. И, конечно же, на такое сообщение не жаль тратить деньги, отправляя его не гонцом, а через мага-архивариуса: выгаданное время окупит расходы. А заранее уговоренные фразы куда надежней самого

хитрого шифра. Если верен тот, кто пишет...

Должен быть верен. Этого человека Герейн держит за глотку дважды: страхом и выгодой. Потому и послал в столицу именно его. Но если верен, если все, что он пишет, правда... боги великие!

Герейн зло скалился, читая. «Парча, бархат, сукно», – принцесса Вильгельма уличена в заговоре и бежала. «Оружие не принесет ожидаемой выгоды», – покушение на короля провалилось. «Урожай в западных областях не покроет всех надобностей», – Ульфар тоже бежал. Туда и дорога; хорошо бы свернул себе шею где-нибудь в пути. «Наливки пользуются спросом, ждите перекупщиков», – король проявил интерес к делам на юге. К его, Герейна, делам! «Ждите», значит... Хорошо же!

Дорогая бумага захрустела, сминаясь. В огонь! «Ждите»... Не о щенке ли предупреждение? Скорей всего, так и есть. Но раз так, важно взять его живым, только живым! Расспросить. Что король знает, что подозревает, каким слухам верит? Одного ли послал? «Перекупщиков»... Нет, не одного! Всех захватить надо, иначе – крах всеем планам! Захватить всех, со щенком наконец-то расправиться, а прочих – привязать к себе не договором, так страхом. Показать все, на что он способен, чтобы не королевского гнева боялись, а его, Готфрида Герейна! Дыхание барона Герейна участилось, рот сам собой оскалился в хищной ухмылке. Проклятый щенок еще принесет ему пользу. Не просто тем, что наконец-то сдохнет, о нет! Сдыхать он будет долго, громко и кроваво, и обязательно на глазах у прочих, у тех, кого посмел притащить с собой.

Нацеливаясь на чужую корону, нельзя забывать о защите собственного скромного достояния. Герейн и не забывал. Он был осторожен. Но теперь, когда столичные заговорщики разбиты, ищущий измену взгляд короля неизбежно обратится на провинции. Будь Герейн на добром счету, он затаился бы, переждал. Но король его лишь терпит. Терпит, благоволя щенку Игмарту, а значит, в любой день может отправить на плаху! Сейчас самое время избавляться от неудобных, заговор все спишет. Как тихо ни сиди, как ни изображай верноподданного, король верит не тебе, а тому, кто мечтает видеть тебя мертвым. Значит, нельзя больше ждать. Пришла пора действовать. Хотя бы ради самозащиты.

– Наконец-то, – хрипло прошептал Герейн. – О Великая, наконец-то!

Похоже, еда придала королевскому псу не только сил, но и наглости. Доев, он поднялся на ноги, подошел, шатаясь, к окну. Стоя чуть сбоку, оглядел пустынный двор. Развернулся, привалившись к стене:

– Не ночью. Отсюда надо быстро уматывать, пока не начали комнаты проверять.

– Из города – только ночью, – отрезал Рихар.

– Я тебе не про город. Отсюда уехать. Открыто, чтоб все видели. С хозяина спроса нет, пока награду за голову не объявили, а как шум поднимется – не сам выдаст, так слуги.

Может, он и прав, подумал Анегард. Буркнул:

– Ладно. Пойду Мано скажу.

– Стой, – оклик королевского пса хлестнул неприкрытым приказом.

– Что еще?

– Со мной развяжись.

– То есть?

На лице Игмарта явственно отразилось «ну ты и олух».

– С тобой был менестрель, в дороге пристал, попросил до Азельдора защиты. Кто такой, куда здесь делся, ты не знаешь и знать не хочешь. Понял?

– Не понял, – резко ответил Анегард. – Но раз настаиваешь, сделаю. Тебе бегать не впервой.

Королевский пес хрипло рассмеялся.

– Лотар. Я на оскорбления не веду. Да, мне бегать не впервой, слушай и делай, как говорю. Прощаемся на глазах у всех, выезжаем ты в одну сторону, я в другую. Ты со своими спокойно едешь через ворота, я забиваюсь куда-нибудь и жду ночи.

– Пойду, осмотрюсь, – Рихар высунулся в окно, оглядел двор. – Может, где поблизости найду для тебя нору.

– За конюшней, – Игмарт добрел до кровати, сел, прикрыл глаза. – Сенник. Ворота с улицы.

Похоже, несколько шагов по комнате вымотали его не хуже долгого боя. Помогли, Зверина мать, да что он вообще может в таком полудохлом состоянии?!

Рихар кивнул:

– Гляну, что за сенник.

«Где-то я ошибся, – думал Анегард. – Где-то мы с ним оба ошиблись. Я так и не спросил у него совета, все надеялся сам до приличного плана додуматься. А он что-то придумал и начал действовать»

без меня. А теперь... Что делать теперь, неясно вдвойне. Зато ясно, что Герейн – враг, и еще – что инициатива упущена. Плохо. Отвратительно». В голове, как наяву, прозвучал отцовский глуховатый голос: «Запомни, сын, в бою многое решает храбрость, но сражение – больше, чем бой, и самая отчаянная доблесть не спасет того, кто по глупости, растерянности или из страха отдаст врагу инициативу».

Что же делать?

– Что застыл? – ворвался в мысли сиплый голос королевского пса.
– Командуй иди, чем скорей свалим, тем лучше.

– Послушай, мне это не нравится. – Наконец Анегард вычленил и облек в слова главное, что его беспокоило. – Я не привык бросать своих в опасности. Да еще и раненых.

Игмарт криво ухмыльнулся. Анегарду почудилось, сейчас скажет: «Какой я вам к бесам свой». Но сказал королевский пес совсем другое:

– О месте, где встретимся, сговорись с Рихаром. Чтобы я не знал. Все, я собираться пошел.

Доковылял до двери... Хотя нет, не доковылял. С каждым шагом походка королевского пса выравнивалась, не зная, и не заподозришь, что едва идет. Наверное, и ночью так дошел, на чистой воле. Лотар зло стиснул зубы. Ладно. Раз уж решили, будем делать. И молиться всем богам, чтобы прошло гладко.

Отъезд не привлек лишних взглядов. Хозяин вздохнул с облегчением, принимая щедрую плату. Бледный до зелени Игмарт щедро глотнул какого-то зелья из запасов Сьюз – оно ли помогло, или впрямь у королевского пса воля такая, что и мертвым пойдет, но в седло тот сел, как ни в чем не бывало. Махнул выскочившей во двор Анни, поправил висевший у седла чехол с лютней, подобрал поводья. Церемонно распрощался с Анегардом:

– Благодарю высокородного господина за покровительство. Смею надеяться, наши дороги еще пересекутся, милостью богов.

– Удачи, менестрель, – бросил в ответ Анегард. Получилось не так надменно, как надо бы, и куда более искренне.

Звякнули бронзовые подвески-бубенчики, менестрельский оберег. Игмартов гнедой зацокал копытами по вымощенной серым камнем мостовой. Через пару кварталов Рихар его догонит, заберет коня, а Марти забьется в выбранную нору ждать ночи. Дай-то боги, чтоб дождался спокойно! Какая все-таки мерзость – оставить вот так, одного, раненого, почти беспомощного, без защиты. Будь оно все проклято. Анегард зло стиснул зубы и выехал со двора. Не оглянулся.

Маневр прошел удачно – Рихар верхом на гнедом догнал отряд даже быстрее, чем ждал Анегард. Пристроился рядом, бросил с проказливо-виноватым видом нашкодившего оруженосца:

– Прошу простить за задержку, мой господин.

Кажется, никто посторонний внимания не обратил.

Спокойствия Анегарду это не прибавило. Особенно после того, как дважды попались навстречу даже не патрули – отряды городской стражи. Пока улицы прочесывают, скоро ли за постоянные дворы примутся?

Уже. Анегард смотрел, как отряд заворачивает в просторный двор, как стражники бегут к конюшне, к кухонным дверям, к сараям. Не досидит королевский пес до ночи. Выловят.

И тут как стукнуло: «Сговорись с Рихаром, чтобы я не знал». Чертов ублюдок. Бегать ему не впервой! Выходит, сразу просчитал, что вряд ли сумеет отсидеться непоиманным?

– Рихар.

Мальчишка тоже глядел на стражу, поэтому понял сразу. Перебросил поводья гнедого Анегарду.

– Я пошел.

– Удачи.

К воротам Анегард подъехал злой до крайности, зато злость помогала если не совладать с тревогой, то хотя бы не показывать ее. Рывкнул на зевающих у опущенной решетки стражников:

– В чем дело? Почему среди бела дня ворота закрыты?

– Сейчас откроем, ваша милость, – неторопливо ответил начальник караула, вислоусый пузан, опоясанный широким наборным поясом, какой в Азельдоре отличал десятников от рядовой стражи. – Вы покудова отойдите на свет, окажите такую любезность. Во-он туда.

«Во-он там» мялся парнишка, на стражника никак не похожий, а похожий скорее на трактирного побегушку. Ежился под холодным ветром, прятал иззябшие пальцы под мышки. Очевидец?

– Что стряслось-то, браток? – добродушно спросил Мано. Он успел обзавестись таким же поясом и подхватить протяжный азельдорский говор, так что на него стражник глянул куда более благосклонно, чем на явно нездешнего заносчивого юнца благородных кровей.

– Да убивца, вишь, ловим.

– Ишь ты. Видать, кого важного пришили?

– А бесы их разберут, – плюнул пузан. – Нам велели смотреть, мы и смотрим. Ну, у вас вроде никто под описание не подходит. Как, пацан, не узнаешь никого?

- Да вроде нету, – отозвался парнишка.
- Вроде или нету?
- Непохоже.

– Тьфу, бестолочь. Проезжайте, ваша милость. Извиняйте великодушно за задержку.

Поймал брошенную Лотаром серебришку, махнул стражникам. Решетка, натужно скрипя, поползла вверх.

Метнулось под широкой аркой ворот эхо от копыт, ударило в лицо вольное полуденное солнце. Анегард медленно выдохнул. Они выбрались из Азельдора удачно, не возбуждав в страже подозрений. Как знать, с таким-то поглядчиком и такой сонной стражей, может, и Игмарт с ними выехал бы так же спокойно? Зря испугались. А теперь они в безопасности, отряд крепких здоровых воинов, а полудохлый королевский пес вот-вот попадет в страже, настроенной куда серьезней этих сонных тетерь. Хорошо хоть, что там с ним Рихар. Звериная мать, помоги им, прикрой...

Остановились в ближней деревне, в трактире за околицей. Чужая мрачная атмосфера господина, Мано помалкивал, а остальные и вовсе делали вид, что их тут нет. Но это лишь усугубляло злость Анегарда. В мертвом молчании чудилось осуждение.

Впрочем, Мано не забыл оставить след для возможной погони, «проболтавшись» трактирщику, что господин возвращается в столицу, уладив в Азельдоре торговые дела отца. Мрачный почему? Да уладил не так гладко, как хотелось бы. А папаша у молодого господина таков, чуть что не по его, нраву учений не оберешься. И оправданий слушать не станет. Трактирщик сочувственно кивал и втихаря разбавлял сидр колодезной водой. Анегард пил, слушал краем уха и думал: «Что за проклятое поручение, с каждым днем все больше привыкаю лгать и изворачиваться, словно вор в бегах. Помнится, не так уж давно гадал, как королевский пес может так унижаться? Гляди, Лотар, и ты научишься! Страшно?»

Страшно не было. Было противно.

К вечеру, описав широкую дугу, подгадали остановиться как раз между двух деревень, в негустом лесочке, примерно напротив той части города, где Рихар собирался перебраться через стену. Здесь было тихо. Ни людей, ни обильного зверья, только птицы да зайцы, да лисье семейство. Анегард лег поодаль от костра, глядя сквозь голые ветви в прояснившееся, усыпанное крупными звездами небо. Слушал. Рихар обещал дать ему знак, когда выберутся. Но то ли далеко они были, то ли вовсе еще не выбрались – как Анегард ни вслушивался, рыжий нелюдь словно в воду канул.

Марти проводил взглядом Рихара – тот держался в седле, будто

всю жизнь, с пеленок, верхом провел. Цокали копыта, за высоким забором смеялась девушка, в доме напротив визгливо ссорились, в лавке на углу торговались так отчаянно, что всей улице развлечение. Никому на этой улице не было дела до привалившегося к забору парня в щегольской одежде удачливого менестреля. Пока не было.

Придерживаясь одной рукой за забор, Марти побрел к калитке. Бледный, ноги не держат – если кто и остановит на нем взгляд, наверняка решит, что менестрель ночью лишку перебрал. Эка невидаль.

Калитку проверил Рихар перед самым отъездом. Оставил слегка приотворенной – так она и стояла. Марти вошел с видом человека, точно знающего, куда ему надо. Бесшумно задвинул засов. Огляделся. Хвала всем богам, никого. Приоткрыл дверь на сеновал, вслушался – тихо. Быстро скользнул внутрь. Осторожно, по стеночке, протиснулся мимо тюков соломы вглубь. Зарылся в мягкое сено, закрыл глаза. Вот и все. До ночи можно отдыхать. Можно отпустить себя, расслабиться, разрешить растечься в кисель. Силы понадобятся ночью. Ой как понадобятся.

Лотар угадал верно, не впервой королевскому псу прятаться и уносить ноги. Когда был мальчишкой, Аскол часто в разведку посылал, да и после приходилось – правление его величества Гаутзельма не было спокойным. Случалось всякое, и похуже нынешнего. Да что давнее ворошить, достаточно припомнить, как этим летом Ульфару с его клятым магом попался! Нет, нынче жаловаться не на что. Нынче радоваться надо, всех богов скопом благодарить. После заклятия выжил, мага герейновского убил, добрался до Лотара, и Лотар, спасибо Звериной матери, не растерялся. Отогрели, с самого края нижнего мира вытащили. Повезло, как ни кинь. А что чувствуешь себя, как при последнем издыхании, ну так кому бы после ледышки лучше было? Пройдет. И очень даже кстати, что не нужно прямо сейчас трястись в седле, что отлежаться можно. К ночи станет лучше.

Запах сена убаюкивал, привычные дневные звуки успокаивали, нух молчал. Марти даже не понял, как рядом оказался Рихар. Словно из воздуха возник. Заснул он, что ли, так позорно проглядеть мальчишку?! А если б не Рихар, а Герейн? Марти в сердцах выругался.

– Тише, – прошипел мальчишка.

– Разве уже вечер?

– Стража обыскивает постоянные дворы. Лежи, чего вскинулся, – Рихар обернулся на дверь. – Сюда не дошли еще. Я не знаю, как обыскивают, может, только по комнатам. Но дворы точно смотрят и двери все перекурывают. Мы с улицы видели.

– Ясно. – Марти сел, медленно потянулся. Двигаться было больно, но терпимо. Драться сможет. Недолго. – Что делать предлагаешь?

Рыжий пожал плечами:

– Сидеть тихо и надеяться, что пронесет. Колдовать я не умею. А то, что умею, в городе нельзя. Только ночью.

– Ясно, – повторил Марти. – Ладно, значит, сидим тихо. Давай тогда глубже зароемся. Азельдорская стража ленивая, если они точно не знают, что я здесь, самое большое – влезут на вон те тюки, оттуда глянут и свалят. Если ничего подозрительного не углядят.

– Угу... щас... – рыжий зарылся в сено.

Очень скоро он устроил что-то вроде пещерки. Помог Марти забраться внутрь, влез сам, забил вход сеном. Не найдут. Вот только королевский пес ощущал себя не в безопасной норе, а в самой настоящей ловушке. Из хорошей норы должно быть по меньшей мере два выхода!

День утратил благостное спокойствие, наполнился душной, вязкой тревогой. Хуже нет, чем ждать, полностью осознавая свою беспомощность. Помоги, Воин, защити, Звездная дева! Мы сделали, что могли, теперь только надеяться.

Время, отмеряемое ударами сердца, тянулось слишком медленно. Марти сидел, закрыв глаза, весь обратившись в слух.

Рихар сжал его ладонь. Голоса? Проклятое сено, глушит звуки!

Голоса, шаги, стук двери.

– Если здесь кто и есть, беса с два найдешь. Разве что подпалить.

– Помилосердствуйте!

– Думай, что несешь, ушлепок ты недоделанный! «Подпалить»! Не на зачистке! Тебя самого за такое подпалят, мало не покажется.

Шуршание соломы, невнятная ругань.

– Нет здесь никого. Идем дальше.

Шуршание. Стук двери. Можно дышать.

Они с Рихаром еще долго сидели тихо, не только не разговаривая, но даже не шевелясь. Один раз повезло, и хвала богам, и незачем судьбу искушать. Но тревога отпустила. Марти даже задремать умудрился. Правда, тут же получил тычок от Рихара:

– Не спи, стонешь!

Тогда он сел, подперев голову руками, и стал думать о том, как достанет Герейна. Это бодрило.

Когда показалось, что они сидят здесь уже целую вечность, что давно и вечер прошел, и ночь, Рихар снова сжал его руку:

– Пора.

Наконец-то!

Марти так шустро пробирався вслед за Рихаром к выходу, что, когда мальчишка вдруг замер, чувствительно ткнулся носом в его спину. Рыжий сердито зашипел:

– Назад!

Теперь Марти услышал: на улице, у самых дверей сеновала, тихий смех, поцелуи, неровное дыхание. Бесово семя! Хорошо, если поцелуями ограничится, а если нет, они ж сюда и пойдут! На сено! И «занято» не крикнешь. Вот же бесовы происки.

Рихар нетерпеливо толкнул, и Марти отступил назад. Снова в нору забиваться? Боги, как не хочется. Как не терпится свалить уже отсюда, выбраться за ставшие ловушкой городские стены.

– Туда, – Рихар махнул рукой и сам, протиснувшись мимо Марти, первым полез – вдоль стены, между неструганными досками и сеном. Правильно. Должна остаться хоть какая-то свобода если не маневра, так хотя бы обзора.

Они едва успели. Открылась и закрылась дверь, смех стал громче, дыхание жарче. Зашуршало. Девичий голос протянул капризно:

– Постелил бы хоть чего, колется!

– Брось, – засмеялся мужчина, – неженку из себя не строй. Уж будто никогда в сене не валялась.

Заглушил возражения поцелуем. Невнятное мычание перешло в стоны, мужчина дышал хрипло и часто, девчонка тоненько взвизгивала. Марти прислонился затылком к стене. Ишь, наяривает. Он и сам, случалось, таскал девчонок в сено – хорошеньких служанок, посудомоек, разбитных горожаночек и деревенских простушек. И сейчас кровь быстрее побежала в жилах. Эта, похоже, горячая штучка, вон как распалила своего кавалера. Но, бесы б ее побрали, до чего же не вовремя!

Ладно, если бы здесь оказалась наивная влюбленная парочка, не зашедшая дальше поцелуев, было бы еще хуже. Эти перепихнутся и уйдут, а те бы до утра проворковали. Ищи во всем лучшее, королевский пес. Подождем. В предзимье ночи долгие.

– А-ах, – протяжно вскрикнула девчонка. Возня затихла на несколько мгновений, потом послышался смех. – Ты горя-ачий.

– Ты тоже не ледышка, – хохотнул мужчина. – Хочешь еще?

О боги, нет!

– Дава-ай... о-о...

О боги. А если они полночи здесь кувыркаться будут? А потом еще так укатаются, что здесь же и отдохнуть прилягут. До утра. Милосердная

Звездная дева, клянусь, я больше никогда... никогда! Дай уйти.

Время шуршало песком сквозь пальцы, сочилось кровью из неперевязанной раны. Ничего, ночи предзимья долгие, азельдорская стража ленива. Уйдем. Марти покосился на Рихара. Без толку. Темно, не разглядеть, даже дыхания не слышно, будто мальчишка вовсе растворился в темноте. Накатила паника; Рихар, словно почуял, коснулся его руки. Хотя почему «словно». Говорил же, что чувствует страх. Ох, королевский пес, не позорился бы.

Возня страстной парочки наконец-то затихла, теперь слышалось только тихое, расслабленное дыхание, довольный шепот девчонки, короткие, ленивые смешки мужчины. Ну, что? Уйдут, нет? Шуршание, поцелуй... негромкий смех... зевок... Марти сжал кулаки, сильно, так, что боль огнем хлестнула вверх по рукам. Уходите. Проваливайте, чтоб вас на том свете бесы драли!

Ударил в лицо холодный ночной ветер, чуть слышно стукнула дверь. Рихар подтолкнул:

– Вылезай, быстро.

Перед дверью Марти помедлил. Вроде тихо.

– Выходи, – снова толкнул Рихар, – нет там никого, они ушли.

Двор заливала темнота, странно густая, необычная для города. Морозные иглы пробежали по хребту, заворочались в животе. Не нюх, не тревога – паника.

– Спокойно, – непривычно взрослым голосом сказал Рихар. Марти резко обернулся: мальчишка по-прежнему был невидим. Жесткие пальцы сомкнулись на плече: – Заскулишь – попадемся. Спокойно. Ничего не делай, просто слушай меня.

– Командуй, – медленно выдохнул Игмарт.

– Через забор. К стене, переулками. Не беги, просто быстро иди.

Найдешь дорогу?

– Да.

– Я буду близко. Будет страшно, не обращай внимания. Если не уверен в себе, заткни чем-нибудь пасть.

– Справлюсь.

– Остановись под стеной, закрой глаза и, что бы ни случилось, молчи. И руками не размахивай.

– Понял.

– Вперед.

Ледяные иглы паники взорвались огнем в крови. Марти перемахнул через забор и повернул к городской стене. Не бежать, просто

быстро идти. Он помнил дорогу. Три квартала прямо, и это самая опасная часть пути, потом свернуть в переулки сапожного конца, там стража не ходит, и все они заканчиваются тупиками у стены.

Эхо шагов металось между спящими домами, тьма затопила улицу, и если эта морозная жуть называется невинным словом «страшно», то Герейн – добрый дядюшка. Не бежать. Ясно, почему. Побежишь – паника захватит, замутит голову, так и влетишь на полном ходу в очередные неприятности. Возможно, в смертельные.

И не орать. По той же самой причине.

Рванул с пояса ремешок для кошелька, сжал зубами. Так легче. Свернул. Хорошо. Еще немного, совсем немного, совсем. Почему так тихо?! Только ребенок плачет где-то недалеко, в каком-то из темных, утонувших в удушливом страхе домов. Если бы не этот плач, можно было бы подумать, что город вымер в одночасье.

Все-таки сорвался на бег, и почти тут же врезался в стену. Поднял голову – ни луны, ни звезд, ни даже туч, как будто неба вообще нет, а есть только сплошная непроглядная тьма. Нелюдские штучки. Выдохнуть. Закрыть глаза. И руками, говорил, не размахивать? Марти завел руки за спину, сцепил пальцы в замок. Замер. Сердце колотилось как безумное, казалось – теперь, когда стихли шаги, от ударов сердца такое же эхо идет, разносится по лабиринту темных переулков, множится, настигает...

Стиснуло, рвануло вверх, паника взметнулась черным огнем. Игмарт стиснул зубы так, что челюсти заныли и зашумело в ушах. Желудок подкатился к самому горлу, хорошо, что с утра не ел. Можно ли звать богов, если в этот самый миг тебя спасает нелюдь? Наверное, лучше не надо.

Земля ударила по ногам, и тьма отпустила. Марти ощутил колючую сухую траву под щекой. С трудом расцепил пальцы, оперся ладонями, поднялся на четвереньки. Сел. Поднял голову. В прорехах низких туч сияли звезды. Примерно в ста шагах смутно белела стена Азельдора. Закричала вдалеке сова.

Выбрались.

Что-то мешало дышать. А, бесово семя, ремень! Чтобы разжать сведенные челюсти, пришлось постараться: растереть лицо, расслабить мускулы. На ремне отчетливо виднелись следы зубов. Позорище. И руки дрожат.

– Как ты? – тихо спросил Рихар. Оказывается, все это время мальчишка тихо сидел рядом. Снова – просто мальчишка. И, кажется, такой же уставший, разбитый и растерянный, как и Марти.

– Терпимо, – неловко ответил Игмарт. – Почти хорошо.

– Пойдем тогда, – Рихар встал. – Рассвет скоро.

Вопреки тайным опасениям Марти, ноги его вполне себе держали, и после первых немного неуверенных шагов он сумел взять неплохой темп. Больно, голову ведет от слабости, но бывало и хуже. Мальчишка легко шагал рядом, от него не веяло ни страхом, ни опасностью, наоборот – готовностью подхватить и поддержать. Странно, неправильно. Не привиделась же мутная мгла, до краев напитанная ужасом? Нелюдь. Опасная тварь. Мальчишка, который спас его – возможно, рискуя собой.

– Рихар. Могу я спросить?

Ответил быстро, будто ждал вопроса:

– Лучше не надо.

Какое-то время шли молча. Сначала ломалась под ногами сухая трава, потом вышли на тропу. Скоро тропа свернула в лес. Нелюдь выбирал путь уверенно: не иначе, подумал Марти, лотаровский дар ведет. Ну и хорошо, слава Звериной матери.

– К утру дойдем, если быстро идти, – сказал мальчишка. – Сможешь?

– Да.

Прибавил шаг. Хорошо, что за день отлежался. Все не так страшно, как могло бы быть. Почти хорошо.

– Рихар.

– Я же сказал, не надо.

Марти на ходу коснулся худого плеча:

– Я не спрашиваю ничего. Просто спасибо.

– А-а, – мальчишка насмешливо фыркнул. – Пожалуйста.

Владетельный барон Готфрид Герейн отнюдь не отличался добрым нравом, но все же редко когда бывал настолько разъярен, как сейчас. Он еще сдержался, сумел не сорвать злость на доставившем вести гонце, даже наградил того – а как же, за дурные вести надо награждать щедрей, чем за добрые, иначе рискуешь узнать их как раз в шаге от эшафота. Пусть гонец радуется полученной от господина серебришке да похвале за расторопность, пусть гонит коня во весь опор, поспешая обратно в Азельдор с наказом – найти, живым взять, даже если весь город вверх дном перевернуть придется! И щенка, и всех, кто с ним рядом! Причастны или нет, люди короля или случайные попутчики, после разберемся, пока важно

не упустить.

Барон Готфрид Герейн метался по парадной зале родового замка, чествуя на все корки проклятого щенка, нерадивых азельдорских стражников, а пуще всего – давшего себя убить мага, чтоб ему всю вечность посмертия вариться в кровавом котле Хозяйки тьмы. Подпустить королевского пса на расстояние броска ножом! Это же каким надо быть остолопом! Кретином самоуверенным! Нет, что самоуверенности ныне покойному мэтру Суришу не занимать, Герейн знал всегда. Но полагал, что неумеренное самомнение мага относится все же к его знаниям, умению чары плести, короче, к тем областям, в коих он и впрямь достиг определенных высот. А он, вишь, вздумал! Тягаться с королевским псом в бою! Боги великие, видели вы другого такого болвана?!

А Готфриду Герейну теперь мало того что с племянником и прочими королевскими прознагчиками разбираться, так еще и нелюдь самому в узде держать! Или, если не удержит, избавляться, зачищать, как положено, упаси Старуха! Для того ли прикармливали. Да только вспомнить, чего стоило Суришу заклясть тварей на повиновение хозяину! Впрочем, все же меньше, чем самому Герейну – найти зерно смысла в древней семейной легенде, свести концы с концами в неясных слухах, отыскать старые хроники, надежно запертые в пыльном архиве родового замка. Обычно об избранниках в роду помнят крепко и гордятся ими непомерно, но у кого нынче хватит дерзости похвастать избранником Старухи в предках? Тем более таким, который, может статься, до сих пор где-то летает, кровь из добрых людей пьет. Боги не любят слушников. Дурак был пра-пра-какой-то-дед, барон Зигмонд Герейн, ох и дурак. Такой бы случай Готфриду, уж он бы своего счастья не упустил. Но его боги не отметили, ему пришлось покупать то, что предку на дармовщинку предлагали. Деньгами, кровью, смертью... Деньги были свои, кровь и смерти – чужие, однако достались не дешевле, Суриш свидетель.

Вспомнив, сколько тайных трудов брал на себя маг, Герейн закрипел зубами. Храбрости ему не занимать, но Хозяйку тьмы улещивать – одной храбрости мало. Суриш не таился от господина, все тонкости кровавых ритуалов Герейн видел своими глазами, и не раз, но одно дело видеть, а другое – самому... Все же спокойней, когда между тобой и темной богиней хоть какой, да посредник.

Но и терять послушную своей воле стаю кровососов барон Готфрид Герейн не хотел. Это ж какая силища! Какой способ людишек в кулаке зажать, да так, чтоб никто сторонний не подкопался! Основа нынешнего благополучия, и ладно бы только нынешнего – будущего!

Главный, пока что тайный козырь в той большой игре, где ставкой – трон его всем надоевшего величества Гаутзельма. Сейчас нелюдь держат суришевы чары. Пока держат; надолго ли хватит – одной Старухе ведомо. Проклятый щенок, и тут подгадил! Суриш мертв, другого умелого мага не вот так сразу отыщешь, да еще не сказать, что получится привязать к себе, молчание и верность обеспечить. Нет, на магов надежды мало, придется теперь самому нелюдь держать. Благо, что на кровь Герейнов заклета. В ближайший же храмовый день Старухе поклониться, испросить благословения, жертву пообещать... Нет, жертву придется сразу! Он не маг, у него нет должной силы, великая богиня не снизойдет к просьбе, подкрепленной лишь обещанием будущей платы, словно от какого-то торговца. Сразу. Со всем почтением. Боги, страшно-то как. Бесов Суриш, нашел время помереть! Кретин.

– Ты мне ответишь, – цедил сквозь зубы Герейн, сам того не замечая, – ты мне за все ответишь. За все заплатишь, щ-щенок...

Анегард глядел на спящего Игмарта и отчаянно боролся с назойливым, слегка досадливым восхищением. Наглец, неприятный тип, королевский соглядатай, было бы кем восхищаться! Ну да, любой другой несколько дней пластом бы валялся, горячий бульончик из чужих рук хлебал, а этот на своих ногах из города выбрался, до лагеря дошел, и только потом свалился. Ну так королевский пес – это и не «любой», а «лучший».

– Сильный парень, и не трус, – эхом от его собственных мыслей сказал Рихар.

– Сам-то как? – спросил Анегард. – Устал?

– Устал, – с легким удивлением признался мальчишка. – Раньше такое легче давалось.

Помолчал, добавил задумчиво:

– Наверное, это хорошо. Я себя человеком ощущаю.

– Тогда точно хорошо, – согласился Анегард. – Отдыхай.

Рихар расстелил попону, лег, укрылся и, кажется, через мгновение уже спал. Свернулся в клубок, натянув одеяло на макушку – не то по-звериному, не то по-детски. Анегард чувствовал его усталость, обычную, человеческую, ничуть не похожую на отупевшее равнодушие нелюди. Наверное, не стоит мальчишке часто прибегать к нелюдским способностям. Пусть привыкает снова жить человеком.

Анегард прошелся по временному лагерю, проверяя, все ли в должном порядке. Хорошо, деревня далеко, за лесом, а в лес поселянам ходить не сезон. Отозвал Мано в сторону, сказал:

– Как Рихар с Игмартом отдохнут, сразу выступаем. Не хочу под самым городом сидеть.

– На юг? – уточнил десятник.

Анегард подавил досадливый вздох:

– Куда ж еще. Герейн и герейнова нелюдь, чтоб их. Узнать бы, как там отец...

А лучше – управиться поскорее да вернуться. Но о такой удаче молодой барон не то что вслух сказать, даже думать себе не позволял. Нельзя искушать богов.

– И еще, Мано, деревни обходим.

Десятник подавил вздох. Кивнул:

– Понял.

– Скажи всем, чтоб не шумели.

Близкие стены города внушали тревогу. Много ли времени понадобится страже, чтобы обойти постоянные дворы и убедиться, что Игмарта там нет? День, от силы два. А потом? Хорошо, если решат, что фальшивый менестрель нашел пристанище у кого-то из горожан. Но все равно лучше поскорей убраться от Азельдора подальше.

Угадать бы, как поведет себя Герейн. Поспешит в Азельдор лично присмотреть за поисками заклятого врага или засядет в замке? Хотя в любом случае нужно двигаться к его землям. Найти ту загадочную нелюдь, которую королевские маги не обнаружили, или убедиться достоверно, что искать нечего.

Рихар проснулся первым. Перевернулся на спину, прищурился, глядя в хмурое небо. Потянул носом, довольно облизнулся, почуяв плывущий от костра запах гусиной похлебки. Вскочил, тряхнул за плечо Игмарта:

– Вставай, обед проспичь!

Марти сел, поморщившись, и видно было, что хоть как-то шевелиться он себя заставляет. Поднес к лицу опухшие, синюшные ладони, несколько раз сжал и разжал кулаки. И спросил совсем не то, чего ждал Анегард – есть ли снадобье какое подходящее, или далеко ли от города ушли, или какие дальше планы. Нет, королевский пес явно был из тех, кто не разменивается на мелочи, а сразу берет быка за ноздри.

– Лотар. Ты думал уже, как в замок Герейна попасть?

Анегард моргнул, справился с замешательством и ответил, пожав

плечами:

– Никак. Тебе ведь туда лучше не соваться.

Королевский пес фыркнул, мотнув головой – не то смех сдерживал, не то презрительное «лопух». Потряс ладонями, поднялся на ноги, постоял, слегка пошатываясь. Сам подошел к костру поближе, уселся, пристроил на колени миску с горячим супом.

– А ты, выходит, думал? – уязвленно переспросил Анегард. – И придумал?

Игмарт кивнул:

– Все просто. Пообедаем и выезжаем, по дороге расскажу.

Ишь ты... Анегард привычно подавил раздражение. Вот уж в чем-чем, а в вопросе проникновения в замки, где тебе не рады, он готов отдать Игмарту первенство. Опыт не пропьешь.

Опыт... А еще не пропьешь нахальство и дурную голову!

Марти ел медленно, не обращая внимания ни на Анегарда, ни на остальных. Словно не заметил, что остальные покончили с едой и сворачивают лагерь, седлают коней, уничтожают следы короткой стоянки. Анегард его не дергал. О чем бы королевский пес ни задумался, пусть себе думает, незачем мешать.

Пропустили отряд вперед – только Рихар дурнячком пристроился рядом, ухмыльнулся навстречу взгляду Игмарта:

– Все равно ж без моей разведки не справитесь!

Марти помедлил пару мгновений, кивнул:

– От твоей разведки все зависеть будет. От того, в замке ли Герейн и сколько там его людей.

– Герейна и выманить можно, – беспечно предложил Рихар.

– Сам выйдет. К бесам, надоело мне в прятки с ним играть. Пора решить дело раз и навсегда.

Он за этим сюда и ехал, напомнил себе Анегард. Спросил как можно спокойнее:

– И как решать собрался?

– Нагло, – ответил Марти. – Заявить свои права и потребовать поединка.

– Под воротами замка? Хороший способ. Если хочешь превратиться в ежа, фаршированного стрелами.

– За дурачка меня не держи. В храмовый день, перед алтарями.

Вон оно как, по традиции, значит. Что ж, это сработает. Если повезет застать Герейна в храме и при свидетелях. Отказ от поединка перед богами равносильно признанию вины.

- Если он придет.
- Он храмовые дни никогда не пропускает. Точно знаю. Лишь бы в Азельдор не умотал.
- Если умотает, подкинем весточку, что тебя в его землях видели, – пообещал Рихар.
- Ты, что ли, подкинешь?
- Поглядим.

Вдали показалась деревня – даже еще не сама деревня, а огороды, неубранный стог сена, укрытый поверху камышом, дымки в чистом небе. Отряд свернул с дороги. Проехали кочковатым лугом, какое-то время двигались по опушке и вскоре нашли узкую, едва заметную тропу, ведущую в лес.

- Драться-то сможешь? – спросил Анегард. – Как по мне, состояние у тебя сейчас не для поединка.
- Время есть, очухаюсь.
- Два дня? Сдурел.
- Игмарт зыркнул зло:
- Посмотрим.

Анегард пожал плечами. Спорить дальше он не собирался. Со своими делами королевский пес разберется сам. А вот с нечистью-нелюдью вряд ли поможет. Нечисть да нелюдь – дело его, Лотара.

Какое-то время ехали молча: в густом ельнике тропа сузилась, едва пропуская всадников по одному, гуськом. Куда еще выведет – наверняка тропы эти разбойники да браконьеры прокладывали. Не заплутать бы.

Не заплутали. Тропа вынырнула из леса и тут же уперлась в ворота постоянного двора, а за ним, дальше, золотились свежей соломой крыши небольшой деревеньки. Мано побурел, уловив сердитый взгляд молодого барона.

- Кто первым шел? – прошипел Анегард.
- Шонни.
- Марти глумливо хмыкнул.
- Второй раз, – молодой барон предпочел удавить в зародыше неприятную мысль: надо было до отъезда разобраться, кого десятник с собой набрал. Хотя дома за Шонни особого раздолбайства не водилось. – На третий – нечисти скормлю. Шонни, хорошо слышал? На приманку пойдешь, раз для службы не годен.
- Господин, я...
- Заткнись. Заворачиваем, раз уж так, пообедаем.

– Странное место для постоянного двора, – буркнул Мано, почесав затылок. – Хорошо если разбойничье логово, а не волколачье. Может, ну его, обедать здесь?

Анегард обернулся. За спиной непроглядно темнел ельник. Через деревню так и так ехать, не возвращаться же по собственным следам.

– Я первым пойду, – королевский пес послал своего гнедого вперед. – А вы помалкивайте. Нет здесь никаких волколаков, контрабандисты только.

Как уж там королевский пес стоваривался с трактирщиком, но обошлось без лишних вопросов и даже без косых взглядов. И обед оказался хорош. Трактирщик доверия не вызывал, одноглазая, меченая шрамами рожа так и просилась на виселицу, однако вел себя любезно. Даже предложил на прощание еще заглядывать, «ежели чего».

«Интересная у нашего короля гвардия, – в который раз подумал Анегард, – те еще мастера по темным делишкам». Может, прав был Зигмонд, когда говорил, что нынешние бароны – правнуки вчерашних разбойников, а король среди них всего лишь самый удачливый? Вот и сказывается родовая кровь.

И грызня вокруг трона оттуда же.

За деревней Игмарт поехал первым. То ли у трактирщика дорогу разузнал, то ли знакомые места начались. Пересекли тракт, свернули на разбитую тяжелыми возами полевую дорогу. Не иначе, тоже контрабандистами проложенную.

С затянутого тучами неба срывался мелкий, но уже по-зимнему колючий снег. Надежды на скорое завершение дела он не прибавлял: добрая половина подлежащих зачистке тварей давно забились в зимние берлоги, поди найди. А установится такая погода прочно, так к концу следующего боговорота и остальные в спячку залягут. Останутся волколаки да перерожденцы, да, может, упырь какой голодный, жиру к зиме не накопивший. Неудачней времени для такого поручения и нарочно не подгадаешь. Вот интересно, король в самом деле хотел, чтобы они тут по сугробам нечисть вышаривали, или так, поиздеваться решил? Мысли, далекие от надлежащих и никак не верноподданнические, но лезли в голову так назойливо, что Анегард их и гнать уж перестал.

Этим вечером Лотар слушал лес. Ушел в сторону от лагеря, сел, прислонившись спиной к покрытому бурой высохшей листвой дубу. От шершавой коры лилось в затылок едва заметное, успокаивающее тепло.

Тишина предзимнего леса – особенная. Сонная, умиротворенная, слегка звенящая. Бестревожная. Любой отголосок страха предзимней

порой разносится далеко, куда дальше и слышней, чем буйной весной или суматошным летом.

Страх в этом лесу скопилось много. Вязкого, застарелого, привычного, густо замешанного на крови и смерти. Знакомого Анегарду с лета.

– Рихар.

Мальчишка подошел, как будто ждал оклика.

– Что ты здесь чувствуешь?

Пожал плечами:

– Плохо. Тоска. Не знаю, я... Ну, отгораживаюсь как-то, что ли.

– Здесь такие же, как ты. Какими вы были летом.

– Нет, – мальчишка упрямо мотнул головой. – Не такие же! Мы держались, как могли. А эти – безумные.

– И что мы будем с ними делать? Что вообще с ними сделать можно?

Анегард не ждал ответа. Слишком хорошо помнил свое летнее поражение. Наверное, умней всего будет вернуться к королю с докладом. «Нелюдь есть, шлите войско, мой государь, и боевых магов побольше. И готовьтесь, что будут потери». Чести Лотару такое возвращение не прибавит, зато жизнь сохранит.

Но мальчишка ответил. Уверенно, как само собой разумеющееся:

– Надо наших звать. По справедливости, это наше дело.

– Так вы, – Анегард запнулся, не зная, какими словами назвать внезапное понимание. – Отсюда?!

– Да, – в голосе Рихара звенела боль. – Все началось здесь.

– А Зигмонд...

– Неважно, – быстро сказал мальчишка. – Теперь неважно. Или пока неважно, как получится. Он не велел болтать.

А то и так не ясно. Впрочем, Анегард не собирался говорить вслух о том, что Зигмонд предпочел бы сохранить в тайне. Сказал другое:

– Я не дозовусь, далеко. А ты?

– Нет, – мотнул лохматой головой Рихар. – Только лететь.

– Сможешь?

Вопрос не пустой. Зигова стая давно уже не пьет кровь, живут, как люди. Что-то осталось, но одно дело – пугнуть разбойничью засаду или через городскую стену перелететь, а другое – через все королевство в одиночку добраться.

Мальчишка, видно, думал о том же.

– Я не хочу, – тихо сказал он. – Давно забыл, как бояться, а сейчас

страшно. Но я знаю, что должен. Долг крови.

Анегард не знал, чем тут помочь. Достал кошелек, отгреб серебряшек:

– Держи, мало ли. И еды давай соберем тебе в дорогу.

– Нет, – снова мотнул головой мальчишка. – Ничего лишнего нельзя. Жди, мы поможем.

Отшагнул назад, окутался мраком и исчез. Только мелькнула в ночном небе черная тень.

Ночь обняла и укрыла, привычная, родная, надежная. Неслись навстречу и оставались позади холмы, поля, спящие деревни, узкие ленты дорог и нити ручьев, колючий, голый предзимний лес. Ветер пах скорым снегом.

Когда-то Рихар уже летел этим путем. Но тогда он был не один. Тогда они не торопились – им некуда было торопиться. Им хватало пищи, они были сильны, им некого было бояться. Разве что самих себя.

Теперь он был один и спешил, и скорее умер бы, чем согласился подкрепить убывающие силы горячей живой кровью. Его ждала девчонка – веселая, верная, лучшая на свете девчонка, которая стоила того, чтобы ради нее оставаться человеком. Иначе, возможно, он бы рискнул, хотя сама мысль о громадности этого риска пугала до ледяного озноба.

Скорость и чувство направления – все, что ему нужно. И не думать ни о чем. Просто лететь. Он сможет. По прямой, не заморачиваясь извилистыми человеческими дорогами и необходимым для людей и коней отдыхом – не так уж далеко. Ночей за пять вполне можно добраться.

Дней, поправил себя Рихар. Люди говорят – дней.

Игмарту снилась зима. Снилась колючая метель, связавшая ноги, спрятавшая путь, забившая снегом глаза. Он должен проснуться, иначе метель убьет его, уложит, заметет, скует ледяной коркой снег над его телом. Проснуться... просыпайся же, ну! Метель выла и хохотала, скрипела мертвыми деревьями – а может, то прялка Старухи поскрипывала, вертась, отмеряя нить его жизни. Он умрет сейчас. Умрет, потому что никак не может проснуться. Что за глупая смерть!

– Эй... Эй, Игмарт! Проснись, поговорить надо.

Марти схватился за руку Анегарда, как тонущий в болоте – за спасительную жердь. Сон отпускал неохотно, едва видимое в предрассветных сумерках лицо Лотара казалось застывшим, ледяным, неживым. Отзвуки метели выли и хохотали, заглушая голос. Только рука была теплой, живой, крепкой.

– Что ты смотришь на меня, как на упыря неупокоенного? Кошмар

приснился, что ли? Игмарт!

– Приснился, – хрипло повторил Марти. Собственный голос показался чужим, в нем тоже слышались отзвуки мертвого хохота. – Вода есть?

Лотар протянул фляжку. Марти запрокинул голову, вылил воду на лицо. Текучая вода, унеси злые мороки. Холодная. Дышать стало легче.

– Что ты хотел?

– Я слушал... – Лотар помедлил, будто ждал, что королевский пес переспросит.

– Я знаю о даре Лотаров, – буркнул Марти. – Рассказывай, что услышал.

– Нелюдь, – коротко сообщил Анегард.

И снова замолчал. К Асколу тебя на выучку, зло подумал Марти, тот бы за такой доклад...

– Мы не справимся.

– Лотар, пса за хвост не тяни, – вспомнив Аскола, Марти без труда воспроизвел любимые капитаном интонации, от которых новобранцы подхватывались, как ошпаренные, а сам Марти странным образом успокаивался. Может, и Лотару поможет собраться. – Рассказывай по порядку, подробно и без паники. А выводы оставь под конец.

Анегард прикрыл глаза, прикусил губу, став похожим на сосредоточенного школяра, вспоминающего плохо выученный урок. Какой же он еще мальчишка, подумал вдруг Марти. Сколько ему, шестнадцать или уже семнадцать? Все равно, катастрофическая нехватка опыта. Впрочем, опыт дело наживное.

Слушать пришлось долго. Начал Анегард с того самого летнего своего похода, даже еще раньше – с жутких снов, что навевала ему Зигмондова нелюдь. Услыхав о Зигмонде, Марти поймал себя на том, что не удивлен ничуть, только спросил:

– Не боишься, когда он с твоей сестрой в обнимку ходит?

– В обнимку? – переспросил Анегард. – Брось. Ерунду городишь.

И продолжил рассказывать. О нападении Ульфара, о маге, приносившем кровавые жертвы – Марти не стал говорить, что как раз о том маге знает куда больше, чем хотел бы. О том, как постепенно спадало проклятие с Зигмондовых людей. Пересказал и то, что сам нелюдь рассказывал об этом проклятии и о силе темной богини.

И о том, наконец, как почуял в здешней нелюди ту же силу, то же проклятие, такой же темный ужас. С единственной разницей, которую, может, сам бы он и не заметил, если бы не Рихар. Нелюдь в землях Герейна

давно утратила остатки человеческого разума и жила теперь только жаждой крови.

– Они слушаются приказов, – глухо говорил Анегард. – Кто-то здесь сумел подчинить их.

– Понятно кто, – буркнул Марти.

– ...но это похоже на подчинение плохо выученных псов, – словно не услышав, продолжил Анегард, – тех, что понимают только кнут и подачки. Тебе ли не знать, трудно справиться с разъяренным псом, но бешеный пес опасней вдесятеро. Одного не понимаю, как королевские маги их не нашли? Тут все пропитано их безумием, аж тошно.

– Дара твоего у них нет, – хмыкнул Марти. – Не слышат, не чувят. Искали наверняка обычным набором, как на зачистке, а нелюдь, сам говоришь, не из обычной.

Анегард передернулся. Опрокинул над приоткрытым ртом фляжку, потрянул, поймал губами несколько сорвавшихся с посеребренного края капель. Облизнул губы.

– Значит, говоришь, не справимся? – Марти прислушался к себе, в который раз жалея, что неверное песье чутье, нюх на опасность, нельзя вызывать усилием воли. Чутье молчало. Спало, наверное, так же крепко, как этот предзимний лес вокруг, как похрапывающий рядом с прогоревшим костром растяпа Шонни, как залегшие в зимние берлоги медведи и упыри.

– Я с ними дрался, – хмуро, ничуть не рисуясь, сказал Анегард. – Они зверски сильные, и ран словно не чувят. Это еще если вообще сумеешь меч поднять. Помнишь, как от Рихара засады разбегались?

– М-мда. Кстати, Лотар, – Марти подобрался, привстал, пересчитал одним быстрым взглядом спящие фигуры. – Где Рихар?

– За Зигом полетел.

Два вопроса столкнулись в голове Игмарта: «Зачем?» и «Как?!», – но вырвался третий:

– Ты ему веришь?

– Да, – отрезал Анегард. – Обоим.

– Ладно, – поморщился Марти, – рискну поверить твоей вере. Ты, как я понимаю, предлагаешь теперь ждать этого твоего Зига? Два боговорота туда, два обратно...

– Меньше. До замка Ульфара от нашего три дня верхом, а Зигмонд за ночь долететь может. Вот и прикинь.

– Все равно, – Марти покачал головой. – Втрое, пусть даже вчетверо быстрее, все равно. Будем ждать – Герейн первым нас прихлопнет.

В Азельдор нам нельзя, по деревням тем более, любой чужак на виду, слухи пойдут. В лесу прятаться – здесь не те леса, что у вас на севере, насквозь видны.

Анегард пожал плечами:

– Здесь что, Герейн единственный? Давай, думай, к кому из соседей можно в гости напроситься.

– Втайне – ни к кому. – Марти потер лоб. О чем-то не о том разговор пошел, что-то они упускают. – Слушай, Лотар, погоди. О чем вообще речь? Ладно, с нелюдью мы не справимся, верю, тут тебе видней. Но что нам мешает заняться пока что самим Герейном? Как и собирались.

– Мы не знаем, как себя поведет нелюдь, оставшись без хозяйской воли. Может, он их на жестком поводе держит. Представляешь, что начнется, если сорвутся и остановить будет некому?

– Ты не сможешь?

– Нет. Умение слышать и говорить – еще не власть. Да они меня и не услышат.

В словах Лотара был резон. К тому же, если начать с нелюди, потом с Герейном будет проще. Наверняка ведь привык заемной силой брать. А пересидеть... Пересидеть, подумал Марти, им на самом деле есть где. Одноглазый трактирщик привык укрывать контрабандистов.

– Ладно, поднимай ребят, – Марти встал. – Возвращаемся.

– К той разбойной харе? – понял Лотар. – Думаешь, он тебя не выдаст?

Марти небрежно пожал плечами:

– Головой ручаться не стану, но другого места всяко нет.

Если он ошибается, как раз головой и придется поплатиться. Припомнился мертвый хохот и скрип, пробрал озноб: а ну как сон в руку? Не любит Старуха отпускать добычу, а уж тем, кто повадился ускользать из раза в раз, обычно готовит конец особенно изощренный.

– Точно нет? А чутье твое как?

– А бесы его поймут, – с деланной небрежностью отмахнулся Марти. – Тут и без чутья ясно, что впереди неприятностей хоть поварешкой черпай.

Вопреки смутным опасениям, одноглазый принял их спокойно, и намерению задержаться до следующего храмового дня ничуть не удивился. Кажется, и впрямь за контрабандистов принял, решил Игмарт: сговорились о товаре, теперь ждать нужно, да в такой норе, что не на виду. При таком раскладе трактирщик если кому их и выдаст, так разве что настоящим контрабандистам, обычно здесь промышляющим. А это полбеда,

объяснимся.

Лотаровы люди откровенно радовались отдыху под крышей, с горячей едой и податливыми девками под боком. Лопухи деревенские. Игмарт предупредил Мано: мол, здешние девки не то, что ваши, к дорогим подаркам привыкли, да и кровь не только цыплячью видели.

– Понял уже, что деревня разбойничья, – недовольно буркнул десятник. Они стояли у задней стены постоянного двора, так, что могли видеть по левую руку исчезающую в лесу тропу, а по правую стайку девушек у колодца, бросающих любопытные взгляды на новых постояльцев одноглазого. Мужчин видно не было, а вся обработанная земля ограничивалась небольшими огородиками позади изб; но, пожалуй, только этим деревня и отличалась от обычных. Так же сидели под окнами старухи, перемывая косточки молодежи, так же носились с визгом детишки. – Хороши порядки у Герейна. Его ж земля уже?

– Азельдорская. Баронство за рекой начинается, – но здесь, подумал Марти, могут быть беглецы оттуда. Могут найтись и те, кто узнает приметное лицо честь по чести похороненного шестнадцать лет назад наследника Айрона Герейна. Игмарт удался слишком похожим на мать. Но этого риска не минуешь. Разве что мелькать поменьше перед людьми.

Подошел Анегард, переспросил:

– За рекой, говоришь? А до реки далеко? Здесь, если я сколько-то соображаю, должна быть граница, что-то вроде ничьей земли?

– Не совсем, – покачал головой Игмарт. – Бесхозных земель здесь нет, границы владений под присмотром: степь рядом, набеги случаются. Это земля Азельдора, бросовая, с которой прибыли не получить. Лес, в который разрешено ходить всем.

– И что, они там не понимают, кто здесь ходит?

– Почему же, понимают, – Марти сам не знал, что его позабавило больше: наивность Лотара или предположение о наивности азельдорского магистрата. – За некоторые товары, видишь ли, выгоднее брать не честными пошлинами, а тайными взятками.

Анегард покачал головой. Ясное дело: куда ему, лопуху честному, разбираться в этом змеином клубке. Мано углядел, как у колодца кто-то из его парней словно бы ненароком обнимает девицу, плюнул, ругнулся и пошел наводить порядок. По мнению Игмарта – зря, все равно впереди боговорот полного безделья, а здешние девицы своего не упустят.

– Расскажи лучше о землях Герейна, – попросил Анегард. – Что там за рекой, далеко ли замок, где храм.

– Я шестнадцать лет там не был, – Марти удалось сказать это

ровно, только сам и услышал, как едва не дрогнул голос. – Многие могли измениться. Слышал, что деревни там не слишком процветают. Поселян Герейна не встретишь в Азельдоре, они сдают урожай своему господину, тот сам расплачивается со своими людьми, и продает потом сам.

– Деревенские вряд ли этим довольны.

– Вряд ли. Но ты же сам говорил про нелюдь.

Похоже, Анегард не сразу понял, при чем тут нелюдь. В землях Лотаров селянам живется, должно быть, неплохо. Честные господа, еще помнящие, что их первый долг – защищать свои земли и своих людей.

– В замок упрешься, если ехать из Азельдора по тракту. Он построен на холме, отличная позиция для обороны и для контроля над дорогой. – Игмарт тряхнул головой, прогоняя всплывшую перед глазами картину: они с отцом стоят на вершине башни, широкий двор залит полуденным солнцем, над крутыми склонами холма вьются ласточки, а внизу стелется широкой извилистой лентой торговый тракт, едет к замку отряд всадников, впереди – воин на широкогрудом боевом жеребце. Отец роняет зло: «Принесло же!», а потом, спохватившись, отправляет Марти вниз: «Скажи матери, что к нам гости».

– Если контрабандисты ходят через земли Герейна, он должен знать?

– Наверняка.

– Все-таки это безумие, что ты нас именно сюда приволок.

– Риск, – согласился Игмарт. – Но я мог бы предложить пару-тройку более безумных вариантов. Не бойся, Лотар, контрабандные тропы не ведут в храм, а я еще помню, как выйти туда напрямик. Знаешь, давай отложим разговоры на завтра. Ты командир, я бы на твоём месте не перекладывал всю работу на Мано. А я хочу пройтись вокруг деревни.

Он не стал объяснять, зачем: наметить, куда бежать, в случае чего. Опасно иметь в запасе единственный путь для отступления. Да и откуда враг подобраться может, тоже полезно знать. По-хорошему, всем этим именно Лотар должен был заняться, но что с лопуха взять. А дрессировать его, дотягивая щенка до воина и командира, Игмарт не нанимался.

Храмовый день не останавливает людские заботы, труды и битвы, он лишь дает право отвлечься. Хотя бы на пару мгновений, достаточных, чтобы мысленно вспомнить своего бога и вознести короткую молитву, если нет повода говорить с покровителем у алтаря. Для храмового дня нет определенного закона, есть лишь традиции, а главная среди традиций звучит очень просто: к богам не ходят попусту. Богам не нужны визиты из вежливости и молитвы не от души. Если нечего сказать, молчи.

Храм в деревеньке у леса был таким же потаенным, как сама деревенька. Тесный круг каменных алтарей на крохотной поляне в густом ельнике, наткнется случайный человек, решит – с тех давних времен остался, когда леса здесь были гуще, деревни малолюдней, а на месте баронских замков горели костры разбойников и лихих людей. Впрочем, возможно, так оно и было: алтари и впрямь выглядели древними, и силой от них веяло древней, намоленной. Анегард, конечно, не мог чувствовать силу так, как ощущают ее обученные и тем более посвященные храмовники, но у алтаря собственной богини ошибиться невозможно. Звериная мать, покровительница Лотаров, здесь отвечала ему сильнее и охотней, чем в домашнем храме баронов Лотарских.

Алтарь обнимал теплом лежавшие на нем ладони, вливал уверенность. «Великая, помоги исполнить порученное, – беззвучно молил Анегард. – Помоги справиться, против меня будет сила, непосильная обычному человеку, но я не могу отступить. Не имею права, да и не хочу. Нельзя делать с живыми душами то, что сделали здесь».

Отступала память о королевском поручении, о несправедливом, лживом обвинении, которое нужно отвести от отца и от себя. То, что барон Лотар обнаружил здесь, то, что мешало живущим здесь людям и нелюдям спокойно жить и спокойно умирать, тоже было несправедливым. Беды Лотаров не казались богине бедами: людские интриги мелки и мимолетны. А здесь дышала, жила, кричала беззвучным ужасом беда, которая возмущала даже богов. Но что могут боги без людей! Их власть – лишь в том, чтобы дать силу тем, кто готов действовать.

Анегард был готов.

Игмарт не знал, о чем молился Лотар, но видел – чего бы тот ни хотел, его богиня ему не отказала. На лице Анегарда застыло новое, непривычное выражение силы и спокойной уверенности. Хорошо. Очень хорошо, потому что Игмарт ничем таким похвастать не мог.

Звездная дева услышала его, это он понял. Но битва, предстоявшая Игмарту, была не из тех, в каких помогает благословение Девы. Ему желали победы, и только. Во имя будущего – если выживет, помощь светлой богини понадобится для других дел. Конечно, Марти подошел и к алтарю Воина, но лишь для того, чтобы сказать, как заповедано: «Я иду в бой и помню о чести». Небесный воитель не играет в поддавки сам и не любит того от других. Он не дает ни силы, ни храбрости сверх того, что есть у человека, его воля не переломит ход боя, не принесет победы достойному, но неумелому, не поставит справедливость и благую цель выше вовремя брошенного в сражение резерва или вовремя всаженного в

спину кинжала. Он просто смотрит с небес.

Тот, кто намерен сразиться за справедливость, не должен уповать на помощь богов. Игмарт надеялся только на себя.

Владетельный барон Готфрид Герейн знал, что надеяться на богов нельзя. Но он знал и другое – то, что не дается даром, можно купить. Собственными силами далеко не уйдешь. Готфрид Герейн привык покупать то, чего ему не доставало: мечи наемников, знания магов, привилегии, власть, силу. Все имеет цену, надо лишь знать ее и быть готовым платить – не меньше, чем требуется, но и не больше.

В этот день, под ярким солнцем, на глазах своих людей, владетельный барон Готфрид Герейн не отступал от предписанного обычая моления. Он обошел полный круг, как должно господину, пекущемуся о благе своих земель: начиная с алтарей Великого отца и Старухи-прядильщицы и не пропуская ни одного. Пусть Жница и Хранитель стад будут добры к тем, кто трудится на его земле, пусть дети Звериной матери не охотятся на его людей и его стада, пусть все видят, как барон Герейн просит богов о благе.

И пусть Хозяйка тьмы услышит его обещание: прийти сюда еще раз, без лишних глаз, в Ее ночь. Владетельный барон Готфрид Герейн готов платить за то, что ему нужно, и знает должную цену.

Азельдор богат храмами, но люди здесь не привыкли тратить попусту время, слова и просьбы. Аннета, дочь трактирщика, знала: днем у нее мгновения свободного не будет, а сказать отцу, что в храм сходить хочет, это ж вопросов не оберешься. Проще встать пораньше и сбегать побыстрому. Ей не нужно много времени. У нее всего-то и есть одна-единственная просьба.

Глупо трактирщицкой дочке мечтать о менестреле. Отец присмотрит для нее подходящего мужа, хозяйственного, разумного. Она будет помогать ему в делах, настолько, насколько это прилично для женщины, и рожать для него детей. Аннета потянула через голову яркие стеклянные бусы, подарок матушки, опустила на алтарь Звездной девы:

– Я не знаю, кого просить, не знаю, кто его бог, кто ему поможет. Помогите, ради моей любви, пусть у него все будет хорошо. Пусть я увижу его живым и веселым, услышу, как поет...

Кружат девичьи головы менестрельские песни да шальные

улыбки. Кого просить за менестреля, как не Небесную деву. Ну и пусть он другой достанется – такова жизнь, каждому свое, не летать домовитой кошке в небе, не сидеть певчему дрозду в курятнике. Зато Аннета будет помнить его живым.

На юге холодное предзимнее солнце, на севере мягкий зимний снег. Липнет к ногам, к подолу платья, к ресницам, оседает пушистой шапкой на волосах. Ветра нет, и совсем не холодно, осенью и то холоднее было. Храмовая поляна утонула в глубоких сугробах, только алтари чисты. Сюзин, старшая дочь барона Лотарского, пришла сюда сегодня одна. Отец снова кашляет, ему лучше не тратить силы, а сидеть в тепле, пить горячие лечебные отвары. Тем более, компания у него есть – барон Грегор, старый друг. Отец рад гостю, это хорошо, ему нужно сейчас радоваться. Меньше останется времени и сил для тревоги.

Алтарь Звериной матери, Сюз так и не привыкла, что это не просто ее богиня, а покровительница ее семьи. Да и какая разница. Богиня всегда была добра к ней.

– Великая, – камень теплый, тепло обнимает ладони, и слова не нужны. Богиня услышит без слов. Пусть у Анегарда все получится, пусть вернется живым и целым, пусть отец дождет его.

– Сюз! Снова одна бегаешь? Почему не подождала?

Гарник, капитан. Почему-то отец считает, что ей нужна охрана. Что за глупости! С тех пор, как сбежал Ульфар, разъехались незваные гости с королем во главе и уехал Анегард, здесь тихо и спокойно.

– Ты ведь меня не выдашь. Кого бояться?

– Думаешь, некого? Сюз, не обманывайся тишиной. Пока не вернется Анегард, положение Лотаров шаткое. Не добавляй отцу тревог.

Ну что бы ему не заявиться чуточку позже! Сюз идет вдоль круга алтарей, останавливается у сверкающего звездной белизной. Не обо всех просить Звериную мать; она видела, именно к Звездной деве подходил тот, кого она обещала ждать.

– Помоги ему, прошу, – дорогой браслет из голубоватого морского жемчуга, подарок отца, беззвучно ложится на алтарь. – Пусть вернется живым и целым.

Падают с неба пушистые хлопья, укрывают следы. Пока они с Гарником дойдут до замка, снег на храмовой поляне снова станет

нетронутым.

– Значит, ждешь его?

– А если и жду!

Гарник сказал ей когда-то: «Он не для тебя, не для такой, как ты». А ведь тогда она была всего-то деревенской лекаркой, а не баронской дочкой. Ну и что. Зато букет осенних звезд в ее комнате до сих пор не завял – а значит, нахальный королевский пес ее помнит. Осенние звезды, белые и желтые – признание в любви и предложение замужества. Хорошо, отец не видел. Сейчас она не готова обсуждать ни Марти, ни свои чувства. Пусть сначала вернется. Да в чувствах, если уж честно, она и сама еще не разобралась толком. Деревенской лекарке не до того, чтобы копаться в собственных переживаниях да разбираться, кто из парней ей люб! А баронской дочке, как оказалось, такое и вовсе не пристало. Вот и выходит так, что не с кем ни посоветоваться, ни хотя бы просто поговорить. Никогда Сюз не думала, что благородные девушки так одиноки! Вот ведь угораздило! Сидели бы сейчас с бабулей в тихом лесном домике, разбирали травы, смешивали сборы, ходили бы когда-никогда в деревню или в замок, и никто не паялся бы исподтишка, вместо того чтобы просто поболтать по-людски! А все Анегард, братец милый, чтоб ему там, в Азельдоре, все удалось! Вот вернется, Сюз все ему выскажет!

Но почему тогда чудится где-то над миром серебристый звонкий смех, почему от этого смеха горят кончики пальцев и полыхают жаром уши? Почему всякий раз, входя в собственную комнату, первым делом Сюз глядит на букет, и каждый раз словно камень с сердца падает – стоит, не завял, даже не думает вянуть!

Разве можно так ждать, если сама еще не знаешь, что скажешь, если все-таки он вернется?

Барон Лотарский целыми днями сидит у камина, завернув ноги в шерстяной плед. Его дорогой гость, барон Грегор Ордисский, старый друг и соратник, находит время и промять коня, и поболтать с домочадцами, и помахать мечом с капитаном Гарником, но по большей части составляет компанию Эстегарду. Вот и сегодня...

Возможно, стоило бы пойти в храм вместе с Сюзин, но барон Грегор предпочитает не торопиться. Слишком откровенное внимание может испугать неискующую девушку, а Сюзин удивительно неискучена для деревенской девицы. Ее очевидная наивность во всем, что касается отношений мужчины и женщины, будит в бароне Грегоре охотника, скрадывающего осторожную, пугливую дичь. Грегор по-прежнему считает, что выросшая в деревне лекарка – весьма ценное

приобретение, но теперь это не главное. Сюзин сводит с ума, Сюзин вызывает жажду обладания, острое желание схватить и утащить, как волк – добычу. Седина в голову, бесы в ребро, невесело усмехается Грегор. Кто бы мог подумать, что под пятый десяток можно влюбиться так по-мальчишески! Хотя нет, мальчишеская влюбленность глупее и трепетней, по-мальчишески он был влюблен в Жюлин, да будет Старуха к ней добра за порогом нижнего мира. Кто знал, что страсть зрелого мужчины может быть такой обжигающей!

Зато зрелому мужчине хватает самообладания не выказывать своих чувств там, где не нужно и тогда, когда не пришло время. В замке слишком много любопытных глаз, а Сюзин любят здесь все, до последней посудомойки. Один неверный шаг, единственный слишком откровенный взгляд, и ей быстро раскроют глаза. А это риск, он еще не приручил свою желанную добычу, не стал для нее настолько привычным, чтобы надеяться стать необходимым. Конечно, старина Эстегард и без того отдаст другу старшую дочь, но сейчас Грегору нужно больше. Он хочет добиться любви, а не обладания.

И уж будьте спокойны, барон Грегор Ордисский слишком опытный охотник, чтобы ошибиться.

Хотя и храмовый день, и следующий прошли на редкость безмятежно, Анегарда не оставляла тревога. Казалось бы, положишься на опыт королевского пса и жди спокойно. Однако молодой барон Лотарский не верил здешним разбойникам, не думал, что азельдорская стража отступится от поисков, и уж тем более не надеялся, что Герейн оставит попытки расправиться с «горячо любимым» племянником. Уверен был: одноглазый трактирщик или кто-нибудь из селян уже отправили весточку и в город, и к барону. Не станут они из-за чужаков рисковать милостью тех, кто рядом, в чьей власти смять потаенную деревеньку одним мановением руки. И весь покой сейчас – затишье перед грозой, такое же душное и муторное.

Чувствовал ли королевский пес то же самое? С его опытом и чутьем? Анегарду казалось – да. Он достаточно пригляделся к Игмарту, чтобы замечать предощущение опасности на вроде бы спокойном лице. Но почему тогда они сидят здесь? Анегард не понимал.

Под вечер, не выдержав нарастающего напряжения, он подловил

королевского пса у дверей трактира, увел к лесу, подальше от чужих ушей, и спросил:

– Как твое чутье поживает? Когда боя ждать и от кого?

– От меня, – рассеянно ответил Игмарт. Он не глядел на Анегарда: полная луна в сиреневом предвечернем небе занимала его куда больше. Бледная луна, небо, перечеркнутое голыми корявыми ветвями, и ветер. Есть на что посмотреть: словно скрюченные жадные пальцы пытаются поймать «волколачье солнышко», пока оно не налилось светом, не вошло в полную силу.

– Что?.. – Анегард потрянул головой, отгоняя зловещее ощущение. Надо же, в какую ерунду вылилась грызущая со вчерашнего дня тревога!

– Завтра день Прядильщицы, – напомнил об очевидном Игмарт. – И полнолуние.

– Вижу, что полнолуние, – вскипел Анегард. Он сам не знал, на кого больше злится сейчас: на Герейна, Игмарта, короля, себя? Просто злился. Злость – отличное средство от глупых страхов. – О том, что полная луна в ночь Старухи зло будит, можешь не рассказывать, помню. И что? Каким боком это нас касается? Ты нелюдь в гости ждешь или саму Хозяйку тьмы? Я думаю, с нас и азельдорской стражи довольно будет. Или Герейна с отрядом.

– Герейна... – Игмарт оторвал наконец взгляд от луны, повернулся к Анегарду. – Я ухожу.

– Куда?

– В храм. Завтра днем вернусь.

– Зачем?

Ночь Старухи... Анегард невольно поежился: в животе словно ледяные пальцы заворочались, завязывая в узел кишки. Что делать в храме в ночь Старухи в полнолуние?!

– Хочу взглянуть на Герейна. Если ты прав насчет нелюди, он там будет.

– С чего бы ему?..

– Не знаю. Не знаю, но уверен, понимаешь? Тянет меня. Чутье. Что-то там этой ночью случится! Он без мага теперь...

Что ж, может, и прав королевский пес, снова прав. Если нелюдь «держал» мага, если Герейн знает, как перехватить власть над стаей, если нужна для этого помощь Темной – лучше этой ночи времени не найти.

– Ты понимаешь, на какой риск идешь?

Глупый вопрос. Королевский пес не может этого не понимать.

– Не чутье тебя тянет, а ненависть твоя. Или его.

– Может быть.

Анегард беспомощно пожал плечами. Ясно же, что отговаривать бесполезно. Игмарт не совета спрашивал, он просто поставил в известность. Оказал, бесы его дери, любезность.

– Я с тобой.

Сейчас скажет: нужен больно, щенок неопытный, только мешать станешь. У Лотаров нет чутья, но что-то несомненное, явственное, такое же настоящее и необоримое, как полная луна над головой, подсказывает: «буду нужен». Может, спину прикрыть, может, подставить плечо. Или просто оказаться рядом, когда понадобятся лишние глаза, руки и клинок.

– Ладно, – Марти едва заметно усмехнулся, и Анегард подумал: а может, он того и хотел? Просто сам просить не стал? – Только вперед не лезь. – Еще один взгляд на луну, еще одна усмешка, невесть кому адресованная: так и кажется, что напрямик Хозяйке тьмы. – Предупреждай Мано, бери оружие и вперед. Жду тебя в конюшне.

Десятнику Анегард всего не рассказал – незачем пока. Сообщил, что едут с королевским псом разведать подходы к Герейну, а не вернутся – значит, Герейн оказался опасней, чем ждали, тогда пусть Зигмонд командует, когда прилетит. Взял меч, самострел; помедлив несколько мгновений, послушался неясного предчувствия и сунул в сумку фляжку с боевой настойкой.

Игмарт уже заседлал своего гнедого и смотрел на Лотара со злым нетерпением.

– Сейчас, – нетерпение заразно, подумал Анегард, вот только тревога почему-то гложет все сильнее. У Лотаров нет чутья, не стоит брать в голову глупые страхи. Это все безделье виновато, безделье и ожидание. – Готов.

– Едем.

Чей-то внимательный взгляд защекотал спину.

– Игмарт?

– Чего тебе?

– Не боишься, что за нами проследят?

– Отстанут.

И откуда бы такая уверенность.

Лес надвинулся, обнял, сомкнулся за спинами. Ранние сумерки, едва заметные в деревне и на опушке, сгустились, как будто ночь надвинулась одним рывком. Марти обернулся, объяснил вполголоса:

– В такую ночь здешний народ по домам сидит и молится. Даже самые отъявленные душегубцы. Никто за нами не пойдет. Разве что

поглядят, в какую сторону двинулись. Держись за мной, Лотар. И вот что, можешь проследить, чтобы кони не заржали?

– Хорошо, – ответил Анегард сразу на все. Сейчас он рад был отдать командование более опытному, да что там – просто старшему. Собственный гонор, с которым отстаивал главенство, показался глупым и смешным. Когда-нибудь он станет командовать по праву, но сейчас – рано. Не заслужил.

Тропа казалась наезженной, хотя кому бы здесь, спрашивается, ездить. Разве что контрабандисты – намного более распространенное ремесло, чем до сих пор думал молодой Лотар? Гнедой Игмарт шел резвым кентером, Анегард держался на два корпуса позади. Ветер стих. Луна плыла впереди, и чудилось, что корявые жадные пальцы все-таки схватили ее и теперь тянут в разные стороны, пытаясь разорвать, разделить... Анегард тряхнул головой. Защити, Звериная мать! Полнолуние – плохое время для людей, трижды правы те, кто сидит сейчас дома, за крепкими засовами, с молитвами в мыслях и на устах. Каких только страхов не причудится под неверным светом «волколачьего солнышка», не зря же оно светит мертвым в нижнем мире, там, где хозяйничает Старуха.

Вскоре Игмарт свернул с тропы. Дальше кони шли шагом: редкий перелесок, длинная луговина между холмами, русло ручья... Текучая вода успокоила тревогу; Анегард смотрел, как разбивается под копытами отражение налившейся светом, уже не вечерней, а ночной луны, и слушал тишину. В лесу тишина была тревожной, здесь же – сонной, спокойной, почти зимней.

Игмарт придержал гнедого, дождался, пока Анегард подьедет вплотную. Спросил:

– Сможешь коней удержать, если Герейн в храме чары станет плести? Я слышал, кони темной ворожбы не любят. Удержишь? Может, лучше оставить? Тут недалеко деревня есть.

– Сам же говорил, нельзя по деревням.

– Коней на одну ночь – можно. Там верный человек живет.

Анегард думал недолго.

– Оставим тогда. Удержать я удержу, но драться не смогу. И ты прав, темные чары коням не на пользу.

Марти кивнул:

– Тогда сейчас сворачиваем к деревне. Ты меня ждешь на краю леса, я отвожу коней, дальше на своих двоих. Оттуда уже недалеко. И, Лотар. Знаешь первое правило ночной разведки?

Анегард усмехнулся: так ясно вспомнились отцовские наставления. Барон Эстегард Лотарский провоявал почти всю жизнь: то с врагами, то с мятежниками, то, бесы б его драли, с Ульффаром...

– Тишина.

– Верно. Тишина, что бы ни происходило. Едем.

Тишина, плеск воды под копытами, хруст гальки, позже – хруст сухой, насквозь промерзшей травы. Предзимье все быстрее перетекает в зиму; если возвращаться будут рано утром, ручей наверняка окажется прихвачен ледяной корочкой. Тишина, слабый запах печного дыма: деревня недалеко. Там уже спят: честные селяне и встают, и ложатся с солнцем.

Но вместе с печным дымом от деревни долетал явственный отзвук тревоги и страха. Жуткие сны, мысли о крови и смерти. Ненадолго же помогла текучая вода.

Королевский пес остановил гнедого, как и говорил, на краю леса. Полная луна заливала серебром перепаханное в зиму поле, серые камышовые крыши приземистых селянских домишек, темную полосу раскисшей дороги. Анегард спешил. Сказал тихо, передавая повод:

– В деревне нехорошо. Тревожно.

– Понял, – кивнул Игмарт. – Уйди с открытого места и жди.

Ждать пришлось долго – или это ночь и тревожная, беспокойная тишина заставляли время нестись вскачь? Анегард десять раз успел пожалеть, что отпустил королевского пса одного, не расспросил, к кому тот идет, что делать, если не вернется. Тишина уже не казалась ни мирной, ни тревожной, а была откровенно зловещей. Даже ни одна собака не взбреднула, а уж селянские пустобрешки чужих не пропустят! Сгинул там Игмарт, что ли, сквозь землю провалился напрямик в нижний мир? Сколько нужно времени, чтобы дойти до деревни, найти нужного человека, незаметно с ним переговорить, оставить коней, вернуться? Не так уж мало, наверное. Рано паниковать.

Паниковать вообще нельзя.

Марти вернулся, когда Анегард готов был идти в деревню на поиски. Разумеется, молодой барон не стал признаваться в собственном глупом паникерстве и даже удержал рвущееся на язык «почему так долго?». Только отметил про себя – нужно учиться ждать, чувствовать время, учиться хладнокровию, бесы бы драли хладнокровие это. Для владетельного барона не очень-то нужно, в своих землях он и так управится. А вот на войне... Одни боги знают, сколько войн предстоит, да и не только на войне, на самом деле. Как Зигмонд ругал его за горячность после королевского суда! А у матушки хладнокровия хватило –

неудивительно для змеи! – вот и вышла победительницей.

– Идем, – оборвал сумбурные мысли Игмарт. – Здесь недалеко. По лесу ходить умеешь?

Смеется он, что ли?

– Я в лесу вырос.

– Хорошо. Держись за мной.

Легко сказать – держись. Одно дело вырасти в лесу, и совсем другое – знать именно этот лес. Игмарт, очевидно, знал. Анегард едва поспевал за королевским псом, то и дело оступался с почти незаметной тропинки, спотыкался о корни, увязал в цепких густых кустах. Тогда Игмарт останавливался, поджидая незадачливого спутника, и в его молчании Анегарду чудилась злая насмешка. Навязался, мол, на мою голову.

Благо, как и обещал королевский пес, путь не был долгим. Анегард, занятый исключительно тем, чтобы не нашуметь, запутавшись в очередных кустах, вдруг уткнулся в спину Игмарта и замер, сообразив: пришли. Непрочный заслон голых деревьев не мешал видеть поляну. Луна светила так ярко, каждую травинку видно, каждую трещинку на древних алтарях. Анегард слегка отшагнул вбок, чтобы видеть храм целиком, весь алтарный круг. И едва удержал вскрик.

Залитая ярким лунным светом поляна, круг алтарей, и у одного, черного – две фигуры. И еще две поодаль. Чутье не обмануло королевского пса – этой ночью в храме и в самом деле что-то происходило. И уж наверняка – ничего хорошего!

Двое рядом с алтарем, двое поодаль. Дальние – очевидно, стражники. Переминаются с ноги на ногу, жмутся на самом краю леса, и кажется, дай им волю – припустят прочь со всех ног.

А ближе, у черного алтаря...

Владетельный барон Готфрид Герейн, собственной персоной. Четкий красивый профиль, могучий разворот плеч, сильные руки и ощутимая волна страха, злобы и ненависти – Марти едва не захлебнулся этой волной. Даже не сразу понял, что происходит. Или, быть может, это просто его душа воспротивилась пониманию: при всей ненависти к дяде Игмарт не ожидал увидеть такое. Не ждал, что барон Герейн, подлец, мерзавец и убийца, будет стоять у алтаря Прядильщицы, намотав на кулак косу какой-то девицы и готовясь перерезать ей горло. Примериваясь, как встать удобнее, чтобы волна крови выплеснулась точно на алтарь и, не приведи боги, не заляпала одежду и сапоги.

Марти сам не понял, как в руке оказался нож – тот самый,

заговоренный, заветный, что всегда с собой. Раньше было два, но второй остался в горле убитого мага.

Полнолуние – как во сне. Зыбкий свет, заливающий поляну так ярко, что отчетливо видна каждая травинка, каждая трещинка на старом алтаре, прядка, выбившаяся из девичьей косы. Блестят пряжки на перевязи Герейна, голодными волчьими глазами сверкают камни в рукояти кинжала, серебряной пеной сверкает кружево воротника. И тихо, так тихо, как только в кошмарном сне и бывает. Герейн запрокидывает девчонке голову, а та – хоть бы пискнула.

– Великая, прими...

Короткий взмах, хрип. Кровь в свете луны тоже видна отчетливо, хотя и кажется черной. Впрочем, кровь мерзавца, убийцы и предателя и должна быть черной, разве нет?

Рукоять ножа косо торчит из горла барона Готфрида Герейна, черная кровь заливает кружево воротника. Игмарту кажется – мир застыл, время остановилось, замерли боги, не веря. Убийство в храме – молча, все равно что со спины, совсем не по обычаю. Распрощайся со своими планами, королевский пес. Слышишь, как смеется над тобой луна, солнце мертвых, нежити и смерти?

Завизжала девчонка, и наваждение рухнуло. Выпал из руки Герейна кинжал, звонко стукнув о черный камень алтаря. Завалилось следом тяжелое тело. Рванулась прочь девчонка; переглянувшись, попятились и исчезли стражники. А в крови Игмарта Герейна багровой пеной вскипало тяжелое, душное, муторное знание: Старуха приняла жертву.

2. НАСЛЕДСТВО

Говорят, у богов лучше не просить. Очень уж любят они вывернуть людские мольбы по-своему, исполнить вроде бы и по словам просящего, но так, что лучше бы и вовсе не исполнялось. Поэтому, если уж решился уповать на помощь свыше, над каждым словом нужно трижды подумать и взвесить.

Но, обращаясь к богам, мало кто помнит об этом. Неудивительно: слишком часто в храм бегут тогда, когда своих сил уже нет, а здравый разум затуманен отчаянием.

Боги это знают.

Говорят еще, что коварней всех прочих Старуха-Прядильщица, Хозяйка тьмы. И чары ее, магия на крови, лишь отражение Ее зловредной сути. Молчат о другом: кровавая магия, как и сама кровь, в равной мере – смерть и жизнь. Молчание, как это обычно бывает, породило забвение, страх победил былое знание – двойной страх, перед дурным норовом богини и перед королевским судом. Творящих колдовство именем Старухи ждет жестокая казнь.

Вот только нигде не сказано, что делать, если просил у Хозяйки тьмы – один, а дала она – другому.

Игмарт стоял над телом врага – и не верил. Слишком быстро, слишком неожиданно. Не так должна свершаться месть! Черная кровь впитывалась в черный алтарь, почему-то Марти видел это отчетливо, будто не глухая ночь стояла, а ясный солнечный день. Гладкая поверхность черного камня, черные пятна на белом кружеве воротника, белое лицо, искаженное предсмертной злобой. Серебристые блики на темной листве, серебряные пряжки на темном камзоле, серебряные накладки на рукояти и ножнах тяжелого, под стать хозяину, меча. Лунная пена на багряном вареве Хозяйки тьмы, скрип ее неостановимого веретена и злорадный хохот: «Жертва принята, да будет так, так, та-ак...»

Подошел Анегард, сказал хмуро:

– Поздравлять тебя, что ли... барон Герейн?

И тут Марти прорвало.

Он ругался, как не ругался никогда, самой черной божбой, какую только мог припомнить, хрипло, страстно и зло, не сдерживаясь, не опасаясь, что услышат ненужные уши. И с каждым словом, с каждым выплунутым в ночь проклятием до него все яснее доходило: попался. Сам

себе расставил ловушку, не успев убить на два или три мгновения раньше, подгадав ненароком в тот самый миг, когда эта сволочь, эта мерзостная сволочь, проклятуший родственничек, просил богиню о милости и обещал плату. Вот и заплатил, чтоб ему вечность посмертия в кровавом котле вариться! Кровью Герейнов. Общей с Игмартом кровью! А значит...

Докажет ли королевский пес Игмарт свое право на баронство и замок, пока что вилами по воде писано, а наследство от дядюшки уже получено, не откажешься. Теперь бы еще узнать, что за наследство. О чем именно просил мерзавец темную богиню? Наверяд ли о хорошем!

Разбираться с этим придется отдельно. Но Марти всей своей шкурой, всем песьим нюхом на опасность ощущал – так, как, наверное, «слышат» Лотары – присутствие жадной и голодной силы, готовой сорваться и броситься на жертву по первому его, барона Герейна, знаку. Рвать, убивать, пить горячую кровь.

– Э-э... господин? – негромкий оклик заставил отпрыгнуть и схватиться за меч. Марти прищурился, сияясь разглядеть говорившего. Два стражника переминались с ноги на ногу на краю поляны. Странное дело, вроде ж убежали?

Анегард развернулся так, чтобы не мешать в случае схватки. Марти криво усмехнулся, вставая в позицию. Вряд ли барон Герейн набирал в свою стражу трусов или неумех, но почему-то эти двое не казались хоть сколько-нибудь опасными противниками.

– Господин, – повторил стражник, – вы теперь наш новый хозяин?

– Новый барон Герейн, – резко поправил Игмарт. Выпрямился, вбросил меч в ножны. – Раз уж вернулись, подойдите и заберите эту падаль. Все же родственник, похоронить надо... Как он меня когда-то, – злорадная кривая ухмылка исказила губы, запоздавшее бешенство затянуло мир багровой пеленой. Игмарт резко выдохнул, загоняя вглубь непрошенные чувства. – Лошади ваши где?

Стражник молча ткнул рукой в сторону леса.

– Я позову, – предложил Анегард. – А ты бы расспросил их пока.

И то верно, подумал Марти. Дожили, теленок мокроусый королевского пса учит. Подошел к дяде, выдернул нож. Крови на лезвии не осталось. Ни на лезвии, ни на камне алтаря, только на кружевном воротнике, таком же белом, как лицо убитого.

Соберись, приказал себе Марти, ты королевский пес, а не сопля, и труп этот у тебя не первый. Да, плохо убил: в храме, да еще и на алтарь Хозяйки тьмы кровь пролил. Но что уж теперь, дело сделано, жалеть поздно. Сейчас важно, чтоб самого следом за дядей разлюбезным не

отправили, и Лотара с ним за компанию.

Герейновские стражники по-прежнему мялись шагах в десяти. Теперь Игмарт разглядел их: оба средних лет, с простоватыми крестьянскими лицами. Боятся. Понять бы только, кого именно боятся – его, незнакомца, убившего их господина, или, по привычке, прежнего Герейна, а может, ночь в храме и кровавая жертва нагнали страху? Что ж, выясняй, королевский пес.

– Сколько раз, – медленно и веско спросил Игмарт, – вам нужно повторять приказы?

Дальнейший разговор пошел в усвоенной Игмартом от капитана манере. Аскол был мастер пропесочивать нерадивых подчиненных, почему не воспользоваться наукой. Марти говорил медленно и веско, не повышая голоса, а стражники бледнели, потели и сглатывали, боясь открывать рот. Еще бы: выдумывать, чем припугнуть, без надобности, состав преступления налицо, ни один суд колебаться не станет. Герейн собирался принести кровавую жертву, а эти двое – знали, охраняли, а может, и несчастную девчонку волокли. Соучастие во всей красе.

– В общем, так, – завершил Игмарт разнос, – прикрыть вас от королевского гнева я не обещаю, но попробовать могу. Если докажете делом, что верны не прежнему барону Герейну, а мне и его величеству. Понятно или объяснять нужно?

Стражники попались понятливые: совсем уж дураков Герейн, похоже, не держал. Тут же, положив ладони на алтарь Воина, поклялись в верности, поручились за остальной гарнизон: «Кроме Дирриха, капитана нашего, и Улле, мажордома, оба у его милости в доверенных ходили. Да маг еще, но этого...» – замялись: наверняка поняли уже, что именно он, их новый господин, мага и прихлопнул. Марти кивнул. Прихлопнул, и хвала богам, проще замок взять будет.

При одной мысли о герейновом маге внутренности скрутило в ледяной клубок. Бывает же: убить убил, а ненависть жива. Еще бы раз попался в руки, убил бы снова.

– Ясно, – процедил, – берите труп, и поехали. Поможете с Диррихом и Улле разобраться, считайте, прощены.

– Не скалься так жутко, – чуть слышно посоветовал Анегард, – они и без того напуганы. Что, поедешь во владение вступать?

– Да, – Игмарт сглотнул вставший вдруг в горле комок. – Ты дорогу обратную сам найдешь?

– Конечно, – вроде как даже обиделся Лотар. – В лесу не заблужусь.

– Хорошо. Тогда я в замок с этими, – мотнул головой на стражников, привязывавших к седлу труп бывшего господина, – а ты со своими утром подъезжай.

– Справишься один? А то ведь, если тебе там кинжал в спину всадят...

– Лотар, ты не понял, что произошло? Они меня теперь боятся, как его боялись. Наследство... И чую я, что именно с этим наследством нам с тобой и разбираться.

– Разберемся, – пообещал Анегард. – Ты, главное, позаботься, чтобы против наследника свои же не взбунтовались да не зарезали.

– Не взбунтуются, – снова оскалился Игмарт. – Иначе им перед королем не только за бунт отвечать, но и за кровавую магию.

– Сам не влипни, умник, – Анегард почему-то поглядел вверх. – Ты их чувствуешь?

– Что-то есть, – Марти пожал плечами. – Злое что-то. Не пойму пока. Говорю ж, с тобой вместе разбираться надо. Твой дар нужен.

– Ладно, – Анегард взял под уздцы своего коня, поглядел еще раз в небо, покачал головой: – Полнолуние, плохое время. Ты о них лучше вообще пока не думай, а то как окажется, что они из твоих мыслей команды слышат, не расхлебаем.

– Почему из мыслей? – растерялся Марти.

– А как, по-твоему, они... А, – Лотар махнул рукой, – ты ж не знаешь, верно. Вспомни, как Рихар в дороге засады разгонял. Если они страх прямо в разум наводят, не сказано, что у хозяина из разума приказ не прочтут, доходит?

Да, только такого ему и не хватало для полноты ощущений. Чтоб дядюшке за такое наследство в котле у Старухи не мерзнуть!

– Понял. Постараюсь. Давай, Лотар, утром жду.

Марти промедлил перед тем, как сесть в седло: казалось, чего-то он не сделал, что-то забыл. Мерзкое ощущение, а главное – чреватое неприятностями, если и в самом деле упустил что-нибудь важное. Но понять, в чем проблема, не получалось, и в конце концов он потрянул головой, отгоняя противное чувство, и махнул рукой:

– Вперед.

Успокоенные Лотаром кони шли неторопливым шагом, труп их не пугал, хоть и умер Герейн нехорошей смертью. Ночь едва поворачивала к рассвету, тропа вилась вверх по пологому склону холма, лес расступался, смутной громадой темневший впереди замок еще не знал, что его прежнему хозяину придется отныне довольствоваться тесным саркофагом в

семейном склепе. Песье чутье молчало: похоже, смена власти обещала пройти гладко.

Усмирить коней оказалось трудно, как в до сих пор памятные Анегарду дни первого появления Зигмондовой стаи. Приученные и к охоте, и к бою животные паниковали, их ужас захлестывал Анегарда с головой, и немалых трудов стоило даже себя удержать в руках. Слишком пристально смотрела в их сторону Хозяйка тьмы, это люди не всегда чувствуют Ее взгляд, а твари – чуют безошибочно.

Когда Анегард стоял посреди Зигмондовой стаи, и чужая жажда крови, тоска и злоба сводили с ума, ему казалось, что ничего страшнее он в жизни уже не встретит. Если, конечно, вообще выживет. Теперь понял – то были цветочки. Стае Зигмонда повезло с вожакom, став тварями, его люди не утратили разум. Они смогли вернуться. Здесь твари были те же, вряд ли Рихар ошибся, да и сам Анегард ощущал их так же, как тех. Но человеческий разум давно оставил их, сменившись вечным ненасытным голодом. Даже не звери: зверь, задрав добычу, насыщается, а этим не насытиться уже никогда. Сколько ни дай им крови, все будет мало, все лишь подстегнет жажду. Вот, значит, что готовила для Зигмонда Хозяйка тьмы, проклиная ослушника...

Никогда раньше молодой барон Лотар не задумывался о запрете, оградившем Старуху от людского поклонения. Спроси кто, ответил бы: не нашего ума дело, нам довольно знать, когда и как можно подходить к Ее алтарю. А почему иначе – нельзя, то вопрос к храмовникам. Может, подумал бы еще втайне, что виной тем запретам – потаенный страх смерти, в котором стыдно признаваться вслух.

Теперь понял: не в людских страхах дело, а верней, не только в них. Боги грозны, каждый из них может осерчать. Но сотворить с людьми подобную гнусность... Анегард смотрел на труп Герейна и жалел, что для мерзавца все уже кончено. Что нельзя убить его еще раз, а потом воскресить снова и отдать королевскому правосудию, не знающему снисхождения к адептам Прядильщицы. За такое и десяти казней мало.

В храмах и возле храмов обостряется родовой дар. Лотар чувствовал жажду крови, не человеческую и не звериную, слишком острую и ненасытную даже для нелюди. Но за этой жаждой, за отчаянным желанием вспороть клыками чужое горло ему отчетливо виделась сеть, сплетенная из нитей проклятия, власти, приказов и ожидания. Из неведомого живым нижнего мира, через черный алтарь к стае, от стаи – к прежнему Герейну, а через того – к Игмарту. Вот уж досталось королевскому псу наследство, упасите боги! Вряд ли он такого ждал.

Спросить бы, чует ли угрозу своим песьим нюхом. Но ему не до того, с живыми бы разобраться. Мертвец, богиня и нелюдь никуда не денутся, а герейновские стражнички или сломаются сейчас от угроз – вполне, кстати, весомых угроз, ничуть не пустых! – или замок придется штурмом брать.

Анегард едва не рассмеялся собственным мыслям: какой штурм, сломаются, уже ломаются, и, быть может, не только угроза призрачного королевского правосудия тому причиной, но и очень даже известная обоим сила, что стоит за кровью Герейнов. Чувствуют они или просто знают? Судя по повадкам их прежнего господина, знают. И боятся, сильно боятся.

Анегард их понимал, его тоже раздирал сейчас лютый, отчаянный, постыдный для мужчины страх. За Игмарта: ощущает ли сам королевский пес, как бьется о границы его разума чужая и чуждая сила? Что станет с ним, если не устоит? Превратиться в слепое орудие Хозяйки тьмы – хуже судьбы не придумаешь. За себя: не оказаться бы вдруг рядом со спятившим убийцей, в воле которого – безжалостная стая кровопийц. За Сьюз: любит ведь сестренка этого дурного парня, хоть и не понять, за что, а любит! Правда, упрямства у Игмарта уже хватило однажды на то, чтобы устоять под чарами запретной кровавой магии. Пусть с помощью Зигмонда, но ведь иной, послабее, мог бы той помощи и не дожидаться! Глядишь, продержится и в этот раз.

Игмарт закончил строить герейновских стражников, отправил их прибрать труп, и Лотар снова уловил всплеск голодной, слепой злобы. Не хотелось отпускать парня в одиночку, но все же от его «ты со своими утром подъезжай» накатило постыдное облегчение. Слишком тяжело было ощущать непрерывно этот голод – и не сойти с ума. Анегард отчаянно хотел передышки.

Королевский пес уехал, еще раз напомнив, что ждет людей Лотара утром, а Анегард задержался. Хоть и жутко было оставаться здесь в одиночестве, но при первом же шаге прочь от храма ясность уйдет, сменившись обычным чутьем на тварей, не больше. Стоял, вглядываясь в переплетение нитей, связавших Игмарта с проклятой стаей, вслушиваясь в разлитые над миром ощущения. Жажда крови, ожидание жертвы и слепая покорность воле того, кто жертву укажет. Воле хозяина, Игмарта. Но только ли его? Нить, протянутая к трупу прежнего Герейна, истончилась и потемнела, однако не исчезла – а значит, смерть не положила конец его служению Прядильщице. Не зря говорят, что Старуха не отпускает свою добычу. Если промедлит с приказами нынешний Герейн, как знать, не вспомнит ли стая волю прежнего господина? А то, глядишь, вовсе сорвется с поводка, и неизвестно, какой поворот хуже.

А где-то совсем далеко, в недоступных для живого слоях мира, там, куда уходила темная нить, притаился другой голод и другая жажда – разумная, могущественная и оттого куда более злая. По силам ли человеку справиться? Отправляясь искать непонятную нежить, молодой барон Лотар ждал чего угодно, но только не Хозяйку тьмы в противниках.

Перед тем, как уехать, Анегард подошел к алтарю покровительницы Лотаров. Положил ладонь на теплый камень, сказал:

– Благодарю тебя, Звериная мать, за дар. Не оставь и дальше, защити, дай силы справиться.

Почудился ли тихий вздох в ответ? Говорят, несладко придется тому, кто попадет под пристальный взор нескольких богов сразу, но еще говорят, что не любят боги спорить из-за смертных.

Обратный путь показался слишком длинным. Ночь душила, пугала, пыталась увести с тропы, и не покидало ощущение, что кто-то из герейновой стаи летит над головой, сужая круги. Конь нервно прядал ушами, всхрапывал, норовя понести. Вот интересно, как прежний Герейн своих коней успокаивал? Постоянно чуют рядом жаждущих крови тварей – хоть человек, хоть зверь умом тронется.

Пока добрался до деревни, сам едва не рехнулся. Мано ждал; Анегард бросил ему повод, сказал:

– Обиходь, сил нет, – и, едва добравшись до постели, рухнул, не раздеваясь и не снимая сапог. Только теперь заметил, что его бьет мелкая лихорадочная дрожь, а рубашка насквозь промокла от пота. Натянул на себя край одеяла, как смог: шевелиться не осталось сил. Жаждущая крови тварь все так же ощущалась где-то близко, но теперь, под крышей, в защищенном стенами и оберегами доме, на нее можно было не обращать особого внимания.

Вошел Мано, пробормотал:

– Что за ночь, не иначе, бесы по небу пляски водят. Выпьете, господин?

– Давай.

Крепкая бражка согрела, уняла дрожь и вышвырнула из головы чужой злобный голод. Анегард сел, потянул на плечи одеяло. Спросил:

– Наши все по домам, никто с девками по сеновалам не кувыркается?

– Нынче и девки по домам, и местные мужички, даром что удалью хвалятся. Дурная ночь. – Мано тоже приложился к фляжке. – Королевского парня где потеряли, господин?

– Тревожишься? – через силу усмехнулся Анегард. – С ним, с

придурком, ни беса не сделается. Убил Герейна. Утром ждет нас в замке.

– Че-его?! – Мано вытаращил глаза.

– Дай еще хлебнуть, – Анегард взял у десятника фляжку, допил остававшиеся там несколько глотков. – Ты знал, что барон Герейн – его дядя?

Рассказывать пришлось долго, но Анегард, пожалуй, был даже рад. Заснуть все равно не сумел бы, а так – не заметил, как и ночь прошла. К тому же Мано и впрямь должен знать, что к чему. Удалось ли королевскому псу задуманное, ждут в замке друзья или враги, пока одним богам ведомо. Молодой барон Лотар не хотел вести своих людей на верную гибель, а у десятника и опыта куда больше, и мозги на месте, глупо от его совета отказываться.

– Что же, – дослушав, Мано встряхнул пустую фляжку, вздохнул с досадливым сожалением, – одно хорошо, королевское поручение, считай, выполнили. Какая нежить тут балует, теперь знаем, ежели чего, можем и вернуться. За подмогой хотя бы. Вряд ли добрый наш король всерьез думает, что с эдакой напастью управится десяток бойцов, да без мага?

– Не нам гадать, что думает король, – Анегард лег, закинул руки за голову. – Но одно ясно, он ждет, что я из шкуры наизнанку вывернусь ради прощенья себе и отцу. Лучше бы нам справиться самим.

– Выше головы всяко не прыгнешь, господин, – Мано, похоже, был напуган. А если не напуган, то уж точно озадачен.

– Я Зигмонда позвал. Если это тебя успокоит.

– Правильно, – обрадовался десятник. – Это вы, господин мой, верно решили. Кому еще с эдакой нежитью и разбираться, как не ему!

– Осталось дожидаться, – буркнул Анегард. В голове шумело от выпитого и бессонной ночи, и, уж перед собой чего таиться, он тоже был напуган. Не меньше Мано, а может, и больше. Однако наследнику благородного рода не к лицу страх, тем более – перед боем. С кем бы ни был этот бой.

Анегард встал, подошел к окну, сдвинул ставень. За окном серел рассвет.

– Поднимай людей, Мано. Поедем, поглядим, много ли королевский пес за ночь навоевал.

Мано ухмыльнулся, вставая. Тоже, видать, подумал, что страх не к лицу бывалому вояке.

– Прорвемся, господин! Вы верно сказали, с этим парнем ни беса не сделается, он еще тех бесов увертливости поучит. Только надежных людей ему там не помешало бы, так что нам, пожалуй, стоит

поторапливаться.

– Вот и поторопись, – кивнул Анегард. Потянулся, встряхнул головой, отгоняя ночные страхи. Мано прав: по крайней мере, с королевским поручением теперь все ясно. Дождаться Зигмонда – и домой...

Ульфар, бывший барон Ренхавенский, а ныне – беглец с наградой за голову, верить привык только себе. Поэтому, покинув в лютой спешке свой замок и едва не загнав коня в бешеной скачке к границам баронства, пересечь границу Ульфар не спешил.

Его земли простирались до реки – широкой, стылой даже летом Утравы, в чьих серых водах никогда, казалось, не отразится небо. Рыбы здесь гуляла прорва, но рыбаки боялись выводить свои лодки на тихую гладь Утравы Проклятой. Говорили – тот, кому повезет вернуться с богатым уловом, на этом свете не заживется.

А на том берегу начинались земли соседнего королевства. Правил там Орзельм, и именно у него собиралась искать приют прекрасная сообщница Ульфара, Вильгельма, принцесса-златовласка, стерва и убийца, душа и вдохновительница их заговора. Если рассудить по логике, то и Ульфару, провалившему собственную попытку переворота, сейчас осталась одна дорога – искать защиты и милости у Орзельма. Но Ульфар плевать хотел на логику побежденных. Он не собирался сдаваться. Жить из милости, служить наравне с безродными наемниками? – никогда!

Так или иначе, его проклятущее величество Гаутзельм не заживется на этом свете – слишком много недовольных жаждут вернуть утраченные при его правлении привилегии. Что ж, если Ульфар Ренхавенский не сумел нанести решающий удар и первым воспользоваться его плодами – он подождет, пока победит кто-нибудь другой. А пока – вернет себе отобранный волей короля замок и баронство. Когда король отбудет в столицу и погрузится с головой в государственные дела, здесь, на окраинах, снова можно будет опираться на собственную силу.

Ульфар обосновался в охотничьем домике, о котором знали лишь самые доверенные. Крыша над головой, очаг, дрова, немного золота в тайнике – уже хорошо. Нужно выждать, пока уляжется шум, потом – вызнать, кому отдали его права, насколько новый барон Ренхавен силен, жестко ли взял в кулак его, Ульфара, людей. И тогда решать.

Известию о свадьбе дочери Ульфар порадовался. Ульрика – послушная дочь, и гордостью фамильной не обделена. Навязанный королем муж вызовет у нее единственное чувство – ненависть. Теперь у него есть сообщник в собственном замке, и не какая-нибудь челядь, а полноправная хозяйка. Нужно только передать Ульрике весточку, что отец ждет удобного момента, и посоветовать не злить супруга. Пусть вотрется к нему в доверие, пусть будет послушной и ласковой женой – до того дня, когда сможет надеть вдовье платье.

А пока Ульфар неторопливо собирал верных людей, охотился, приставил отловленных смердов коптить мясо впрок – и ждал. Ждать он умел. Особенно, когда от единственного верно выбранного момента зависит будущее.

Пробираться в одиночку во вражеский замок на разведку Игмарту доводилось не раз. Но в одиночку брать замок – о таком приключении он бы и в горячечном бреду не подумал. И вот вам, не бред, не сон, самая распроклятая явь – он идет захватывать замок кровного врага, имея за плечами лишь возможность прикрыться королевской волей, труп врага да двух перебежчиков, которые еще не сказано, что не поменяют сторону обратно при первом же случае. Безумие.

Склоны холма пошли круто вверх, стены замка надвинулись, закрыли половину неба.

– Куда ехать, господин? – спросил один из стражников. Вроде и невинный вопрос, а ясно – прощупывает.

– Тебя как звать? – спохватился Марти.

– Дит, господин.

– А ты? – Марти повернулся ко второму.

– Колин.

– Понял, – кивнул Марти. Отметил про себя: Колин – белобрысый, худой, молчаливый, Дит плотно сбитый, не боится первым лезть с вопросами. Да и вообще, видать, не трус, если в ночь Старухи в храм не тянуть. – Откуда в храм ехали? От ворот или из калитки у конюшни? Где ждать должны?

– У калитки, – Дит глянул внимательно, озадаченно: не ждал, что новый господин знаком с замком?

– Значит, туда и возвращаемся. И вот что, парни, – добавил, снова

подпустив в голос той тяжести, которая в исполнении капитана Аскола пугала новичков до слабости в ногах. – Вы, верно, гадаете, кто я и что. Так вот, во-первых и в главных, я человек короля. А во-вторых, я – законный хозяин этого замка и этих земель. И король мое право признаёт, даже не сомневайтесь.

– Да мы чего, – потупился Дит. – Мы люди подневольные, господин.

– Понимаю, – кивнул Марти. – Потому и объяснил. Чтобы не ошиблись ненароком. Ясно?

Послал вперед коня, не дожидаясь ответа. Калитка отворилась, едва всадники показались на залитой зыбким лунным светом тропе: здесь, очевидно, возвращения хозяина ждали. Марти пригнулся к самой гриве: он помнил, свод калитки слишком низок для всадника. Спрыгнул на каменные плиты двора, ухватил за ворот встречавшего их человека, развернул к свету.

Темная кожа полукровки, тонкие, слегка кривые губы, перебитый нос. Это лицо Игмарт помнил, точно помнил. Разве что седины в черных волосах прибавилось.

– Стаджи? Ты, гляжу, по-прежнему конюхом?

Тот ахнул, переменялся в лице:

– Молодой господин! Как же?..

– Да вот так. Жив, как видишь, и дорогу в собственный дом не позабыл.

Марти развернулся – Дит и Колин ждали неподвижно, лиц не видно в тени, но явно не упустили ни единого звука.

– Чего ждете, сгружайте падаль.

И повторил, глядя, как глаза старого конюха испуганно расширяются при виде упавшего на землю трупа:

– Вот так, Стаджи.

Конюх рухнул на колени и обнял ноги Игмарта:

– Господин... Слава богам...

– Поднимись, – велел Марти. – Коней возьми.

Обернулся к спешившимся стражникам:

– Вы со мной?

– Да, господин, – в один голос отозвались те.

– Тогда к воротам, в караулку.

Стража на воротах проявила изрядное здравомыслие и оспаривать власть нового хозяина не стала. Впрочем, их там и сидело-то два сопляка, Марти даже говорить не пришлось, за него сказал Дит – коротко, емко и по делу. Похоже, усмехнулся про себя королевский пес, этот парень выбор уже

сделал и теперь вовсю отрабатывает грядущее повышение. Вот и славно, будет кого оставить за гарнизоном приглядеть.

Квартира капитана располагалась здесь же, в надвратной башне, на втором этаже. Марти бесшумно поднялся по узкой лестнице, вытащил длинный кинжал: с мечом на крохотном пяточке перед дверью не развернуться. Кивнул Диту. Тот заколотил в дверь:

– Капитан!

Засов щелкнул через несколько мгновений: капитан Диррих спал чутко. И безоружным на стук не выходил, но в этот раз полезная привычка ему не помогла. Марти скользнул вбок, выворачивая из ладони Дирриха меч, и приставил тому кинжал к горлу. Слишком просто. Героем капитан не был, трепыхаться не стал. Только зло глядел исподлобья, пока Дит взял ему руки.

Марти щелкнул ногтем по клинку капитанового меча, хмыкнул: хорошая сталь, но не азельдорская. Скомандовал:

– Разверните его к свету.

– Ты кто, бесы тебя дери? – спросил, щурясь, капитан.

Марти кивнул: ход мыслей Дирриха был ясен. Раз сразу не убили, значит, хотят договариваться, глядишь, и поторговаться получится. Нет уж, мерзость герейновская. Не надейся.

– Твое лицо мне знакомо. Я Игмарт Герейн. Тебя, случайно, не было с моим дядей, когда мой отец принимал его в этом замке шестнадцать лет назад?

Капитан Диррих замер, кровь отхлынула от лица.

– Вижу, я не ошибся. Что ж, Диррих, предложу тебе выбор. Вешаем тебя на воротах за ноги рядом с твоим господином, или едешь к королю и рассказываешь во всех подробностях, чем тут занимался мой разлюбезный дядюшка. Учти, я и сам многое знаю, твои показания не настолько уж необходимы. Просто, – Игмарт деланно вздохнул, – желательны. Я бы и не выбирал, но его величество любит задавать вопросы.

– Я отвечу на вопросы его величества, – торопливо ответил Диррих. – Я честный верноподданный...

Марти хрипло рассмеялся, бросил Диту:

– В подвал его пока, да смотри, чтоб не сбежал. Честный верноподданный...

Жаль, что мерзавец так легко сдался. По чести говоря, давно желание убивать не овладевало Игмартом настолько остро.

Следующими в плане шли казармы. Арестовав капитана, простых

вояк Марти уже не опасался. Сброд, дать им понять, кто хозяин, и дело сделано. Открыл дверь с ноги:

– Подъем, ушлепки! В замок новый господин явиться изволил, а они дрыхнут, ленивые сволочи! Дит, разъясни дармоедам ситуацию.

Прошелся вдоль наспех вставших в неровную линию полуодетых стражников, полюбовался на ошарашенные лица. Прислонился к стене рядом с дверью, небрежно похлопывая по ладони кинжалом. Дит разъяснять уже насобачился, умный, далеко пойдет. Ловил на себе испуганные взгляды и думал – может, месть и сладка, но ожидание мести – слаще. Слишком просто и буднично все прошло. Сплошное разочарование, как выражался иногда Аскол. Правда, капитан прилагал эти слова исключительно к фехтовальным потугам некоторых новичков, сдуру считавших себя опытными. Любил капитан сбивать с выскочек спесь, представление из этого устраивал – любо-дорого поглядеть.

А ведь ему, новому барону Герейну, тоже нельзя пренебрегать подобными представлениями. Взять этот замок он, похоже, уже взял, но взять еще не значит удержать.

Дит умолк, Марти обвел стражников тяжелым взглядом, спросил:

– Всем все ясно? Вопросы, жалобы есть? Нет? – Наверняка есть, но прежний барон отучил рты открывать. А на лицах-то явственное облегчение. Даже, пожалуй, радость. Ну да, им-то без разницы, по большому счету, кому служить, а заигрываний господина с темной богиней наверняка боялись. Еще и нелюдь эта непонятная, кстати, расспросить хоть того же Дита. Утром, с Анегардом вместе, Лотару такое понятнее.

Дит вытянулся перед строем:

– Приказывайте, господин.

Кто там остался из дядюшкиных прихвостней? Улле, мажордом?

– Десяток со мной, остальным нести службу прежним порядком. Дит, где там ваш Улле? Негоже мажордому спать, когда в доме меняется хозяин.

Насколько доверял Герейн своему мажордому, можно было разобраться и позже. Пока же важным оказалось одно – о поездке своего господина в храм тот или вовсе не знал, или не считал чем-то важным. Иначе, уж наверное, дожидался бы господина не в собственной постели, глубоко и мирно спящим.

– Вяжите, – скомандовал Игмарт.

Мажордом вскинулся, выхватил из-под подушки кинжал, но, похоже, знакомые лица солдат заставили его на несколько мгновений растеряться и промедлить. Солдаты же, наоборот, не медлили, накинулись

всем десятком, завернули мерзавцу руки за спину, стянули накрепко веревками, да еще и к лавке примотали.

– Отлично, – медленно усмехнулся Игмарт, – так и оставьте пока.

Подошел, подобрал упавший на пол кинжал, провел ногтем по лезвию. Сказал:

– Ты, я слышал, у барона Готфрида Герейна правой рукой был? Это хорошо. Покойничку правая рука без надобности, а наш добрый король рад будет задать тебе несколько вопросов. О нелюди, о кровавой магии, об участии в заговоре.

– Я не... – Улле поперхнулся, закашлял. Затараторил, глотая слова: – Какой заговор, какая магия, как можно, я доброму нашему королю всегда рад служить, чем только...

– Прибереги оправдания, мне без надобности, – поморщился Марти. – Палачам королевским будешь песни петь. Утром приедет человек, посланный королем, дабы разобраться со всеми деяниями твоего хозяина. Так что подумай до утра, время есть еще. Дит, стражу у дверей.

Развернулся и ушел. Противно было – до тошноты, до спазмов в животе. Каким же надо быть господином своим людям, каким командиром, чтобы тебя радостно сдавали первому встречному проходимцу! Долго придется теперь отмывать имя Герейнов от налипшей грязи...

– Господин, – Дит подошел опасливо, не иначе, вопрос неудобный, боится, не ответят ли с правой в челюсть.

– Говори.

– Что делать... с трупом?

Ах да. С дядюшкой, чтоб ему посмертие вечным мраком обернулось.

– Повесить. За ноги на воротах, как вероломного предателя, заговорщика и адепта кровавой магии. Только света дождись. И людей собери, пусть видят. А пока присыпьте его солью, чтоб не встал ненароком. И веревку вели в соли вымочить.

Соль от нежити первое средство, даже, говорят, лучше серебра. Хотя кто знает, поможет ли против воли богини? Но, с другой стороны, хотела бы богиня поднять верного слугу – подняла бы сразу, в храме. Кто знает, может, он ей там, внизу, нужнее.

Поднимет – упокоим, решительно подумал Марти. Нет мерзавцу места на земле ни живому, ни мертвому. Зря так тянул с мстью, давно нужно было – не ждать королевского разрешения, прийти и убить, без церемоний, как бешеного пса. Простили бы.

Луна катилась над лесом, и где-то там, между луной и голыми ветвями, тосковала нелюдь, мечтая о крови и покое. Марти чуял ее – смутно, самой гранью сознания, и ощущение это было на редкость неприятным. Надо будет спросить у Лотара, как он их «слышит», может, посоветует чего умного. А то ведь и спятить недолго, сам о крови мечтать начнешь. Может, с прежним Герейном так и вышло? Поганое наследство оставил дядюшка, чтоб ему...

Марти посмотрел на так и мнущегося рядом Дита, вздохнул коротко:

– Пошли вместе. У меня кинжал заговоренный, если вдруг чего, не подведет.

Почудился далекий, никому другому не слышимый, ехидный старушечий смешок. Царапнул по сердцу: ох, не так все просто. И взвыло, предупреждая о неведомой пока опасности, испытанное песье чутье.

Ладно, мрачно думал Марти, шагая по выщербленным плитам родного двора. Поживем, разберемся. Деваться-то все равно некуда: как ни крути, это его наследство, ему и исправлять все, что испоганил прежний Герейн.

Утро выдалось ясным, солнечным, кони шли спокойно, и Анегард не чувствовал и тени тревоги. Как будто ночной ужас попросту приснился. Вязкий кошмар постепенно отпускал, сменяясь мыслями куда более обыденными и понятными: что там с Игмартом, удалась ли его почти безумная авантюра? Все же не стоило отпускать в одиночку. Пусть опыта у него куда как побольше, чем у Анегарда, но не только опытом одерживают победы и не только нахальством. И что делать, если его там попросту убили?

По-хорошему, зло подумал Анегард, надо было договориться о какой-то связи, знаке, сигнале. Но сразу в голову не пришло, а теперь поздно, задним умом никто еще не побеждал. Теперь только ехать вслепую, надеясь на наглость и везение королевского пса, на то, что он встретит их хозяином замка, как обещал, а не узником в самом глубоком подвале.

Замок увидели издали. Он короной венчал пологий холм, зубцы башен прорезали густо-синее утреннее небо, и на самой высокой башне хлопал на ветру флаг. Единственный. Был ли он цветов Герейна, издали не разглядеть, но – один. Никакого предписанного обычаем траурного полотнища, означающего смерть владельца.

Анегард переглянулся с Мано и пришпорил коня. Дорога едва ползла, змеей извивалась по склону, кольцом огибала высокие стены. Удобно сделано, сто раз любого гостя и заметишь, и разглядишь, и

пристрелишь при надобности. Умны были первые Герейны, осторожны и расчетливы. Такой замок только изнутри и возьмешь. Или уж – целой армией.

Их наверняка заметили, но тревоги маленький отряд не вызвал. То ли гости бывают здесь часто, и к ним привычны, то ли десяток бойцов, пусть даже возможных врагов, герейновскому гарнизону – на один чих.

– Не в пасть ли волколаку лезем, – этом от мыслей Анегарда пробормотал Мано.

– Посмотрим, – зло выдохнул Анегард.

Змея-дорога вильнула еще раз и устремилась вверх. Крутой подъем, опущенный мост, тяжелая, как древний камень, тень надвратной башни, и сама башня, массивная, приземистая... Мано прищурился, привстав на стремянах:

– Ох ты ж! Не наш ли парень там? Упыри его дери, не разглядеть против солнца...

На вершине башни раскачивался повешенный.

Дыхание перехватило. Анегард выругался, погнал коня вперед – и вскоре осадил, хрипло рассмеявшись. Облегчение навалилось душным облаком и отпустило, словно разжалась стиснувшая горло ледяная рука.

– Это Герейн, – сказал Анегард. – Игмарт, выходит, уже всюю здесь хозяйничает. Ты прав, Мано, ни беса с прохвостом не сделается.

Впереди поднималась решетка на воротах: их, похоже, ждали.

– Вперед, – скомандовал Анегард. Пробормотал себе под нос: – Посмотрим...

– Его милость барон Лотарский? – спросил стражник на воротах – чуть постарше самого Анегарда, с застарелым страхом на дне глаз.

– Да.

– Господин ждет вашу милость в кабинете. Вашу милость проводят.

– Мано, со мной, – скомандовал Анегард. Мелькнуло: если заспорят, значит, точно ловушка.

Не заспорили. Только пообещали лошадей в конюшню отвести, а людей накормить и устроить на отдых.

И до кабинета их с Мано отвели без подвоха. Анегарда лишь одно удивило: что провожал солдат, а не служаночка какая-нибудь. И в коридорах тишина стояла мертвая, затхлая, как в склепе.

– Господин, – солдат стукнул в дверь, не торопясь, однако, открывать, – его милость барон Лотарский прибыли.

– Заходи, – откликнулся Игмарт.

Анегард толкнул тяжелую дверь – дуб, окованный железом и серебром. Отворилось с визгливым скрипом, будто сто лет петли не смазывали.

– Боялся гостей дядюшка, – буркнул Марти.

Он сидел за столом, подперев кулаком щеку, а перед ним стояли серебряный кубок и полупустая бутылка. Две пустых валялись на полу, осколки еще одной усеивали пол у стены.

– Отмечаешь? – ядовито спросил Мано. – Поминки или наследство? Или решил врагам жизнь облегчить? Зарезать пьяного – это, знаешь, сплошное удовольствие.

– Ты как наш Аскол, – губы королевского пса растянулись в кривой улыбке. – Знаю я. Просто погано мне. На душе погано, в голове бесы знают что, не заглушить. – Полупустая бутылка полетела в стену, по белой штукатурке потекло алое вино – как кровь. – И не пьяный я. Хорошо, что ты приехал, Лотар.

– Рассказывай, – Анегард придвинул к столу табурет, сел, огляделся. Кабинет у покойного Герейна был роскошный, привычная Лотарам скромность смотрелась бы рядом с таким нищетой. Узорчатый ковер устилает пол, такой же прикрывает стену напротив входа, на нем – крест-накрест – длинные пики, сабли, мечи. Сталь азельдорская и южная, тройной закалки, рукояти тускло блестят серебром. На другой стене – полка с кубками: золото, серебро, алые и синие камни.

Игмарт отставил кубок в сторону, размял пальцы.

– Извини, не угощаю. Прав твой десятник, пить после будем. – Задумчиво потер заросший щетиной подбородок. – Значит, так. Замок мой. Нашлись здесь люди, которые меня помнят, узнали. Дядюшку боялись так, что любому проходимцу обрадовались бы, лишь бы избавил, а я законный наследник и человек короля. Двое, что в курсе его делишек, сидят под замком, и думаю я, их бы скорым маршем к королю сопроводить. Много интересного рассказать могут. Займешься?

– Не сегодня, – Анегард растерянно почесал в затылке. – То есть ты прав, конечно, скорей бы надо, но давай убедимся, что ты замок удержишь, прежде чем мой десяток отсюда отправить.

– Удержу, – отмахнулся Марти. – Но как скажешь, давай завтра. Твое поручение, в конце концов, перед королем тебе отвечать.

За тебя тоже, подумал Анегард. Но вслух не сказал. Спросил только:

– Сам ты их допросить не догадался?

– Незачем. Королевским палачам пускай врут, те правду выбивать

умеют.

– Ладно, тогда говори, чем я тебе помочь могу.

Игмарт поморщился, как будто уксуса хлебнул. Вздыхнул:

– Нелюдь. Разобрался бы ты с ней, а, Лотар? Противно мне от нее. Тошно. Бесы его знают, как объяснить, будто требует чего-то, а чего – не понимаю. Но не булок с медом, это точно.

Анегард пожал плечами:

– Ночью чуть не спятил, а с утра и не чувствую ничего, все спокойно, как и не было этой нелюди. Странно.

– И сейчас не чувствуешь?

– Нет.

– А меня будто гложет кто изнутри. Что ж делать-то, а?

– В бумагах порыйся, может, что полезное найдешь, – Анегард еще раз, уже внимательней, оглядел кабинет. По первому взгляду похоже, что его хозяин вообще не знал, что такое «бумаги». Подозрительно. – Кажется мне, что секретов у твоего дяди хватало, и прятал он их хорошо. Ты разобрался уже, где искать?

– Да что тут разбираться, – Игмарт встал, покачнувшись. Откинул край висящего на стене ковра. За ковром обнаружилась дверь. – Вот настоящий кабинет. Пойдем, вместе посмотрим. Мано, покараулишь тут?

Десятник посмотрел на Анегарда, дождался подтверждающего кивка. Королевский пес уже скрылся за дверью, и Анегард поспешил следом.

Здесь, похоже, Герейн бывал часто, и занимался делами, а не выпивкой. Мягкое, обитое дорогим бархатом кресло, ковер на полу, на столе – чернильница, пачка перьев, ровная стопа бумаги. Массивный дубовый шкаф стоит в удобной близости. Марти подергал дверцу шкафа, выругался, склонился над замочной скважиной:

– Вот зараза, отмычкой не взять.

– Опомнись, – бросил Анегард, – какая отмычка, ты хозяин здесь.

Ключ ищи.

Игмарт хрипло рассмеялся:

– Правда. Совсем одурел.

Ключ нашелся довольно быстро: королевский пес оказался мастером по обнаружению и вскрытию тайников. В узком потайном ящичке в толстой столешнице лежали тонкий серебряный стилет и даже два ключа – один от шкафа, второй, судя по размеру, от небольшой шкатулки.

– Так-так, – Игмарт вторично подступил к шкафу, – поглядим, что

тут у дядюшки за секреты. – Распахнул дверцу, присвистнул: – Ого! Лотар, ты глянь, мы ж это до лета разгрести будем.

– Разгрести потихоньку, – утешил Анегард. – Здесь, похоже, семейные архивы, значит, дело не такое уж спешное. Нам бы бегло проглядеть, что именно от Герейна осталось. Письма, заметки...

Спохватился: Герейн теперь – Игмарт. Но тот, похоже, оговорки не заметил. Сел на ковер перед шкафом, и методично, от полки к полке, начал выгребать из дубовых недр почки бумаг, стопки писем, какие-то перевязанные шнурками пергаменты. Складывал в кривые стопки рядом с собой, пока между столом и шкафом не осталось ни клочка свободного места. Пробормотал:

– Да, ты прав, разберу, как время будет. Это все старое. Тут, в общем, порядок, дядюшка, похоже, той еще бумажной душонкой был. Разложено, как в королевском архиве... Купчие, грамоты на владения, указы о привилегиях, налоги, еще налоги... генеалогии... письма какие-то древние, то ли деда, то ли прадеда... О! А вот свежее. – Протянул Анегарду тонкую пачку писем, связанную узкой шелковой лентой. – Погляди, что там.

Анегард распутал замысловатый узел, развернул верхний лист. Пробежался взглядом по строчкам.

– Бессмыслица какая-то. Кони рыжие, кони серые, бархат черный, вино сливовое. Зачем такое хранить?

– Дай, – королевский пес протянул руку. Анегард заглянул в следующие листы: такие же странные списки.

– Думаешь, шифр?

– Уверен, – Игмарт посмотрел бумагу на свет, ухмыльнулся: – Гляди, разводы видишь? Невидимыми чернилами писали. Так, отлично, это поедет к его величеству вместе с пленниками. Там разберутся.

Дальнейшие поиски ничего интересного не принесли. Закончив с последней полкой, Марти потянулся, зевнул.

– Пойдем обедать, Лотар. Кухарка здесь прежняя, тебе понравится.

– Кухарка понравится? – хмыкнул Анегард.

– Стряпня. Пирог у нее – язык проглотишь. А потом проведу тебя по замку и подумаем, что дальше делать.

А он, похоже, успокоился, подумал Анегард. Спросил:

– Ты как, не грызет сейчас?

Марти растерянно покачал головой.

Сегодня старый барон Лотарский чувствовал себя лучше. Настолько, что даже спустился вниз, во двор, и поглядел, как Сюзин учится держаться в дамском седле. Грегор держал под уздцы смирную серую кобылу, ножки Сюзин упирались в скамеечку-стремя, пышные юбки ниспадали с боков лошади, пальцы слишком крепко сжимали поводья. Дочь хмурилась сердито и беспомощно, и барон вспомнил вдруг, как не любила ездить верхом ее мать. Грейна была слишком робкой для того, чтобы ладить с лошадьми, предпочитала кареты. Ах, Грейна, Грейна, наворотила дел твоя робость. И тебя сгубила, и дочь твою едва навсегда от рода не оторвала. Хорошо, что Сюзин характером не в мать пошла.

– Спину ровней держи, а руки расслабь, – Грегор поправлял посадку Сюзин с легкой, необидной улыбкой, и девушка робко улыбалась в ответ. – Если будешь дергаться, скорее упадешь. Ты должна верить лошади. И уж точно не должна бояться!

– Я и не боюсь, – отозвалась Сюзин, – с чего это мне зверья бояться. Просто неудобно. Сижу, как курица на насесте! И поясница затекла.

– Поясница затекла, потому что сидишь неправильно. Выпрямись!

Барон Эстегард Лотарский улыбался, глядя на дочь. Какая же его девочка красивая выросла! И как загорается взгляд Грегора рядом с ней... Забавно даже, что сама она не замечает. Старая лекарка хорошо ее воспитала – честной и неиспорченной. Благородным манерам можно научить и взрослого, а внутреннее благородство вкладывается с пеленок. Барону Лотарскому не придется стыдиться старшей дочери.

Грегор наконец добился от Сюзин правильной посадки и теперь медленно вел кобылу по кругу. Подсказывал:

– Поясницей работай, руки не напрягай, плечи назад, спину ровно.

Сюзин опускала руки, расправляла плечи – и улыбалась смущенно и благодарно. Разрумянилась, в густой косе искрятся снежинки. Красавица!

– Теперь сама, – Грегор опустил руку и отступил. Несколько шагов держался рядом, потом отошел к Эстегарду. – Что за девушка! Веришь, друг, рядом с ней я снова как мальчишка.

– Вижу, – усмехнулся Эстегард. – Вижу, Грегор. Спасибо, что учишь ее. Мои силы сейчас не те.

Серая кобыла лениво шагала по кругу, Сюзин сидела уверенно,

только пальцы на поводьях слегка подрагивали. Из-под отороченного беличьим мехом подола платья виднелись теплые зимние сапожки, мех безрукавки играл под легким ветерком, узкий плетеный ремешок подчеркивал тонкую талию. Эстегард поглядывал то на дочь, то на Грегора. Внимание старого друга к Сюзин льстило. Видят боги, его дочь заслуживает чувств такого человека, как Грегор Ордисский! Благородного, безупречно честного, здравомыслящего и не склонного к авантюрам. Этой зимой старый барон Лотарский слишком уж ощущал груз прожитых лет. Он рад был бы знать, что о Сюзин есть кому позаботиться...

Сюзин сделала круг, натянула поводья.

– Отец, вы не замерзли? Может, пойдете в тепло?

– Пойду, пожалуй, – улыбнулся Эстегард. – Ты прекрасно держишься в седле, Сюзин. Барон Грегор – отличный наставник.

– Да, – Сюзин улыбнулась в ответ, – это оказалось легче, чем я боялась.

– Что же, оставляю тебя с ним.

– Выпейте горячего вина, отец.

– Хорошо. Не волнуйся обо мне, Сюзин, я сегодня прекрасно себя чувствую.

Замечательный день, думал Эстегард, медленно поднимаясь к себе. Вкус жизни особенно остро ощущаешь, постояв на краю могилы. В этом нет ничего удивительного, чтобы понять эту истину, не обязательно стареть. Но одно дело – риск в бою, и совсем другое – долгая, изматывающая болезнь. В выздоровлении своя, особенная прелесть – когда дышать становится легче, и холодный воздух не режет грудь, а льется в нее пьянящим молодым вином. Когда уходит постыдная слабость, и лестница перестает казаться препятствием непреодолимей крепостной стены. Когда, засыпая, веришь, что утром проснешься. Что доживешь до весны, до возвращения сына, до свадьбы дочери.

После подъема по лестнице все-таки пришлось отдохнуть. Старый барон сидел в кресле у камина, пил, как посоветовала Сюзин, горячее вино, и думал о том, что Грегор стал бы для его дочери хорошим мужем. Да и ей будет лучше за хозяйственным человеком, предпочитающим собственные земли бурной и суетной столичной жизни. Пожалуй, пора спросить у Грегора прямо, верно ли барон Лотарский понял те знаки внимания, которые барон Ордисский оказывает его старшей дочери.

Грегор затеял разговор первым. Неудивительно: он смолоду отличался редким даром выбирать нужное время. Для разговоров, боя, любви...

Они сидели в столовой после ужина, вдвоем, потягивали вино и молчали. В жизни барона Лотарского мало было людей, молчать с которыми он любил. Грегор относился как раз к таким.

Еще такой же была Грейна...

– У тебя славная дочка, – тихо сказал Грегор. – Необыкновенная. То есть, извини, конечно, обе они у тебя славные, но я сейчас о Сюзин. Я говорил тебе, что с ней рядом становлюсь мальчишкой? Я очарован и влюблен. Ты разрешишь мне просить ее руки?

– Я рад, – честно ответил Эстегард. – Но, друг мой, Грегор... Понимаешь, Сюзин так недавно со мной. Честно сказать, она только-только перестала запинаться на слове «отец». Я не смогу приказать ей. Добейся ее сердца, Грегор, и я буду счастлив отдать ее тебе.

Губы Грегора тронула довольная улыбка.

– Я не ждал другого ответа. Спасибо, Эстегард. Я и не подумал бы брать ее за себя без любви. Она не из тех куриц, что готовы смириться с родительской волей, забыв о собственных чувствах. Да мне и самому хочется получить ее всю – не только тело, но и душу. Иначе как я смогу сделать ее счастливой?

– Из вас получится отличная пара. Я желаю тебе удачи, Грегор.

Барон Ордисский подлил в кубки вина:

– За удачу и за любовь! Пусть Звездная дева будет к нам благосклонна.

В камине трещал огонь, за окнами свистела разгулявшаяся к ночи метель, а наверху сидела в своей комнате Сюз, завернувшись в одеяло и глядя на букет осенних звезд, желтых и белых. Острые лепестки-лучики все еще были свежими, как вчера сорвали.

– Пусть Звездная дева будет к тебе благосклонна, – прошептала Сюз. Вздохнула и легла. Она устала за день. Хотя ездить верхом ей понравилось, а барон Грегор и в самом деле оказался хорошим учителем. Сюз улыбнулась, засыпая: надо скорее научиться скакать по-настоящему. Тогда можно будет доехать до деревни, а то и к Зигмонду в гости напроситься. Зима такая долгая, и ждать до весны так тоскливо...

Жаркие, наполненные запахом крови ночи. Слишком яркие, ослепительные дни. Рихар успел уже забыть, каково это – жить под солнцем мертвых, Старухиним солнцем. Когда солнечный свет – тусклый,

зимний, сумрачный – обжигает огнем. Когда ты силен и быстр, но плата за твою силу – чужая кровь.

Рихар не собирался платить. Он так счастлив был вернуться к людям, снова говорить и смеяться, есть обычную еду, девчонку за руку держать! Он выдержит. Никогда, ни за что не станет снова ночной тварью!

Силы у Рихара было не слишком много, зато упрямства хватало. Нестись к дому по прямой, не останавливаясь, не подчиняясь навязчивому желанию охоты. У Старухи нет власти над теми, кто любит и любим – до тех пор, пока они сами, смелодушничав, не отдадут себя в Ее руки. Собрать всю волю в тугой узел, стянуть накрепко памятью о тех, кто его ждет – о людях. Заглушить шепот Хозяйки тьмы звонким смехом Динушки.

Помнить, что ты человек.

Когда внизу замелькали знакомые места, Рихар чуть не зарыдал от счастья. Он с трудом поборол искушение свернуть к замку Лотаров. Там накормят, там можно отдохнуть. Сюз и старый барон рады будут добрым вестям о сыне и брате. А уж Динуша как обрадуется! Но он потеряет время – кучу драгоценного времени.

Поэтому Рихар только издали посмотрел на башни родового гнезда баронов Лотарских. Подавил вздох. Подбодрил себя: совсем немного осталось. Уже этой ночью он будет у своих! Дома...

Рихар поднялся выше, поймал попутный ветер и полетел дальше. Замок Ульфара – их замок, их новый дом – тянул его, как тянет волка след подраненной добычи. Рихар уже чувал близость своих, незримое тепло стаи, властную силу вожака. Надвигалась ночь, дарующая силы, спасение, возможность продержаться еще немного. Хотя Рихар совсем не был уверен, что продержится – до конца.

И тогда он позвал. Кинул беззвучный вопль туда, где его услышат свои, услышит Вожак. Он отчаянно нуждался в помощи. Он выбился из сил за этот долгий путь, за дни и ночи беспощадной гонки. Он с ума сходил от голода, жажды и усталости.

Обидно будет свалиться в шаге от дома. Но если его встретят, найдут, подхватят...

Его нашли, когда он, почти теряя сознание, по крутой спирали спускался к земле. Мелькнула черная тень, на мгновение заслонив падавшее за кромку горизонта алое солнце. Крепкие руки подхватили, Рихар расслабился, ощутив опору. Вдохнул, жадно вбирая запах вожака, такой знакомый и успокаивающий. Он сумел. Добрался, справился. Теперь он имеет право отдохнуть.

Хотя бы до замка. Там нужно будет скорее рассказать, с чем

столкнулся в землях Герейнов молодой барон Лотарский. А потом... потом, подумал Рихар, я буду спать. Несколько дней кряду.

Рихар счастливо вздохнул и закрыл глаза.

Очнулся он от вкуса воды на губах. Восхитительной, холодной, пахнувшей чистотой и свежестью воды. Это было счастье – настолько же острое, как теплый мягкий хлеб после долгих лет горячей крови, как первый поцелуй с девчонкой, которая не испугалась влюбиться в нелюдя. Рихар дрожал, зубы стучали о край кружки, вода текла по подбородку, проливалась на грудь.

– Ну-ну, малыш, не жадничай, – Зигмонд поддерживал его голову. – Медленно пей. Ты выдохся. Пей и рассказывай потихоньку, что за беда.

Рихар сглотнул. Долго говорить не придется, десятка слов хватит, вот только радости в том мало.

Зигмонд выслушал его так спокойно, будто мальчишка о прошлогоднем урожае рассказывал или о погоде на прошлой неделе. Кивнул:

– Хорошо, что догадались меня звать. Сами они там не справятся, два малолетних остолопа. Ты молодец, Рихар. Отдыхай теперь, свое дело ты сделал. Я велю обед сюда принести, лежи.

Рихар попытался кивнуть – и заснул.

Зигмонд, ныне барон Ренхавенский, постоял над мальчишкой, взглядываясь в исхудавшее лицо, в черные тени под глазами и обметанные жаждой губы. Повторил:

– Молодец, Рихар.

И вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Ему нужно было быстро попрощаться с женой, оставить приказания капитану... А главное – решить, брать ли кого с собой или рвануть на юг одному. Ослаблять замок не хотелось: прежний хозяин наверняка не оставил мысли вернуть свое достояние. Но в том деле, что ждало Зигмонда, поддержка члена стаи могла решить все.

Зигмонд мысленно перебрал своих людей. Нужен сильный, выносливый, быстро соображающий, а главное – накрепко забывший вкус крови. Такой, которому, как этому мальчишке, есть за кого зацепиться в мире людей.

Терес. Вот кто ему подойдет. Зигмонд нахмурился. Жестоко отрывать парня от юной жены. Но Терес не сломается под давлением темных чар, устоит – ради своей Анитки и их ребенка, которого она носит под сердцем. Когда есть к кому возвращаться – прочнее якоря не придумаешь. Тому, кто три века скитался темной тварью, только любовь

позволит вопреки воле Хозяйки остаться человеком.

Нет, осадил он себя, неправильно думаешь. Остающимся здесь Терес нужнее. Кого еще он спокойно оставит за себя, охранять замок – не землю и стены, а тех, кто за стенами? Гордую девочку Ульрику и ее старую няньку Нарриану, смешливую Анитку, стайку бойких кухонных девчонок? Кого еще беспрекословно послушает любой из его стаи? А он на то и вожак, что должен справиться сам.

Зигмонд кивнул своим мыслям и пошел к жене. Начинать сборы в путь следует с самого трудного, а его Улька хоть и смирилась с навязанным мужем, по-прежнему оставалась весьма норовистой лошадкой.

Молодой барон Лотарский, при всей его неопытности, замок осмотрел вполне дельно. Прошел по стенам, поднялся на главную башню, отметил, как легко здесь обороняться, и тут же спросил о тайных ходах и выходах. С людьми поговорил – начиная от гарнизона и заканчивая девчонками-посудомойками. Марти таскался следом и запоминал, как нужно вести себя хорошему господину. Уж в этой науке всю жизнь просидевший в собственных землях Лотар был поопытней королевского пса.

Покончив с осмотром, Анегард велел собрать всех во дворе. Пока ждали, сказал:

– Решать тебе, но я почти уверен, что эти люди тебя не предадут. Если готов рискнуть, можем отправить в столицу Мано с твоими пленниками и теми письмами. Десяток солдат – как считаешь, хватит?

– Против разбойников – хватит. Против заговорщиков – нет. Но сейчас, вроде, заговор придушили. Рискнуть можно. Единственное, я бы эти письма сначала срочной почтой переслал. И наш отчет заодно.

– Да, ты прав. Значит, сначала в Азельдор, а уж после Мано отправляем?

– Давай так, – кивнул Марти. Оглядел собравшихся во дворе людей, отметил застарелый страх на лицах, бедную, не по-зимнему ветхую одежду. Сплюнул: – Погано дядюшка хозяйничал. Нелюдь привечал, а людей, похоже, хуже скота держал.

– Вот именно, – глухо согласился Анегард. – Потому и верю, что тебя не предадут. Тебе всего и надо – стать для них лучшим господином, чем прежний. А это, по всему виду, нетрудно будет.

Хотел бы Игмарт похвастать такой же уверенностью. Анегард умение своими землями управлять с детства впитывал, ему, само собой, легко. А Марти только и умеет, что сражаться, да в разведку еще ходить под чужой личиной.

Но ведь он знал, что рано или поздно отвоюет отцовское наследство. Придется учиться. Теперь он в ответе за этих людей.

– Все собрались? – спросил Анегард. Дождался утвердительного кивка, шагнул вперед. – Люди барона Герейна! Я, барон Анегард Лотарский, послан сюда королем для наведения порядка. Ваш прежний господин виновен в злоумышлении против его величества, в использовании кровавой магии и принесении человеческих жертв. Мы застали его с поличным, и да воздастся ему в посмертии по грехам и заслугам. Перед людьми же вина его доказана, и я именем короля провозглашаю вашим новым господином Игмарта Герейна. Будьте ему верны, как он будет верен вам, повинуйтесь ему, а он будет хранить вас и защищать, как подобает.

Марти вышел вперед, обвел замерших людей пристальным взглядом.

– Некоторые из вас еще помнят меня. Я же помню совсем других людей. На моей памяти здесь жили счастливее, веселей и богаче. Невеселая ждет меня работа – разгрести за мерзавцем, опозорившим имя нашего рода. Я знаю, что именно пугает вас больше всего. С этого и начну. А об остальном поговорим после.

Слабый, едва слышный то ли шепот, то ли вздох пролетел над стоящими во дворе людьми. Не расслышать слов, но Марти понял: «Справится ли?» Усмехнулся зло:

– И если вы думаете, что это не в силах человеческих, то мало вы знаете о пределе человеческих сил.

Ужинали с Анегардом вдвоем, в кабинете – слишком многое стоило обсудить без посторонних ушей.

– Они близко, я слышу, – тихо говорил молодой барон Лотарский. – Где-то совсем рядом. Но они спокойные. Даже... сонные, что ли?

– Может, в спячку впадают на зиму? – хмыкнул Марти. – Хорошо бы так.

Лотар помолчал, задумчиво глядя в кубок с вином – будто там ему какие-то ответы показывали!

– Ты не спросил, обычные зачистки твой дядя проводил?

– Не проводил. То есть, он говорил, что это его дело, разбираться с нелюдью, и помощь смердов ему не нужна. Но не похоже, чтобы здесь

было много тварей, кроме тех.

– Я думаю, – Анегард раздраженно дернул плечом, – думаю, одни охотились на других.

– Хорошее решение, – Марти не сдержал злой смех. Хитрым же мерзавцем был его дядюшка, чтоб ему на том свете света не видать!

– Отвратительное, – возразил Анегард. – Твари от живых кровей берут, а от таких же тварей... Не знаю даже.

И снова уставился в кубок.

– Не понял я тебя, Лотар. Объясни.

– Да что тут понимать. Твоя жизнь, моя, зверья всякого – только кровь. Мы в этом мире полностью. А твари – между двух миров, и их жизнь – не только кровь, но и сила. И оно сплетено, одно от другого не отделить.

Марти присвистнул.

– Вот именно, – Лотар выпил вино, как воду, и молча стал есть.

А королевскому псу кусок в горло не лез. Легко перед запуганными простолюдинами хвост распускать, да оно и правильно, откуда им еще набраться уверенности. Но ему-то, Игмарту, как теперь выполнять все то, что должен? И долг не тот, от которого можешь отмахнуться. Перед именем и честью рода, перед людьми, за которых он теперь в ответе. Умри, но исполни.

– Ладно, – сказал он в конце концов, – как говорит наш капитан, будем отстреливать врагов по мере нападения, тщательно, по плану, не забегая вперед. Завтра в Азельдор? Давай поговорим об Азельдоре. Меня там, верно, до сих пор ловят, но это ничего, ловят-то менестреля, а не королевского пса. Предлагаю начать с архивариуса, если сумеем добраться до него незаметно, а потом навести шум в ратуше.

– А если незаметно не выйдет, то наоборот?

– Именно, – оскалился Марти. – Мы их научим королевскую власть уважать.

Рассмеялся коротко, налил себе вина.

– По уму, надо бы сначала выяснить, чем Герейн их купил. Но это долго рыть придется, а времени нет. Будем давить грубой силой.

– Насчет силы тебе видней, – согласился Лотар. – Уж если в одиночку замок к рукам прибрал, глядишь, и город вдвоем возьмем.

– Вдвоем и с именем короля, – поправил Марти. – Они всего лишь купцы, им невыгодно открыто поддерживать бунтовщиков. Не тогда, когда бунт задушен в зародыше. Они могут ненавидеть, но будут нам улыбаться, извиняться и кланяться. Увидишь.

В глазах Лотара мелькнуло недоверие, и Марти азартно ухмыльнулся. Повторил:

– Увидишь.

«Учись, мальчишка, пока есть у кого».

Впрочем, надо отдать ему должное, учиться Лотар не отказывался. Дельный щенок.

– Расскажешь, какой у тебя план?

– Да никакого, – отмахнулся Игмарт. – Нельзя строить планы, когда известно так мало. Считай, что это бой, вот и все. Отвечай ударом на удар, не забывай о защите и ищи возможность ударить первым.

Кажется, он не очень понимает. Ничего, завтра поймет.

– Спать, Лотар. Доброй ночи.

«Доброй ночи». Игмарт обошел караулы, перекинулся парой слов с Дитом – тот как-то сам собой исполнял уже обязанности капитана, осталось только утвердить перед всеми. Ночь обещала быть тихой. Срывался легкий снег, сверкал, подсвеченный полной луной, ложился на землю, еще не в силах ее укрыть, но обещая скорую зиму. Давящая чужая тоска не стучала больше в виски, не рвала мозг жаждой крови. И правда, что ли, заснула дядюшкина нелюдь? Хорошо бы... Слишком хорошо, чтобы так просто в это поверить. Всегда ждать худшего – железное правило выживания.

По очереди, напомнил себе Марти. Сначала – отправить в столицу добытые сведения и арестованных, прижать к ногтю азельдорских старшин, а потом – разбираться со здешней стаей. А сейчас – спать.

Заснул он мгновенно, едва успев ощутить под щекой подушку. Вот только...

Никогда прежде Игмарт не путал сны с явью. Теперь же точно знал, что сон его – не из тех, что можно позабыть поутру, выкинуть из головы, развеять солнечным светом.

Он стоял в огромном пустом зале, затянутом скрывающей стены серой дымкой. Пол из багрового с черными жилами гранита. Зыбкий свет – будто в полнолуние в ясную ночь, последи заснеженного поля. Вязкая, глухая тишина.

И страх. Даже не страх – ужас.

Игмарт не привык бояться. Слишком рано он понял, что страх – самая легкая дорога к гибели. За всю свою щедрую на опасности жизнь только однажды он испытал такую темную, слепую, нерассуждающую панику.

Правда, то «однажды» растянулось не на один день.

«Я не твой», – непослушными губами прошептал Марти.

«Мой», – засмеялась в ответ пустота. «Мой-мой-мой», – зашептала в уши уже не серая, а багряная дымка. «Дважды мой!» – ударило наотмашь чужое злое торжество.

Он побежал, но бежать здесь оказалось бесполезно. Багровый туман оплетал ноги, хватал за руки, душил, обвивая удавкой шею. Воздуха не хватало, да и был ли здесь вообще воздух? Грудь разрывало болью, каждый шаг отдавался ударом молнии вдоль хребта, перед глазами плясали черные мушки, складываясь в ненавистное лицо.

«Ты убил меня, щенок, но я отомщу!»

– Я убью тебя снова!

«Попробуй».

Марти хотел выхватить меч, но щупальца тумана стянули руки, плетью ударили по ногам. Королевский пес упал на колени.

«Вот так, – взвихрилось беззвучным смехом лицо мертвеца. – Это тебе подходит, щенок. Этим и кончится, ты будешь стоять на коленях и умолять... умолять... умолять! Я дождусь тебя, помни!»

Марти проснулся в ледяном поту, сердце бешено билось, а во рту стоял мерзкий привкус крови. Полная луна окрашивала ночь серебром, превращала снежинки в звезды, а звезды – в туманные огоньки. Полная луна, солнце мертвых, размывающее границы между миром живых и нижним миром...

Ночью Анегарду пришла странная мысль. «Неправильный план». Два тревожных слова разбудили его не хуже набата, громом стучали в висках, ворочались колючим льдистым комом в животе. Странная мысль – потому что Анегард, хотя сам того не особо замечал, привык уже полагаться на опыт и умения королевского пса, верить его решениям. Что же теперь не так?

Игмарта ищут в Азельдоре как убийцу герейновского мага. Но теперь он – Герейн. К тому же на королевского пса напасть – не на менестреля безродного, это уже покушение на власть короны, выходит, и магу поделом, и город при должном нахальстве можно в виноватые загнать. А уж нахальства у Игмарта хватит.

Нет, в Азельдоре опасаться особо нечего. Что же не так?

Анегард встал, подошел к окну. Лунный свет заливал замковый двор, отбрасывал странные зыбкие тени, вихрился туманной дымкой. Где-то в этом тумане тени сгущались в голодных тварей. Лотар не слышал их сейчас, но ощущал терпеливое ожидание, полное уверенности. Они знали, что их час придет.

– Тебе нельзя ехать, – сказал он утром.

– С какого перепугу? – нахмурился королевский пес.

– Только ты защищаешь сейчас свой замок и всех людей в нем. Твари чувствуют тебя. Только твое присутствие не дает им напасть.

Игмарт длинно выругался. Спросил бесцветным голосом:

– Уверен?

– Да, – резко ответил Анегард. – Или ты думаешь, что барон Лотар не отвечает за свои слова?

– Прости. – Марти нахмурился. – Так это что получается, мне теперь отсюда и нос не высунуть?

– Не знаю. По деревням своим, наверное, можешь проехаться. А вот далеко лучше бы не отъезжать.

– Прежний Герейн вполне себе отъезжал.

Анегард пожал плечами, не зная, какими словами выразить смутное впечатление:

– Он ими командовал, а ты... Может, тебе что-то сделать нужно, как-то свое право доказать. Я не понимаю. Только чувствую, ждут они чего-то. И так, знаешь, уверенно ждут. Как будто они здесь хозяева, а не ты.

Марти снова выругался и застонал, запустив пальцы в волосы.

– Что же делать?..

– Зигмонда ждать. Разобраться пока, что здесь творится, бумаги еще раз пересмотреть, людей расспросить подробно. В Азельдор я один могу съездить, отправлю...

– Нет! – королевский пес и договорить не дал. – Не поедешь. Извини, Лотар, не отпущу. Мне твой дар здесь нужен.

Анегард подавил раздражение. Резкое «не командуй» просилось на язык, но, пожалуй, новоиспеченный Герейн прав: человек, способный слышать нелюдь, здесь может оказаться не просто нужным, а жизненно необходимым.

– И еще, Лотар, – продолжил Игмарт, – обойдется пока что его величество без нашего доклада, без пленников и без тех писем. Не хочу я твоих ребят отпускать. Нюх, знаешь ли, не советует.

– Как скажешь, – мрачно согласился Анегард. – Я тебе сейчас для чего-нибудь нужен?

– А в чем дело?

– Если нет, пойду на башню, послушаю.

– Иди, – Игмарт, похоже, уже думал о чем-то другом, и его не волновало, пойдет молодой барон Лотарский на башню, в подвал или вовсе к бесам под хвост. Поэтому ничего больше Анегард говорить не стал.

Башня встретила холодным ветром, крупным снегом в лицо. Тишина здесь стояла – по-настоящему зимняя, сонная, обманчиво безопасная. Темнел у подножия холма лес, полускрытый снежной завесой, серой лентой извивалась дорога, за белыми проплешинами полей едва угадывались соломенные крыши приземистых крестьянских домов. Белесый печной дым стелился к земле, растворялся в снежной пелене – еще немного, и почувдится, что по всей округе и вовсе люди не живут. В такую погоду бесполезно искать птицу-глаза и осматривать землю с высоты, как собирался сделать Лотар, зато очень хорошо слышно чужую тревогу. Закрывать глаза, отпустить самый краешек своей души в надмирье, вслушаться...

Тихо.

Тихо, но не спокойно. Размытым фоном, не до конца затихшим эхом – застарелый, привычный страх. Как болотная ряска, затянувшая светлую гладь озера, как плесень, вьевшаяся в столетние камни. И не найти концов: слишком давно, слишком много следов для того, чтобы потянуть за незримые нити и вызнать, выследить, где скрывается источник этого страха. Плесень, она и есть плесень: расползлась...

Лотар сжал кулаки, досадливо тряхнул головой. Видно, придется Игмарту самому искать. Или ждать, пока доберется сюда Зигмонд, уж тот, наверное, быстро с герейновским наследством разберется. Пока же – только быть начеку постоянно.

Спустившись, он нашел Марти в кабинете. Тот сидел на полу, вокруг неровными стопками громоздились бумаги: отдельно старые пергаменты, отдельно свитки и прямоугольники писем, растрепанные книги с хозяйственными записями, какие-то разрозненные листы...

– Никогда не умел с бумажным хламом разбираться, – затравленно пожаловался Игмарт. – Здесь нужен, я не знаю, архивариус какой-нибудь. Кто вообще всем этим хозяйством занимается, скажи мне?

– У нас – управляющий, – Анегард хмыкнул. – Только проверять его надо временами, а то от безнадзорности воровать начинает.

– О боги...

– А барон Ордисский – помнишь, останавливались мы у него? – тот сам все эти дела ведет.

– Конечно, – сморщился Игмарт, – сидит сиднем в своих землях, чего ему. Не на службе ведь.

Анегард пробрался между бумажных завалов к столу.

– Нашел что-нибудь интересное?

– Если бы! Я раньше чокнусь. И главное же, нюхом чую, есть тут

что-то, не может не быть. Все тайники, которые знал, проверил...

– Значит, не все знал.

– Значит, – зло согласился Игмарт. – Стол весь перещупал, шкаф тоже, пол простучал... Вот же проклятье, хоть обивку со стен сдирай!

Встал и, ругаясь в голос, начал засовывать бумаги в шкаф.

– Я бы на твоём месте, – медленно сказал Анегард, – расспросил людей. Кто-то что-то мог случайно видеть. Опять же эти, что в подвале у тебя сидят...

– Да, – Игмарт захлопнул дверцу шкафа и пнул её ногой. – Эти, что в подвале, уж наверное, много чего расскажут. А у меня как раз настроение подходящее. Лишь бы ненароком не покалечить.

– А говорил, умеешь запугивать. Тебе, к слову, есть чем пугать и кроме королевских палачей. Ты теперь хозяин не только замка.

– Ну да, – лицо королевского пса перекосила злая ухмылка. – Как я мог не подумать. Пообещаю отдать нелюди на ужин, послушаю, что запоют.

– Попробуй, – кивнул Анегард. – А я, если хочешь, поговорю с челядью. Тебя они, мне кажется, боятся.

– Поговори, ты умеешь, – согласился Марти. – Ладно, пошел я. Посмотрим, что из всего этого получится.

Первым Марти навестил мажордома. «Если нужно допросить двоих, – учил когда-то Аскол, – всегда начинай с труса». Хотя, на взгляд Игмарта, трусами были оба – а вернее, оба хотели жить и понимали, что спасут их только доказательства преданности королю.

Едва шагнув в отведенную узнику камеру, Игмарт понял, что не ошибся. В затравленном взгляде дядюшкиного мажордома ужас мешался со звериной жадной жизни. Этого и ломать не нужно, уже сломлен. Главное теперь – задать правильные вопросы.

– Ну, здравствуй, Улле, – ухмыльнулся в лицо пленнику Игмарт. – Как спалось? Кошмары не мучили? Хозяин-покойничек в гости не залетал?

Улле моргал непонимающе, явно пытаясь сообразить, чего именно от него хотят. Марти прислонился к стене у дверей – неровный камень обжег спину холодом.

– Рассказывай, Улле.

– Чт... – тот икнул. – Что рассказывать, господин?

– Все рассказывай, – Марти выдал самую угрожающую из своих ухмылок. – Как твой господин колдовал, как ты ему помогал...

– Не помогал я! – окончательно запуганный Улле аж головой замотал – видать, для пушцего убеждения. – Что вы, господин, разве ж меня

допустили бы! Маг ему помогал, маг! Пришлый, с севера откуда-то, Суриш звать. Он и в чарах разобрался, он все и делал!

– Не сходится, – отрезал Марти. – Дядя приносил жертву, когда Суриш был уже мертв. Я видел, он прекрасно знал, что нужно делать.

– Так... маг же ему и объяснил!

– Да, конечно, – покивал Марти. – Маги, они такие, направо-налево своими секретами разбрасываются. Кому еще он объяснил?

А сам прищпорил мысленно: ну же, давай, я такую лазейку тебе подсунул, ворота, настезь распахнутые, а не лазейка! Если в тебе есть хоть капля сметки, сообразишь, а сметка должна быть, и хитрость, и увертливость, иначе ты бы здесь не выжил.

Улле ожидания оправдал.

– Господин всегда и все желал держать под своим контролем, – зачастил он. – Суриш ему рассказал о чарах до последней мелочи, уж поверьте. Но господин убил бы любого другого, кто попытался бы проникнуть в его тайны. А мага он держал за глотку, тот у себя на севере, говорят, наследил.

– Кто говорит? – прервал Марти.

– Не помню... Все говорят. И слуги, и стража.

Марти недоверчиво хмыкнул: обычно о таких «следах» молчат мертво, господин еще может знать, особенно, если за глотку держит прошлыми прегрешениями, но слуги?!

– Да тот и сам не особо скрывал, – торопливо пояснил Улле. – Мне, говорил, терять нечего, трупом больше, трупом меньше, без разницы.

Ага, кивнул Марти, другое дело. Правда это или нет, вопрос десятый, но как способ запугать простых людей – отлично работает.

– Продолжай.

– Мне ведь не рассказывали ничего, – Улле сглотнул. – Я только исполнял приказы.

– Какие?

Марти ждал, но дядюшкин мажордом замолчал мертво, только сглатывал и моргал.

– Отвечай, пока я готов слушать. Какие именно приказы ты исполнял? Да не жмись, как целка, и без твоих признаний ясно, что ничего хорошего. Или надеешься беленьким прикинуться? Я ведь могу и людей порасспрашивать.

– Я... я должен был привозить им людей, – сиплым шепотом выдавил Улле. – Только привозить, больше я ничего не знал.

– Не хотел знать, – уверенно поправил Марти. В груди

заворочалось тяжелое бешенство. – Не хотел. Но ты, мразь, не зная не мог. Все ты знал, тварь ублюдочная, еще и свой кусок наверняка имел. Многим откупиться предлагал? Сколько тебе должны были платить, чтобы детей не трогал?

– Не-ет, – длинно всхлипнув, закричал Улле. – Поверьте, господин, какой там кусок, я об одном мечтал, чтоб самому живым остаться, я не мог ничего сделать, ничего не мог, я исполнял приказы, если бы я послушался, меня бы самого скормили тварям, я не хотел, поверьте, господин, я не хотел, не хотел, я просто не мог ничего, только исполнял прика-а...

Марти шагнул к пленнику и коротко, без замаха, ударил в челюсть. Клацнули зубы, изо рта, с разбитых губ потекла кровь. Марти брезгливо обтер руку. Спросил:

– Сколько их было? И кто это был, откуда ты их возил, где брал, как? Ну?

Мерзавец молчал, трясущимися руками ощупывая разбитое лицо.

– Хочешь, чтобы мне другие за тебя рассказали?

– Я расскажу, – прохныкал Улле, – расскажу, только пощадите, господин, я ведь не мог...

– Не начинай снова про приказы, – Марти казалось, что внутри у него шевелится, мерзко извиваясь, клубок ядовитых змей. Тошно, мерзко, убить бы негодяя голыми руками, да пока живым нужен.

А тот, словно по лицу Игмарта прочитав его ничего доброго не сулящие мысли, часто и суетливо закивал и наконец-то заговорил по делу.

Своих смердов, как оказалось, дядюшка все же берег. Улестил азельдорских старшин и магистрат и регулярно получал смертников из городской тюрьмы – разбойников, конокрадов, воров, а иногда и безнадежных должников, хотя тем, по закону, полагалась не смертная казнь, а каторжные работы. Два или три раза – как думал Улле, по понятным причинам оставлявший свои догадки при себе – ему подсовывали и вовсе невиновных. Может, чьих-то конкурентов, или врагов, или просто мешавших кому-то. Улле боялся вникать в эту омерзительную торговлю больше, чем требовалось: получил, заплатил, привез, сдал господину или магу, получил свою награду и забыл обо всем до следующего раза. Однако привычка замечать мелочи делала свое дело – Улле знал, что жертву богине его господин приносил три или четыре раза, и только первый из них – с помощью мага.

– Диррих должен знать точно, – Улле воровато оглянулся, как будто капитан мог выпрыгнуть на него из стены. – И про этих, и про остальных.

– А остальных? – спросил Марти. – Нелюди скармливали?
Улле закивал. Сглотнул, шмыгнул носом. Пробормотал:
– В лесу есть поляна... Они туда прилетали, когда господин их звал.

– Показать сможешь?
Марти не сомневался в ответе. Конечно, мерзавец только головой замотал:

– Нет, господин, жизнью клянусь. Я не знаю точно, Диррих знает! Мое дело было – привезти из Азельдора, кого там дадут, и все, я ничего больше не...

– Заткнись, – Марти сжал и разжал кулаки, вздохнул глубоко, заставляя себя успокоиться. – Я тебя понял, об остальном нужно спрашивать Дирриха.

Улле снова закивал, часто и с видимым облегчением.

– А вот еще что скажи, – почти наугад закинул удочку Марти. – Мой дядя делал какие-нибудь записи? Ну ты понимаешь, Улле, ты же такой умный человек, понимаешь, что я имею в виду? Записи не для посторонних глаз?

– Да, да, – теперь бывший мажордом закивал с очевидной радостью, а Марти мельком подумал: как у него еще шея, интересно, не отвалилась? – Я понял, я видел, вам нужен личный дневник господина. Книжечка в коричневой коже, он держал ее в столе.

– В столе? – переспросил Марти. – Я обшарил оба его стола так тщательно, что там и клочок бумаги бы не завалился, не то что книга.

– Не в кабинете, – отчего-то понизив голос почти до шепота, сообщил Улле. – Стол в спальне, там тайник под столешницей, нужно нажать на след от сучка на правой передней ножке.

– Вот как, – ухмыльнулся Марти. – Ты и в самом деле бесценный слуга, Улле. Знаешь все тайны своего господина, да?

Дождаться ответа не стал – хватило того, что негодяй аж посерел от страха. Вышел, помедлил несколько мгновений, колеблясь: идти сразу в спальню к дядюшке или сначала заглянуть к Дирриху. Решил, что чем дольше капитан подождет, тем сговорчивей будет, и побежал наверх.

В спальне дядюшки он еще не был, и сейчас корил себя за столь очевидное упущение. Не иначе, затмение нашло! Привык, что отец вел дела строго в кабинете, вот и... Игмарт мотнул головой, отгоняя воспоминания. Он исполнил долг перед родителями, отомстил за них. Теперь нужно исполнить долг перед родом – вернуть Герейнам былую славу и доброе имя. А горевать можно будет после. Если останется время на такие

глупости. В конце концов, разве он не отгоревал свое шестнадцать лет назад? Хватит. Он мужчина, воин и глава рода, его должны волновать сегодняшние дела, а не давние воспоминания.

Дядюшка, как оказалось, любил роскошь. Марти почти с ненавистью оглядел увешанные коврами стены, широкую кровать, застеленную драгоценным шелковым покрывалом, мягкое кресло, стеклянные и серебряные кубки на полке над столом. С такими замашками не в глухой провинции сиднем сидеть, а блистать в столице. Марти криво усмехнулся: может, еще и поэтому дядюшка так его ненавидел? Предательски убив брата, захватив родовой замок и землю, приносившую немалый доход, он даже не мог в полной мере воспользоваться плодами своей победы. Ведь в столице был Игмарт, и не просто в столице, а при короле, и благодаря Игмарту король знал о преступлении Готфрида Герейна против собственного рода.

Королевский пес зло пнул кресло, отодвигая его от стола, и нагнулся, разглядывая правую переднюю ножку.

Улле не соврал: тайник нашелся без труда, а в тайнике – небольшая книжица в коричневом кожаном переплете, растрепанная от частого употребления, с пятнами от чернил и пива. По виду не скажешь, что для хозяина она имела ценность. Марти хмыкнул, завалился в кресло, закинул ноги на стол, и раскрыл находку на первой странице.

Зигмонд ненавидел вспоминать.

Воспоминаний накопилось слишком много. Они плескались за тщательно выстроенной Зигмондом плотиной спокойного отчуждения – то бурным морем, то бездонным вязким болотом. Позволь хоть крохотному ручейку просочиться, и плотина рухнет, а там – захлестнет ли волнами, затянет ли в болотную гниль, все равно гибель.

Но теперь плотина опасно трещала, подаваясь под безжалостным напором прошлого. Зигмонд летел на юг – туда, где начались когда-то все его беды, в места, с которыми до сих пор связывало слишком многое.

Когда-то он жил там – человеком. Любил женщин, сражался, пил терпкое вино и крепкую брагу. Были у него друзья, были и враги – такие же люди, как он. Жена была, сын. Был замок, слуги, верные воины. И он, молодой и глупый, принимал это счастье как должное. До того самого дня, когда разгневанная богиня решила напомнить избраннику о своей власти.

Он не сразу понял, что происходит, а когда понял – не сразу поверил. Мечь богини затуманила разум, поначалу Зигмонд решил, что ему попросту снятся кошмары. Оказалось – явь. Разорванное горло деревенской девчонки, кровь на руках, дикое желание облизать пальцы, чужой ужас, хлещущий в голову. Безумный смех за спиной – кажется, мать или бабка девчонки спятила от ужаса. И такой же безумный смех – за той границей, откуда лишь избранныкам дозволено иногда слышать голос своего бога. «Ты мой, мой, мой! Я получу от тебя столько жертв, сколько захочу, и не тебе спорить со мной, никчемное создание!»

Осознав происходящее, барон Зигмонд Герейн попытался взять ситуацию под контроль. Он, в конце концов, должен был отвечать за своих людей, как подобает господину, а не охотиться на них, подобно дикой твари. Но какое там ситуацию, если он сам себя контролировать оказался не в силах! На него находило внезапно, словно мутная пелена укутывала разум, а когда отпускало – приходилось отдавать одежду прачке, и во рту долго ощущался солоноватый вкус, ни вином, ни брагой не получалось заглушить.

Больше всего в те безумные дни он боялся за жену и сына. Он сам не понимал, каким чудом, какой милостью богов не тронул их. Он отправил их прочь, к родственникам жены, как только осознал опасность. И все равно – боялся. Его сын остался теперь единственным, кто мог продолжить род Герейнов.

То время Зигмонду до сих пор тошно было вспоминать – а забыть не получалось. Ничего нет отвратительней для мужчины и воина, чем ощущение собственного бессилия, полного подвластия чужой воле. Ничего нет унижительней смеха вслед за словами: «Ты будешь делать то, что я хочу». Даже если это – слова и смех богини.

Проклятие, как чума, расплзлось по землям Герейна. Он пытался бороться, но проигрывал. Безнадежно проигрывал – сам себе. Какая злая ирония.

И тогда он отправил гонца в Азельдор.

Человек, которому написал барон Зигмонд Герейн, однажды уже помог ему. Человек этот был сведущ и в кровавой магии, и в хитростях отношений с богами: мэтр Иссанар, азельдорский архивариус, бывший глава столичной гильдии магов. Что почтенный мэтр не поделил с коллегами в столице, почему довольствовался не столь уж почетной должностью в далекой провинции – этого барон Герейн не знал. Да и не стремился знать – не зря говорят: «В дела магов не лезь, голова целее будет». Он просто сделал все, что было в его силах, дабы оказать

столичному гостю хороший прием в Азельдоре – а сил и влияния у барона Герейна тогда хватало. Может, в столице сведущих магов – как псов на помойке, а им здесь такой маг – на вес заговоренного серебра.

Мэтр Иссанар оценил прием, который ему оказали, и оплатил за добро добром полной мерой. В Азельдоре его знали и уважали, ни разу не слышал Зигмонд Герейн, чтобы о столичном маге отозвались «город его приютил», а только – «мэтр оказал нам честь, выбрав Азельдор». И теперь Зигмонд ждал его, как последнюю свою надежду.

Надежда не подвела.

Почтенный мэтр приехал к вечеру, не побоявшись наступающей темноты и приходящего вместе с темнотой безумия барона Герейна. Зигмонд до сих пор помнил нахлынувшую тогда панику: если он, потеряв разум, накинется на мага, одному из них точно не жить! И хорошо, если самому Зигмонду... Но маг лишь усмехнулся в ответ на гневно-испуганный вопрос барона. И сказал:

– Не нужно бояться. Сегодняшнюю ночь вы проведете в полном разуме, господин барон. Я ручаюсь.

– Вы можете... избавить меня от этого? – голос Герейна прервался, горло как будто сжала когтистая шершавая лапа.

– К сожалению, нет, – вздохнул маг. – Но оградить на одну ночь – сумею. Мне нужно посмотреть на нити связавших вас чар, проследить их сплетение. Тогда станет ясно, что можно сделать. Пойдемте куда-нибудь, где нас не потревожат.

Зигмонд вел мэтра Иссанара в кабинет, а внутри нарастала мерзкая тошнотная дрожь. Эта ночь должна была решить судьбу барона Герейна.

Он ждал каких-то чар, ворожбы, но маг просто усадил его в кресло, велел расслабиться и предупредил:

– Может быть неприятно.

Зигмонд откинулся на жесткую дубовую спинку и закрыл глаза. Неприятно не было, скорее щекотно, а иногда сквозь щекотку будто пробивались толстые тупые иглы. Кололи то вокруг затылка, то у висков, перебегали с шеи на ключицы, с ключиц на грудь, заставляя сердце пропускать удар. Потом что-то дернуло в голове, взорвавшись ослепительно белой болью – словно к мозгу прицепили крючьями колючую веревку и рванули со всей дури. И Зигмонд провалился в беспамятство.

Очнулся он поздним утром, в то время, которое сам привык обозначать как «давно уже день на дворе, лентяи». В распахнутое окно

лились солнечные лучи – и тишина. Только далеко над лесом слышался вороний грай.

А сердце сжимало понимание, которое барон Герейн не сумел бы выразить словами.

– Что со мной? – тихо спросил он. – Я как будто знаю что-то, а поймать не могу. Ускользает.

– Оно придет постепенно, – кивнул мэтр Иссанар. – Вы и в самом деле теперь знаете многое, что еще вчера было вам недоступно, господин барон. Однако, поскольку получили вы эти знания не путем честной учебы, а ворожкой, понять их вы пока не в состоянии. Потребуется время. Но, увы, времени у вас будет предостаточно.

Зигмонд медленно кивнул: это он тоже знал, хотя и не мог объяснить.

– Я передал вам все, что знаю сам о магии крови. Так у вас будет хотя бы надежда. Когда-нибудь, со временем...

– Значит, сейчас ничего сделать нельзя? – Зигмонд сам не узнал свой голос: севший, насквозь пронизанный безнадежностью.

– Только оградить людей от...

– От меня, – продавил сквозь сжавшееся горло Зигмонд. – Слава богам, хотя бы это.

– От вас и ото всех, кого вы успели... задеть. Полагаю, вы предпочли бы смерть тому выходу, который я могу предложить, но я очень сомневаюсь, что ваша богиня даст вам умереть. Вернее, – мэтр вздохнул и слегка развел руками, – я не сомневаюсь в обратном.

Барон поднялся, налил вина в два кубка.

– Мэтр Иссанар, я мужчина и воин. Вы зря щадите мои чувства. Говорите прямо, прошу вас.

– Хорошо.

Маг помолчал, баюкая в ладонях кубок, а когда заговорил, голос его стал резче и жестче.

– Теперь – со временем – вы начнете лучше понимать свою богиню. Хочу надеяться, господин барон, что рано или поздно это сослужит вам добрую службу. Пока же единственное, что можем мы сделать, это загнать проклятие в некие границы, не дать ему расти и шириться. Мне очень жаль, господин барон.

– Что вы можете? – глухо спросил Герейн. – Что именно?

– Определить и оградить некую заповедную территорию. Загнать туда всех, кого успело коснуться ваше проклятие, и закрыть от людей.

– Навсегда?

– В меру сил, – маг слегка развел руками. – Кто может знать будущее?

Зигмонд хотел еще спросить, есть ли на примете подходящее место – где будет теперь дом Зигмонда Герейна, но промолчал. Снова сдавило горло. Дом... Не бывает у нелюди дома. Только нора, берлога, логово.

– Полагаю, вам нужно уладить дела, – тихо сказал мэтр Иссанар. – Я пока займусь приготовлениями. Хорошо бы успеть до боговорота. Если позволите, я останусь у вас на эти дни.

– Я буду рад, но...

– Не тревожьтесь, господин барон, – мэтр понимающе улыбнулся. – Моих сил хватит, чтобы удержать барьер эти несколько ночей. Давайте спокойно все те дела, которые вы должны завершить.

Зигмонд молча кивнул.

Так мир людей захлопнулся перед ним – внезапно и, как он полагал, навек.

Он написал длинное письмо жене и два сыну – одно прощальное, полное, как он надеялся, любви и ободрения, и второе – с объяснениями. Его должен был передать следующему барону Герейну мэтр Иссанар, когда мальчик вырастет и полностью войдет в права наследования. Ведь теперь его наследством становилось не только баронство, но и огражденный прочными чарами кусок леса вокруг старого храма между баронством и землями Азельдора. Чары мэтр Иссанар укрепил кровью Герейнов, связав ею же проклятых. Это, как объяснил он Зигмонду, позволяло поддерживать барьер с обеих сторон. Хорошее решение.

Дни до боговорота пролетели слишком быстро. А потом наступила вечность.

Вспоминать эту вечность Зигмонд не желал. Желал он другого – выяснить, как случилось, что барьер пал и земли Герейнов снова под угрозой. Он не задумался об этом, пока был нелюдью. Просто однажды почувствовал, что барьер ослаб, и увел свою стаю прочь, не осознавая, что именно делает и почему. Но теперь, вернувшись к человеческой жизни, бывший барон Герейн собирался исправить былые ошибки, заплатить долги и наконец-то навсегда покончить с проклятым прошлым.

Дневник Готфрида Герейна оказался весьма интересным – не будь писавший его человек уже мертв, эти заметки любой своей страницей привели бы того в руки королевских палачей. Неосторожен был покойный дядюшка, усмехнулся Марти, бегло пролистав исписанные четком крупным почерком страницы. Крайне неосторожен. И, похоже, не слишком доверлял

своей памяти. Опасное качество для заговорщика, не брезгующего запретной магией.

Имена и предполагаемые должности при новом короле, несколько разных шифров с ключами, короткие заметки о короле и его приближенных и длинные, подробнейшие записи о чарах. Взгляд выхватывал то слово, то фразу, и с каждой страницей Игмарт все яснее понимал, какое сокровище попало ему в руки.

Осторожно постучав и едва приоткрыв тяжелую дверь, заглянул в щелочку слуга, извиняясь и кланяясь, позвал обедать. «Пуганые они тут», – в который раз подумал Марти. Сунул книжицу за пазуху – выпускать ее из рук он не собирался ни на миг – и пошел вниз.

Анегард уже ждал его в большой обеденной зале – сидел, небрежно облокотившись о стол, и о чем-то расспрашивал кухонного мальчишку. Тот кивал, поглядывая на дверь, и, едва увидав Игмарта, сделал движение сбежать.

– Стой! – рявкнул Анегард. Добавил тише: – Твой новый господин тоже захочет услышать это все.

– Нарыл что-нибудь интересное? – спросил Марти.

– Куда уж интересней, – зло бросил Анегард. – О том, как капитан Диррих порядок здесь поддерживал.

– Тоже жертвы? – поморщился Игмарт. – Я с мажордомом говорил, тот из Азельдора людей возил, осужденных. Похоже, этим тварям часто еда нужна.

– У нас бабку взяли, – тихо сказал мальчишка. – Старая потому что и работать не может. А у Гаськи-посудомойки жениха, потому что господина кровососом назвал. А Гаська теперь голоса слышит, говорит, жених к ней прилетит и с собой заберет. И окно по ночам открывает, а тетка ее боится, вдруг и правда прилетит. Ругает Гаську, а та как не в себе.

– Весело, – едва сдерживая накатившее бешенство, процедил Марти. – И давно так живете?

– Да не очень, – мальчишка почесал в затылке. – С весны где-то. Раньше господин тоже, бывало, вытворялся, но чтоб так – нет.

– С весны? – переспросил Анегард. Игмарту почудилась в его голосе странная растерянность, как будто Лотару пришла в голову неожиданная, ему самому крайне неприятная мысль. Но переспрашивать при челяди не хотелось, и Марти отложил в памяти поговорить после, без лишних ушей.

Пока же он отпустил мальчишку и отдал должное мясу с овощами, паштетам и пирогам. И вину, само собой – вина у дядюшки собраны были

отменные. Любил пожить покойничек.

– Надо деревни объехать, – сказал после обеда Лотар.

– Завтра, – кивнул Марти. – С утра двинем. А лучше давай сам, вдруг ты прав и мне лучше вовсе пока из замка не соваться. Что у тебя с разговорами, кстати, есть что полезней жалоб?

– Нет пока. Но я продолжу, если ты не против.

– Продолжай, – пожал плечами Марти. – Если вдруг что, я в кабинете.

– Хорошо.

И они снова разошлись.

Марти поднялся на башню, прежде чем вернуться в кабинет. Огляделся. Тучи разошлись, и свежий снег сверкал под солнцем ослепительной, нетронутой белизной. Белизну пересекали сероватая лента дороги и черные полосы леса между лоскутьями полей. Где-то в том лесу ждала крови дядюшкина нелюдь. Прикормил, сволочь... Игмарт скрипнул зубами, глухо выругался. Радостный солнечный денек показался злой насмешкой.

– Вы там, да? – крикнул Марти в сторону далекого леса. Тишина отозвалась в висках тревожным ожиданием. – Ждите, – процедил королевский пес, – ждите. Я приду, и тогда поглядим.

Развернулся и сбежал вниз, в тепло, за закрытые двери, к треску огня, за которым не слышно этой тревожной голодной тишины.

Раскрыл дядюшкин дневник. Настала пора изучить его более тщательно.

Первую страницу Игмарт пролистнул: ее украшало генеалогическое древо Герейнов, и видеть на его вершине имя мерзавца и братоубийцы было противно. Но какая-то неправильность успела царапнуть сознание, Марти перелистнул страницу обратно и принялся разглядывать мелкий рисунок, прослеживая хитросплетения семейных связей ниже и ниже, от поколения к поколению. Улыбался знакомым именам, вспоминая голос отца – тот любил рассказывать сыну истории о благородных предках.

Вот Талассан Герейн, двоюродный дед, капитан дворцовой стражи. Погиб, заслонив короля от стрел мятежников. Прадед, Коллен, единственный в роду маг – мог бы стать главой столичной гильдии, а то и личным магом короля, а вместо этого всю жизнь путешествовал, по крохам собирая мудрость и тайные знания чужих народов. Эстаден, пра-пра, бессменный королевский посол, первый, кому удалось заключить мир с ишарами. Привезенные им с юга дымчатые опалы украшают

церемониальный королевский меч и корону, а записи хранятся в королевской библиотеке – и еще неизвестно, что более ценно.

Лайенорд, еще один королевский капитан. Этому не повезло с господином, король тогдашний был трус, тряпка и мерзавец, единственное, что мог – наживать себе врагов и ненавистников. Бесславное царствование закономерно закончилось переворотом, на престол сел Озельм Гассонский, племянник свергнутого и пра-пра-прадед нынешнего короля, а Лайенорд, верный вассальной клятве, отказался принять его милости и был казнен.

А вот Игмарт, любимый герой детства – не зря, наверное, отец назвал Марти в его честь. Бабник, шалопай, лихой рубака. Его героизм спас войско в битве под Старухиной Грядой, а о его любовных приключениях до сих пор распевают менестрели. Те же, к слову, «Трактирщиковы дочки»...

Черный кружок, закрашенное имя, а над ним короткое: «Проклятый». О нем обещал рассказать отец, когда Игмарт вырастет. Не успел.

Поколение за поколением – воины и полководцы, королевские посланники и советники, интриганы и тихие домоседы...

Игмарт нашел зацепившую его взгляд неправильность, почти дойдя до корней дерева – до Астарга, основателя рода. Игрейма, старшая внучка Астарга. От Игреймы тянулась линия, которую Марти не помнил.

Лингард, официально признанный бастард короля Тиргарда. И их с Игреймой сын. Единственный на тот момент законный наследник престола. Королем так и не стал, однако...

Марти перевернул страницу. Смутная догадка подтверждалась сделанной дядиным почерком записью: «Поскольку права Лингарда на престол были признаны и до сих пор неоспоримы, права эти сохраняются и за его потомками. Таким образом, у Герейнов не меньше прав на корону, чем у Гассонов, а, возможно, и больше, учитывая древность рода. Первый из Гассонов сел на трон лишь потому, что нашел повод казнить Лайенорда Герейна, своего прямого соперника».

Та-ак.

Интересные мысли дядюшка думал. Вот, значит, до каких высот простиралось его честолюбие. Замахиваться, так сразу на корону, меньшее не привлекает? Силен, покойничек.

«Это и твои права», – шепнул в голове вкрадчивый голос. Марти захлопнул книжицу, швырнул на стол. Обернулся к окну.

Уже сгустились сумерки, и снова шел снег – легкий, невесомый, в лунном свете похожий на пелену тумана. И там, за снегом, кто-то ждал

нового Герейна, звал, искал голодным взглядом, манил силой и властью. Шептал: «Возьми свое».

– Идите к бесам, – буркнул Марти. Задвинул оконный проем тяжелым ставнем, подкинул толстое полено в камин. Поколебавшись несколько мгновений, зажег свечу и снова взялся за дядюшкины записи. Любопытно было, какие еще сюрпризы ждут на этих страницах.

Анегард спал беспокойно и поднялся поутру с тяжелой головой. Что снилось, не помнил, но от сна осталось тягостное чувство неустроенности и ожидания.

За окном белел свежавыпавший снег, и везде – и в мире, и над миром – стояла такая полная, глубокая тишина, будто сгинули в одночасье и люди со зверьем, и нелюди с нечистью, и даже боги крепко уснули. Анегард представил на мгновение, как было бы, останься он и впрямь один на всем свете, передернулся и поспешил вниз – убедиться, что безмерное это одиночество ему лишь почудилось, и выкинуть его из головы.

Убедиться получилось, а прогнать тягостное чувство – нет. Анегарда накормили завтраком, заседлали для него коня, открыли калитку рядом с конюшней и даже предложили стражников в сопровождение, а все казалось, что вокруг – лишь тени.

– Куда желаете, господин? – спросил стражник, которого Анегард все же взял с собой. Пожилой, неторопливо-степенный, хмурый, он смотрел на молодого барона Лотарского с непонятым вопросом в глубине темных глаз, словно не мог понять, стоит ли относиться всерьез к присланному королем юнцу.

– Покажи мне округу, – попросил Анегард. – Хочу послушать лес вокруг замка. Если деревни какие поблизости, тоже можно.

– Господин барон приказали, чтобы к полудню все в замке были, – глядя куда-то в сторону, сообщил стражник.

Анегард подавил вспыхнувшее раздражение: сам виноват, что не заскочил к Игмарту, с другой стороны, тот в курсе насчет поездки по деревням.

– Значит, подгадай так, чтобы успеть вернуться. Мне не нужно за день все баронство оглядеть, сколько успеем, столько и ладно. Звать тебя как?

– Лоран, – буркнул тот. – Давайте за мной, господин, раз так. Проедем через лес к ближней деревне, потом полями круг сделаем. Как раз к полудню вернемся.

Послал свою крепкую, коренастую лошадку вперед, а Анегард пристроился следом, немного отстав. Тропа спускалась с холма

невероятными зигзагами, на особенно крутых участках казалось, что пешему было бы проще спуститься – напрямик, спрыгивая с одного витка тропы на другой, идущий ниже. Выросшему на равнине Анегарду это было странно, хотя он мог представить, как сложно здесь атаковать и как легко обороняться.

У подножия холма начинался лес. Сначала густой орешник, исчерканный узкими тропками – сразу видно, что сюда ходить за урожаем не боятся. Чуть погодя – тонкие осины вперемешку с ельником, а дальше – густой, мрачный ельник уже безо всяких примесей. По-прежнему слышимая Анегардом неестественная тишина начала вдруг ощутимо давить на сердце.

А кони ничуть не тревожились, и увязавшийся следом пес весело бегал кругами, взрывая рыхлый снег.

– Эй, Лоран! Постой, – окликнул Анегард.

Дождался, пока стражник оглянется – вид у того был не слишком довольный – и спешил, перекинув повод через голову лошади. Сошел с тропы, на первом шаге провалившись в снег по щиколотку, а на втором – по колено. Мелькнула короткая удивленная мысль – надо же, а на открытых местах землю видно, – и тут же ушла, словно тишина эта даже думать мешала.

Анегард закрыл глаза, прислонившись лбом к шершавому тонкому стволу. Отмахнулся, услышав невнятное, словно издали, напряженное: «Что с вами, господин?». Нужно было бы успокоить, ответить: «Ничего», или «Не мешай», – но почему-то казалось важным не нарушать тишину.

Не было ни слов, ни образов, только чувства. Все те же: голод и ожидание, предвкушение, легкая неуверенность – кого слушать, за кем идти, кто накормит? – и убежденность, что «идти» и «накормят» настанет совсем скоро. И жадное, хищное нетерпение.

Ощущения захлестывали багряной душевной волной, перехватывало спазмом горло, скрутило кишки, будто их взялась выжимать слишком усердная прачка. Потом вдруг лицо обожгло холодом, вернулась реальность, и оказалось, что Анегард стоит на коленях в снегу, вцепившись до боли под ногтями в ствол осинки, а Лоран, костеря тройными загибами «не умеющих пить сопляков», растирает его лицо снегом.

Кишки снова скрутило, Анегард оттолкнул стражника, перегнулся пополам. Рвало долго, с желчью и кровью, и чудился на самом краю сознания нетерпеливый голод нелюди, а временами слышался тихий ехидный смех.

Кончилось все дурнотной слабостью, гривой под пальцами – в

седле Анегард едва держался, и Лоран вел в поводу. Медленно, с каждым поворотом тропы, с каждым ее витком ближе к замку, становилось легче, и в какое-то мгновение Анегард наконец-то отрешился от слабости в теле и багряной пустоты в голове и смог думать.

Первую мысль – «отравили» – он отбросил сразу, хотя и казалась она самой вероятной. Но кормили его из общего котла, подававшая еду служанка ничего не могла подкинуть в миску за три шага от печи до стола. Зато Анегард отлично помнил, как откликнулась дурнотой в горле близость Зиговой стаи – а ведь те были вменяемей этих. Отравиться чувствами нелюди – да уж, не думал, что и так бывает.

Случайно ли это совпало с его намерением проехать по деревьям, Анегард не гадал – что толку? Подумал лишь, что правильно отговорил Игмарта ехать в Азельдор.

В замке он сполз с седла, постоял, придерживаясь за гриву, пока не отступила слабость в ногах. Хотел было сказать Лорану, что не пил ни капли, но не стал – пусть думает, что хочет, плевать. Сел у стены, подставив лицо солнцу, закрыл глаза.

Здесь все было как нужно, как всегда. Словно замковые стены сохранили кусочек нормального мира среди пустыни, полной голода и жажды. Здесь фыркали кони и лениво валялись, греясь на солнце, псы, и запертые в птичнике на откорм гуси жадно набивали зобы зерном. И ничего не чуяли.

Вот только люди здесь не смеялись.

Анегард просидел так, пока во двор не вышел Игмарт. Королевский пес казался взвинченным и злым. Что-то приказал идущему следом стражнику, тот кивнул и умчался, а Игмарт внимательно оглядел двор и направился к Анегарду. Спросил резко:

– Что с тобой? Лоран болтал, что напился?

Анегард пожал плечами и рассказал. Марти выругался глухо и зло, протянул руку:

– Вставай, пойдем. Собираюсь дядюшку прикопать, пока здешние вороны от его тухлого мяса не передохли.

Ладонь королевского пса, широкая, твердая и приятно горячая, окончательно вернула Анегарду ощущение реальности. Хотя потусторонняя жуть лишь отступила, а не развеялась.

– Надо Зига ждать, – Анегард поднялся, но не спешил разрывать нечаянное рукопожатие. – Сами не справимся. Не знаю, как ты, а моих сил не хватит.

– Значит, дождемся, – хмуро ответил Игмарт.

«Прикопать дядюшку» в исполнении Игмарта Герейна выглядело как полноценный обряд очищения от нежити. Снятое с ворот тело прежнего Герейна, и впрямь уже изрядно поклеванное птицами, втащили на огромную, щедро политую маслом поленницу, но прежде, чем поджечь дрова, выложили вокруг контур из серебра – Игмарт не пожалел полного кошель монет, – а тело засыпали солью. И все это – под старинные, проверенные временем и поколениями защитные наговоры. Собравшиеся на «похороны» люди – замковая челядь, стражники и даже кто-то из деревни – кивали удовлетворенно. Но Анегарда не оставляла тревога, и отголосок той же тревоги видел он в лице королевского пса.

Подожгли с четырех углов одновременно. Пламя занялось с треском и искрами, и, пока добралось до трупа, за языками огня не разглядеть стало ничего. И все же кто-то из девок ахнул, а кто-то взвизгнул, когда среди огня начали пробиваться густые клубы черного, едко вонючего дыма.

– Не визжи, не встанет, – не оглядываясь, бросил Игмарт. И добавил уже тише, как будто только для одного Анегарда: – Я чую, как его ждуг – там. Только знаешь, Лотар, совсем мне это не нравится.

– А что сделаешь? – философски спросил Анегард. – Мертвому путь один, это мы с тобой, пока живы, можем трепыхаться.

Марти хохотнул невесело, хлопнул Анегарда по плечу. Пламя взвилось выше, дым затягивал двор, заставляя кашлять, и люди медленно, шаг за шагом, отступали от костра. Кое-кто отводил взгляд, а то и отворачивался, страшась всматриваться. Анегард их понимал – ему тоже было не по себе, он ощущал всей сутью нависшую над замком злую тень. Все эти люди слишком долго знали, какая смерть могла настичь любого здесь – их самих, детей, близких. Привыкли каждый миг помнить об этом. И даже теперь – боялись.

А Игмарт стоял почти у самого огня и глядел в пламя с таким напряжением, будто готов был загонять «дядюшку» обратно, если тот вдруг поднимется. И, наверное, именно сейчас все его люди – и те, которые помнили чудом выжившего мальчишку, и те, что впервые увидели его наглым королевским псом – окончательно признали его господином и защитником. Поверили в его силу, как привык, сам не заметив, когда, верить Анегард.

Горело долго. Оседала на снегу черная жирная сажа, порывы ветра то сносили дым в сторону, то прижимали к земле. Люди прикрывали ладонями рты и носы, но не расходились. Наверное, хотели своими глазами увидеть, убедиться, что тот, кто так долго держал их в страхе, теперь в

самом деле мертв, прогорел до пепла и костей. И что останки его, еще раз основательно засыпанные солью и серебром, зарыты, как положено, на нехоженном месте, и завалены диким камнем.

Похороны затянулись до ночи. Анегард не удивился бы, затеяв народ гулянку, но люди тихо разошлись и привычно заперлись. Наверное, не он один ощущал, что давящая тень никуда не делась.

Игмарт тоже был мрачен – мрачней некуда. Дождался, когда разойдутся люди, и сказал с явственно видимым усилием, не поворачивая головы:

– Боюсь один оставаться. Этой ночью чуть не спятил. Думал даже, может, дешевле станет, чтобы ты убил меня сейчас, не дожидаясь...

Чего «не дожидаясь», Анегард спрашивать не стал. Просто пообещал дать в морду, если понадобится срочно приводить идиота в чувство – да хоть прямо сейчас. А потом вспомнил о зельях Сюз и предложил вместе глянуть, не найдется ли там чего подходящего к случаю. На худой конец, снотворное там точно было.

– Бабушка! Бабуля, ты приехала!

Капитан Гарник смотрел, усмехаясь в усы, как баронская дочка Сюзин кинулась на шею деревенской лекарке.

– Бабулечка, милая, родная, как я скучала! – Сюз уткнулась в бабу, всхлипнула. – Тошно уже здесь, то нельзя, так не пристало, и отца расстраивать боюсь, и домой хочу...

Гарник сделал вид, что не слышит. Дом молодой баронессы Сюзин – здесь. Вот только босоногая Сюз из лесного домика, внучка старой Магдалены, никуда не делась, сменив скромный деревенский наряд на парадные платья. Старается вести себя, как подобает, хочет порадовать старого барона, но видно, как ей бывает временами тяжело.

Поначалу, пока Магдалена сидела при старом бароне, отгоняя от него почти неминуемую смерть, девушке было легче. Она оставалась лекаркой – снадобий требовалось много, так что Сюз дни и ночи напролет крутилась на кухне, вместе с бабушкой подбирая травы, перетирая, смешивая, настаивая, отцеживая... Да и барону было не до воспитания чудесно найденной дочери, все силы уходили на борьбу с немощью. Он только иногда останавливал забежавшую с лекарством Сюз, брал за руку, просил:

– Посиди со мной, Сюзин, дочка.

Тогда она присаживалась на табурет рядом с кроватью, и барон молча глядел ей в лицо. Или рассказывал что-нибудь, то и дело срываясь на кашель и делая длинные паузы – отдышаться.

Потом смерть отступила, немощь – тоже, Магдалена вернулась в деревню, а старый барон вспомнил об отсутствии у дочери должного воспитания.

Сюз, надо признать, старалась. Не жаловалась. Но временами Гарнику чудилось, что вот-вот девушка сорвется. Решит, что спокойное житье в лесном домике и всеми уважаемая работа знахарки куда как лучше признанного благородного происхождения со всем к нему прилагающимся – красивыми нарядами, подобающим поведением и дочерним послушанием. Хотя наряды ей нравились, а подобающее поведение давалось, кажется, довольно легко.

Как-то Гарник даже спросил – как, мол, настроение, не тоскливо ли. Сюз только рукой махнула. А после начала расспрашивать за Азельдор да за королевское поручение, да скоро ли Анегарда обратно ждать.

Если и думал Гарник, что девушка ждет не только Анегарда и не только за него волнуется, делиться мыслями с господином не спешил. Сюз воспитана хоть и в строгости, но самостоятельной, ей и так нелегко привыкнуть к положению запертой в замке благородной девицы. А старый барон с каждым днем все меньше отпускает от себя «чудом найденную» старшую дочь. Даже травы перебирать и сортировать велел не в кухне, как та привыкла, а в его комнате, даже стол рабочий там для нее поставил. Сюз работает, а старик-отец сидит в кресле у камина, рассказывает семейную историю, объясняет правила поведения. И мгновенно пресекает робкие «хочу бабушку навестить», «в деревню съездить», «с девушками поболтать».

А уж когда «старина Грегор» приехал...

Барона Грегора Ордисского капитан Гарник уважал. Старый друг господина, боевой товарищ, человек, что называется, высокой чести... Вот только вдовец с тремя дочерьми – и явно начал подбивать клинья к Сюз. А старый барон и рад! Нет, понятно, что девушку с таким воспитанием не всякий возьмет, но ведь и ей не всякий нужен! Их Сюз – не какой-то там лежалый товар, чтобы сбывать с рук и радоваться, что берут!

Гарник слишком давно знал Сюз. Помнил ее сопливой малышкой, тощим голенастым подростком, едва начавшей расцветать девушкой. Может быть, в глубине души относился к ней, как к дочери. И уж точно был уверен, что сама Сюз мечтает не о выгодном замужестве, не о

положении в обществе, а об одном знакомом ему нахале из гвардии короля. И, так уж получилось, тот нахал счастлив будет, если Сьюз станет его женой. Так зачем разрушать то, что сладилось само, словно мановением Звездой девы?

Гарник не сомневался, которого из двух возможных зятьев предпочтет старый барон Лотарский. Не сомневался и в том, что в этом вопросе отец не дождетя дочернего послушания. Так не лучше ли не доводить обоих до греха?

Потому Гарник и привез в замок Магдалену, рассказав ей все, что сам знал, и даже то, о чем только догадывался. И вот смотрел, как радостная Сьюз обнимает «бабуленьку», хмурился в усы и думал: хоть за бабкиной спиной девочка от нового жениха спрячется, раз уж родной отец поощряет ухаживания гостя. Да и самой Сьюз пора хоть кому-то признаться, что место в ее сердце ненароком оказалось занято. Все же Магдалена ей вместо матери, а без материнских советов юные влюбленные девицы склонны вытворять такие глупости, от которых и богам стыдно станет.

Это был первый случай в жизни капитана Гарника, когда он пошел против очевидных намерений господина.

Марти вертел в руках склянку со снотворным. Легкий путь, достойный скорее пугливых женщин... Однако стоит быть честным хотя бы с самим собой – он уже на пределе от навязанной извне жажды крови, от ощущения мрачного, ждущего взгляда в спину. А напиться в хлам – тоже не выход, ему нужна с утра ясная голова.

Но вид снадобья, обещавшего хотя бы одну легкую, без кошмаров, ночь, будоражил неприятным чувством – как будто он то ли забыл, то ли упустил что-то важное. Будто вот-вот сделает ошибку.

Поэтому глотнуть из вожденной склянки он не спешил. Пытаясь отвлечься от гнетущего чувства, спросил Анегарда:

– Как ты их слышишь? Я – как врага в бою, мыслей не прочту, а опасность всей шкурой чую. Думаю вот, вроде я командовать ими должен, но как?

– Попробовать не хочешь? – хмыкнул Анегард. – Знаю, что нет, но почему? Боишься?

Обвинением в трусости это не было. Скорее – признание

разумной осторожности или нехватки опыта в общении с нежитью. Да уж... а у кого такого опыта хватает? Разве у самого Анегарда?

– А сам не хочешь? – ухватился Марти за последнюю мысль. – Слушай, Лотар, а правда? Ты с ними говорить можешь.

– Говорить могу, – согласился тот, – а приказывать – нет.

Следующее предложение, откровенно бредовое, Игмарту подсказало отчаяние.

– А если вместе попробовать? Одновременно? Ты говоришь, а я подкрепляю приказом, что тебя нужно слушать?

Лотар по-простецки почесал в затылке.

– И что ты предлагаешь им приказать? Рассыпаться в прах без посторонней помощи?

– М-м... в этом что-то есть. – Представшая перед мысленным взором картинка самоликвидирующейся нежити заставила мечтательно зажмуриться. Да уж, жаль, что решение не может быть настолько простым. Хотя... Вспыхнувшая в мозгу идея была, конечно, сложнее, но, по крайней мере, казалась легко выполнимой. – А если приказать собраться в одном месте и не сопротивляться? Бесы с ними, перебить руки не отвалятся, лишь бы не гоняться и без жертв.

Лотар посмотрел на него ошарашенно.

– А что? – вызывающе спросил Марти. – Скажешь, невозможно? Даже люди не всегда до последнего защищаются, не у каждого воля найдется, а тут – тупая нежить!

– Приказ должен быть очень мощным, – медленно, словно сомневаясь в каждом слове, проговорил Анегард. – Видишь ли... Трудней всего заставить подчиняться хищника. С людьми ведь так же, сам прикинь, кого проще принудить повиноваться – тебя или деревенского пастушонка. А у этих ничего, кроме голода, за душой не осталось. И их много. Мне твоя идея нравится, не думай, только боюсь, что силы не хватит.

Помолчали еще немного. С каждым мгновением Игмарт все больше хотел проверить, получится ли, но кому, как не самому Лотару, знать предел своих сил? Если боится, значит, и в самом деле есть риск. Собой бы Игмарт рискнул, все лучше, чем тихо сходить с ума. Но подставлять под клыки собственных людей?

Лотар вскочил, подошел к окну. Стоял, уставившись в ночь – спина закаменевшая, кулаки стиснуты. Он ведь тоже отступить не может. У Игмарта родовые земли на кону вместе с людьми, титулом, наследием и честным именем Герейнов. А Лотар за честь отца сражается. Так что оба они хотят и должны победить. И что? Сидят за крепкими стенами и ждут

невесть кого?

Ох, сколько раз капитан Аскол ругал Игмартово нетерпение и горячий нрав! Сколько твердил, чтобы не заикливался тот на первой же удачной мысли, а нашел еще два-три способа решить проблему и уж тогда выбирал! Казалось, и научил, но в те моменты, когда верх брало песье чутье на опасность, способность здраво рассуждать пропадала, будто ее и не было. Вот и сейчас Марти не другие пути искал, а злился от собственной неспособности быстро взять нежить под контроль. От непонимания, как поступить. Но пока хватало разума не лезть напролом в самое пекло, не разобравшись в нечаянно полученном даре.

– Можно одного позвать, – с явной неуверенностью предложил Анегард. – Один – не стая, даже если не удержим...

– Не удержим – упокоим! – радостно согласился Марти. Предложение казалось идеальным. И без дела не сидеть, и поглядеть вблизи, что представляет из себя здешняя нежить, и собственные силы испытать. – А удержим – тем более упокоим, одним меньше!

– Еще скажи, так по одному и перебьем, – буркнул Анегард. Вроде бы скептически, но Игмарт видел, что ему эта мысль тоже пришла по душе.

А значит, и думать больше нечего.

Флакон со снотворным так и остался лежать на столе. Видят боги, хорошая драка куда уместней для воина и благородного барона! «Для двух благородных баронов», – ухмыльнулся Марти, быстро проверяя оружие.

– Куда пойдем? На стену, на башню?

– Выбирай сам, мне все равно, куда звать, – отозвался Лотар. – Только стражу предупредить не забудь.

– Без тебя бы не вспомнил! Пошли.

Игмарту тоже все равно было, где драться, поэтому место он решил выбрать такое, откуда легче будет стащить вниз труп. Стена над караулкой – самое то. Заодно проверить, как эти олухи службу знают.

В крови бурлило ожидание доброй драки. Сейчас Игмарт Герейн, королевский пес, не ощущал чужой жажды крови – ему хватало своей.

Сначала все казалось просто – даже слишком. Встав плечо к плечу на стене, в трепещущем свете факелов, Анегард и Игмарт переглянулись коротко, кивнули друг другу и вместе скользнули мыслями в темную пустоту. Для Марти это было внове, и Анегард подхватил его мысленно, поддержал – на удивление легко это получилось, хотя с людьми его дар был бессилён. Видно, связь молодого Герейна с нелюдью работала не хуже дара Лотаров, разве что опыта королевскому псу не доставало.

Голод нелюди они оба почуяли одновременно – это ощущалось багряным мутным заревом в крошечной тьме, сосущей пустотой под сердцем, зовом-просьбой: «Дай, дай, дай!»

Чистым бешенством полыхнуло от Игмарта в ответ. Тот был готов убивать. И хотя для самого Марти нелюдь была врагом, он ощущался – своим. Вожаком. Таким же голодным и жадным, сильным, злым. Ему не нужно было подчинять тварей – те уже подчинились. Ждали и жаждали приказов нового Герейна. Вот только сам он, кажется, этого пока не понял.

«Давай же, – мысленно подтолкнул его Анегард, – зови – одного».

«КАК?!» – ответный вопль, даром что тоже мысленный, чуть не снес Анегарда со стены. Злость, задавленная паника, оторопь – всего там хватало.

«Просто пожелай», – подсказал Анегард.

Странно было наблюдать за королевским псом – здесь. Не такой он, оказывается, спокойный, каким себя держит. Пусть в мире людей он старше и опытней Анегарда, здесь они словно поменялись ролями – барон Лотарский, с детства привыкший слушать тонкое пространство богов и тварей, ясно ощущал растерянность Игмарта. Старался поддержать, успокоить – и с каждым мгновением все явственней чувствовал, что нужно вытаскивать его обратно. Не умел королевский пес – здесь, а враз такому не выучишься.

«Зови одного, и быстро идем обратно!» – резко и зло приказал Анегард. Только так и нужно было сейчас – непререкаемо, не допуская для королевского пса ни тени сомнения. Приказ старшего, по праву силы.

С инстинктами у Игмарта все было в порядке. Безотчетно и естественно он воспринял этот тон и точно так же послал нужный приказ нелюди. И, подчинившись Анегарду, вывалился из потусторонней пустоты в обычную ночь.

Вцепился ему в плечо, тряхнул головой по-собачьи:

– Ох, ну и дрянное же местечко! Как ты там дышишь, Лотар? Мрак же крошечный, жуть!

– Привык, – ответил Анегард. – Да там обычно легче. Герейновы твари жуть наводят.

Марти выругался сквозь зубы, встал прямо, развернув плечи. Процедил:

– Вычистим. В моих землях дряни не бывать.

Уже не Марти – Игмарт Герейн. Анегард подавил довольный смешок – верно он угадал, чем зацепить королевского пса, чтоб в себя пришел. Не время сейчас для слабости. Совсем скоро тварь будет здесь.

– Приближается? – спросил вдруг Игмарт.

– Чувствуешь? Хорошо, – Анегард потянул из ножен меч. – А мысли слышишь?

– Нет. Что там?

– Радуется, что делиться не придется. Думает, новый хозяин ее выделил из всех и первой даст пожрать. Добрый господин, – Анегард ухмыльнулся, по-дружески пихнув Марти в бок.

– Иди ты, – так же дружески отозвался тот. Приправил солдафонским сквернословием, и Анегард хотел уж ответить чем-нибудь похожим – ругань, как ни странно, делала напряженное ожидание легче, но тут время на разговоры вышло.

Казалось, всего лишь ночь сгустилась перед стеной, тьма стала более темной, мигнули и погасли звезды над кромкой леса. Не чувствуя Анегард нелюдь своим даром – и не понял бы, что смерть подобралась вплотную.

– Сидеть! – рявкнул Марти.

Мысленную его команду Анегард тоже услышал – хорошо получилось, уверенно. Тварь сложила крылья, спикировав на край стены, вцепилась когтями в камень так, что мелкое крошево посыпалось. То ли исполинская летучая мышь, то ли волколак с кожистыми перепончатыми крыльями, то ли вовсе упырь какой – не разберешь. Одно ясно, от человека там уж и следа не осталось.

– Ур-род, – как Игмарт выхватил меч, Анегард и заметить не успел. – Сиди, сказал! Только дернись мне, твар-р-рюга!

Взблеснула сталь, поймав отблеск почти угасшего факела. Клинок погрузился во тьму по самую рукоять, плеснуло кровью на руки Игмарта, удушливую тишину разорвал пронзительный, полный голода и обиды вопль. Тварь билась, заливая камень темной кровью. Анегард примерился и коротким взмахом рубанул туда, где у нелюди должна была быть шея. Вроде попал – уродливая башка не отвалилась, но мотнулась безжизненно, заваливаясь набок, а крик смолк, сменившись булькающим хрипом. Распахнулись и бестолково забились крылья, Анегард отскочил, но край крыла все же задел его – сшиб с ног, отбросил к парапету. Спиной о камни приложило так, что едва дух не вышибло. Когда поднялся, между ним и нелюдью толпились стражники, тыча в издыхающую тварь копьями, а Игмарт наспех перетягивал ногу какой-то тряпкой. Пояснил, встретив взгляд Анегарда:

– Когтем зацепил, тварюга. Ничего, неглубоко. Эй, парни, что там?

– Бьется, – вразнобой отозвались несколько голосов.

Анегард прикрыл глаза, вслушиваясь в отзвуки агонии. Поймал далекое злорадство – прочие твари, похоже, почуяли смерть «высочки». Придут ли только на зов теперь? «А куда денутся, – со злым весельем ответил сам себе Анегард, – Герейн прикажет, и явятся, как телок на веревочке». И сказал уже вслух, для всех:

– А ведь получилось. Получилось!

– Да, одним меньше, – хмыкнул Игмарт. – Но таким порядком мы сами сдохнем, пока всех перебьем. Сильные, ур-роды. Сколько их там еще?

Анегард только молча покачал головой. Сколько – он даже приблизительно сказать не мог. Здешняя нелюдь ощущалась единым скоплением, похожим на змеиный клубок или осиный рой. Общий голод окутывал их, давил, мешая подобраться ближе. А еще, прав королевский пес, эти твари слишком сильны. Даже одну, к тому же скованную приказом не сопротивляться, завалили с трудом. И даже сейчас, когда тварь билась при последнем издыхании, от нее ощутимо несло смертельной опасностью.

Нет, бить их по одной – все же не выход. Разве что на вовсе крайний случай.

– Так, парни, последите здесь, покуда не сдохнет, – скомандовал Игмарт. – Утром сожжем, как положено. Я у себя буду, если понадобится. Лотар, поможешь?

Оперся о подставленное плечо и захромал вниз. Анегард принаравливался к медленному неровному шагу, придерживал, чтобы королевский пес не навернулся со ступеней башкой вниз, а тот и не возражал – рана, похоже, была серьезней, чем он сказал при всех.

– Дойдешь хоть? – спросил Анегард, когда стражники уже не могли услышать.

В ответ получил лишь злобный взгляд, и дальше вел Игмарт молча – держал все крепче, готовый в любой миг подхватить, но тот шел сам. Не иначе, на чистой гордости.

И только в комнате рухнул на аккуратно застланную кровать, позволив себе короткий стон сквозь зубы и длинное, заковыристое ругательство.

Анегард разрезал пропитанную кровью штанину, присвистнул, быстро выбрал нужные флаконы – хорошо, что не убрали снадобья, уходя на охоту за тварью! Первым делом сунул в руку Марти стакан, плеснул в вино утишающей боль настойки:

– Пей.

И тут же взялся за дело. Промыть, полить заживляющим, перетянуть тугой повязкой. Где-то было еще для восстановления после большой кровопотери... Анегард перебирал снадобья, мысленно благословляя сестру и ее предусмотрительность. А, вот оно!

– Держи.

Игмарт открыл плотную пробку, понюхал, кивнул понимающе. Отпил глоток, сказал глухо:

– Повезло вам с лекаркой. Знаешь, сколько такой пузырек в столице стоит? В чистом золоте?

– Скажешь, тебе с ней не повезло? – буркнул Анегард. – И что только нашла в тебе, остолопе.

– На себя погляди, лопух желторотый. – Игмарт отчего-то расплылся в блаженной улыбке, и Анегард, хмыкнув, решил на «желторотого» не обижаться. Опыт, в конце концов, дело наживное. А сестренка, если подумать, выбрала очень даже неплохо.

Магдалена не одобряла любовь. Не доводилось ей видеть ни одной по-настоящему счастливой семьи, созданной в порыве страсти. Любовь – она ведь проходит, а жить с человеком всю жизнь, до тех пор, покуда не обрежет Прядильщица твою либо его нить... И куда надежней взвесить все десять раз, чем кидаться в омут, не думая.

Звездная дева – не благая богиня. Магдалена куда больше уважала Жницу.

Да что далеко ходить – взять хоть мать да мачеху Сьюз. Обоих старый барон любил, и что принесла им всем та любовь? Одну любил да на другую променял, другую любил да разлюбил, а результат – первая мертва, а дочь ее выросла, не зная отца, вторая в обиде козни строит и собственного сына проклясть готова.

– А Гвенда? – возразила ей Сьюз, когда Магдалена попыталась вразумить приемную внучку. – Уж там точно любовь есть!

– Любовь есть, – согласилась Магдалена, – да не любовь их свела и по жизни повела. Жница их семью строила – родители сговаривались, дети приглядывались, а уж после... Хорошо, когда так сложится, но фундамента дому на одной любви не заложишь. А ты, Сьюз, переставай ходить вокруг да около, расскажи уж наконец, что у тебя на сердце. Вижу, что наболело, да не с отцом же тебе секретничать и не с девками

здешними, балаболками.

Сьюз забралась с ногами на кровать, совсем по-детски. Кивнула на стоявший на столе букет осенних звезд – уж будто Магдалена сама их не заметила! Белые и желтые – признание в любви и предложение замужества. Звездная дева и Жница. Кто бы ни подарил девчонке этот букет, мозги у него работают в нужную сторону. Понимает, у каких богинь благословения просить. И, надо же, не увяли цветы ни на малость, стоят, словно только срезаны. Значит, помнит парень и от намерений своих не отступился.

Видать, судьба. Вот только, Гарник сказал, старый барон о том не знает – и, похоже, присмотрел для найденной дочери другого жениха. Надежного, крепкого, подошедшего к вопросу с умом, и даже, при всем том, не чуждого совершенно мальчишеской страстности. Хороший муж, как ни глянь – не будь у девчонки другого на сердце.

Сьюз рассказывала, краснея и смущаясь, наматывая на палец кончик заплетенной косы, замолкая иногда и словно погружаясь в себя – тогда на ее лице расцветала робкая, совсем не свойственная ей обычно улыбка. Любит, вздыхала про себя Магдалена. Может, сама еще толком того не поняла, но любит так, как Звездной девой заповедано, а значит – не людям те узы рвать. И вот что с ней, глупой, теперь делать, как вразумлять? И нужно ли?

– А гость отцовский тебе нравится? Грегори-то?

– Нравится, – Сьюз равнодушно пожала плечами. – Он хороший, и отцу с ним радостно, даже помолодел вроде.

Магдалена покачала головой.

– А знаешь хоть, что ты ему как девушка приглянулась, а не как дочка старого друга? И не забавы ради, а всерьез?

– Да ладно?! – Сьюз отмахнулась, как от деревенских сплетниц отмахивалась: мол, что за чушь несете!

– А то! – веско припечатала Магдалена. Эх, девчонки, жизни не видавшие, во все-то вас носом ткнуть надобно. – Того гляди твоей руки попросит. А наш барон и рад будет, старый друг все же. Глаза раскрой, из мечтаний о Марти своем вынырни да вокруг себя-то оглядись! А не то вернется твой жених, богиней суженый, аккурат к чужой жене!

– А уж этому не бывать, – ответила Сьюз. Хорошо так ответила, без лишних слез да криков, зато с тихой, уверенной злостью. – Сказала, что дождусь его, значит дождусь. А там поглядим.

– Вот и поглядывай, – одобрила Магдалена. – Да послушай умную старую женщину – шума не поднимай. Грегори, на то похоже, хочет твоего

расположения, а не только одобрения его милости. Но поди угадай, как себя поведет, если ты ему прямо от ворот поворот дашь? А ну как вожжа под хвост, да и решит, что законную жену сподручней приручать.

Сьюз медленно кивнула. Сказала чуть слышно:

– Верно, бабушка. Отец, он... ну, я верю, что он меня любит, но как-то по-своему. Потерял и нашел, и теперь волен хоть наряжать, хоть воспитывать. Побаиваюсь я его.

Обняла, уткнулась бабке в грудь и замерла. Магдалена погладила растрепавшуюся косу, вздрагивающие тонкие плечи. Покачала головой:

– Он тебя любит, так ведь потому и рад будет за Грегора отдать. Надежный муж, богатый, влиятельный, и ты ему по сердцу. Начнешь противиться – скажет, что это ради твоего же блага. И по-своему будет прав.

– Как же я домой хочу, – вздохнула Сьюз. – В наш с тобой домик. Что мне делать, бабушка?

– А ничего не делай, – усмехнулась Магдалена. – Дурочку играй. Да поменьше с ним времени проводи – что тебе, заняться больше нечем? Я вон травок два мешка привезла...

– Бабуленька! – Сьюз радостно взвизгнула. – Вот и займемся с тобой! Ты ж скажешь, если вдруг, что мне еще учиться и учиться? Да?

– А что, не так? – Магдалена хитро прищурилась. – До хорошей травницы тебе еще ой сколько. Так что пусть дорогой гость его милости без тебя поразвлекается.

«Раз уж хочет полезную в хозяйстве жену-лекарку», – добавила она про себя. Как бы ни относилась Магдалена к сватовству по расчету, насколько бы разумным его ни считала, почему-то расчет по отношению к Сьюз вызывал только злость. Ее приемная внучка – не корова на ярмарке! Да еще и с брачком, которую за счастье с рук сбыть! С Грегором-то все понятно, но уж родной папаша мог бы и спросить, свободно ли сердце дочери, прежде чем поощрять того к ухаживаниям.

Может, королевский пес и не такой выгодный муж, но уж для него Сьюз не товар. Вон, болтается на шее девочки дареный амулет, защита от зла – а ведь парню он сейчас больше бы пригодился.

И хотя бы поэтому Магдалена поможет названной внучке дожидаться, пока тот вернется. Поглядит на него – кто таков, чем взял ее девочку. А уж тогда и решит, кому первым делом мозги вправлять.

Рану дергало и тянуло, в голове мутилось от боли, и никак не отпуская липкий, назойливый страх – а ну как когти твари заразны? Анегард, правда, говорил, что летом нелюдь Загмонда здорово подрала его самого и парня из деревни, кузнеца – и оба, вон, люди как люди, ничего с ними не случилось. Ну так и нелюдь Зига уже, считай, почти людьми обернулась, а эти...

Но показывать страх не хотелось, и Марти молча смотрел, как Анегард обрабатывает и перевязывает рану. Терпел, стискивая зубы и щурясь, пытался отвлечься, прикидывая, с чего начать утро – сжечь тварь сразу или собрать людей, пусть посмотрят да порадуются. Селяне вряд ли поймут, что радоваться пока нечему, им и единственного врага мертвым увидеть – уже поверить в лучшее. В то хотя бы, что этих тварей вообще можно убить.

– Снотворное есть, хочешь? – спросил Анегард, закончив перевязку.

– Давай.

Если бы не снадобья Сьюз, наверное, уже бы и вовсе отключился, и как знать, что с ним было бы поутру. Но сам он сейчас не заснет, а силы нужны, и нечего всю ночь маяться болью и дурными мыслями. Марти сделал глоток, и в голове тут же мягко зашумело, поплыло. Боль отступила, сменившись ласковой дремотой.

– Спасибо, – успел еще пробормотать он. И провалился в сон.

Утро пришло с раздражающе ярким солнечным светом и негромкими голосами – один Анегарда, а другой вроде бы смутно памятный, но чей, Марти сразу сообразить не смог. Резкий, даже язвительный – интонации в точности, как у Аскола, распекающего сгруппировавшихся новичков.

Марти разлепил глаза, прикрылся ладонью от яркого, совсем не утреннего солнца.

– Здоров ты спать, – незнакомец развернулся, и Марти едва не выругался вслух. Ну конечно! Зигмонд. А тот усмехнулся, показав на миг нелюдские клыки: – Вижу, узнал. Ну здравствуй, – и добавил с вовсе уж ядовитой издевкой: – внучек.

В голове Марти как будто с лязгом и скрежетом встали на место, идеально состыковавшись, разрозненные факты – те, которые он давно уже знал. Обмолвки о Зиговой стае и летнем приключении Анегарда, обрывки слухов здесь, записи из дядюшкиного дневника. Вычеркнутое из родословного древа имя, а над ним короткое: «Проклятый». Не дед, конечно – пра-пра-пра... Но какая разница?

Давненько Игмарт Герейн не чувствовал себя таким кретином.

– И чего у Лотаров не сказал? – буркнул он. По чести говоря, короткий разговор с Зигом, когда королевский пес отлеживался в казарме Лотаров и пытался не думать о лечившей его Сьюз, вспоминать было не слишком приятно.

– Так ведь не обо мне говорили, – хмыкнул Зигмонд.

И в самом деле, разговор у них был о Сьюз, о планах Марти на Сьюз, о том, почему да с какой радости Сьюз ходила в обнимку с Зигом... и, в общем, ни о чем больше. Казалось тогда, что им ни до чего в мире и дела нет, кроме девушки, которая дорога обоим – но по-разному. А с другой стороны – узнай Марти правду тогда, что изменилось бы?

– Твое, выходит, наследство...

Какое-то время в комнате стояла тишина. Марти медленно осознал все, что следовало из появления здесь, в отцовском замке, дальнего, но вполне живого предка. То, что «наследство» – это не только стая тварей, но и сам замок, и земли вокруг: баронство, право на титул, место, куда он мог бы привезти жену. А ведь за безземельного вояку, пусть даже уже не безродного, старый Лотар вряд ли отдаст дочь.

– Интересно, король знал? – вяло спросил Марти. И тут же сам себе ответил: конечно, знал. Его дар – видеть и принадлежность к роду, и старших в роду. А Зигмонд перед его величеством отличился, куда там Игмарту со всеми его прежними заслугами. Да все те заслуги напрочь перекрываются тем, что незадачливого гвардейца использовали в едва не удавшемся покушении!

– Знает, – лениво ответил Зиг. – Но лезть не станет. Это дело нам с тобой на откуп, как между собой решим, так и будет. И вот что, внучек, я тебе скажу...

Он замолчал, как будто нарочно выжидая – сорвется ли «внучек», начнет ли доказывать свои права или, наоборот, по-щенячьи признавать силу и старшинство предка. А ведь и впрямь есть что признавать – мало того, что положение Зигмонда как старшего в роду неоспоримо, он ведь и в самом деле сильнее. И как воин, и как маг, и как, чтоб его бесы драли, нелюдь...

Нет уж, Марти лучше тоже промолчит. Признать старшинство – это еще не значит... да ничего не значит! Драться с предком за наследство он не станет, конечно. Но и стелиться перед ним не собирается. Еще не хватало!

Зигмонд рассматривал его с откровенным и насмешливым любопытством. Анегард делал вид, что его здесь нет, но уходить явно не

собирался. Марти упрямо молчал.

Хорошее в этом дурацком не то утро, не то уже дне было одно – нога почти не болела. Спасибо Сьюз и ее снадобьям. Да бесы с ним, с Зигом, и с баронством тоже, если сама Сьюз согласится пойти за него замуж, Марти ее хоть выкрадет, но увезет с собой! Проживут. Скопленного жалованья и наград хватит на небольшой домик в предместье, хозяйство она вести умеет, в деревне все же росла, да и лекарка, опять же...

Он этих мыслей стало почему-то легче дышать, и Марти только прищурился, встретив изучающий взгляд Зигмонда. А тот вдруг кивнул довольно, словно того и ждал, и продолжил:

– Что я тебе скажу, Игмарт, щенок ты еще дурной, что бы там ваш капитан о себе и своей науке ни воображал. Но нахальство твое мне нравится. А манера вашего короля стравливать честных подданных – очень, наоборот, не по душе. Мельчают короли, – тут он усмехнулся по-настоящему зло, и Марти аж передернулся от ошутимо плеснувшей от предка волны гнева. Он, наверное, обязан был возразить, возмутиться, пригрозить даже – все же не абы кто, королевский пес. Но если говорить о них двоих, то Зиг был прав. Зигмонд Герейн, бесов Проклятый, нынешний глава рода. Король о нем знал, когда предложил Игмарту решать семейные дела по собственному усмотрению.

А еще был Анегард, несправедливо обвиненный за себя и отца. Вот уж с кем его величество стравил Игмарта открыто.

– Что предлагаешь-то? – спросил он вместо ожидаемого, наверное, возмущения. И добавил, почти точно попав в тон «внучка»: – Дедуля.

Зигмонд расхохотался.

– Наха-ал! Ну нахал! Жениться не раздумал еще?

– Не дождетесь, не раздумаю, – с внезапной, самого удивившей злостью отрезал Марти. Чего обозлился, сам не понял: Анегард вроде как против не был, а Зиг в тот памятный разговор и вовсе поклялся башку Игмарту свинтить, если тот посмеет хоть малостью обидеть девушку.

– Ну и молодец, – кивнул Зигмонд. – Баронства-то у нас два теперь, не забыл? Моим людям сюда возвращаться тошно будет, слишком горькая память. Со стаей помогу – мой недосмотр, мне и убирать за собой. А дальше – бери Сьюз и хозяйничайте. А я, вон, с Анегардом соседствовать буду, тоже весело.

– Весело ему, – буркнул Анегард.

– А то! Тебя, сопляка, и вовсе учить и учить еще. Или думаешь, всегда тебе так везти будет, как со мной летом и с той тварью вчера?

– С тварью везение сомнительное, – скривился Анегард, старательно не глядя на Марти.

– Хорошо, что понимаешь. Был бы твой дар хоть чуть слабей, да замешкайся вот этот обалдуй еще хоть малость, оба там легли бы. А тварь, вашей крови нажравшись, пошла бы дальше. Олухи.

Хотел Марти спросить – а как нужно было? Но в последний миг заткнулся. Правильно они все делали, просто силы не хватило. Все же тварь не простая – эту нелюдь сама Прядильщица подняла.

Хотя...

– А вот скажи, – медленно, изо всех сил не веря в мелькнувшую нехорошую мысль, начал он, – если эта нелюдь – с силой богини, но и Герейнов та же богиня благословила... и власть над этой нелюдью дала, кстати же... почему тогда у меня не получилось? И еще – раз я начал убивать ее тварей, вместо того, чтобы ими повелевать – значит, договор разорван?

– Да почему ж не получилось? Как раз получилось, – Зигмонд, пройдясь по комнате, сел в кресло, закинул ногу за ногу. Сейчас он полностью, до последней черточки, выглядел человеком, но от этого только муторней делалось – ну не может обычный человек с таким спокойным равнодушием и с таким знанием дела рассуждать о делах Старухи! – Подставился ты по-глупому, но ведь тварь тебя случайно достала. Ты ее, по сути, тогда убил уже. Отскочить не успел, вот и все. А договор в силе, не надейся. Она отдала тварей в твою власть – полностью. Над их смертью ты тоже властен. Знаешь, как я с ними справлюсь?

– Как? – почему-то шепотом спросил Марти.

– Да просто прикажу сдохнуть.

– Просто прикажу сдохнуть, – сказал Зиг. Так спокойно, как в деревне говорят о том, что пора бы сено убрать. Или как девушки на кухне отмеряют зерно для каши. Анегард вспомнил давящую силу, что чуть не раздавила их летом на Ореховом. Кивнул невольно: да, такого приказа твари избежать не сумеют.

Марти выругался, спросил:

– И я мог бы?

– Ты – нет. Я ж говорил, сила у вас не та. Сопляки еще, оба. Но за то, что не стали ждать меня, запершись от нелюди подальше, уважаю.

Зигмонд встал, потянулся мягко, словно большая кошка.

– Лотар, будешь свидетелем. Твой дар позволит.

– Когда? – Анегард тут же поднялся, признавая право Зига командовать. Там, дома, тот подчинялся и Лотарам, и их капитану. Иногда

что-то советовал, но приказывать не мог. Здесь же роли поменялись.

– Да хоть и сейчас, – безразлично ответил Зигмонд. Подошел к окну, кивнул Анегарду на место с собой рядом: – Слушай.

Уже привычная мертвая, вязкая, как болото, тишина, и жажда крови вдалеке. Все же здешняя нелюдь давила куда сильнее, чем бывшая Зигова стая. Терпеть ее присутствие было трудно, оно отравляло, казалось, даже воздух вокруг. Анегард вцепился в косяк окна, прижался лбом к холодным камням. Так можно было балансировать на зыбкой грани двух реальностей – слышать неслышимое, не позволяя себе упасть в темную пропасть, сулящую гибель.

В приказе Зига не было слов. Только чистая, ужасающая сила, как будто внезапный шквал или рвущая деревья с корнями буря. Затхлый яд кровавого безумия смело с той же легкостью, с какой рука хозяйки сметает крошки со стола. Анегард уловил далекий всплеск ужаса, обиды, злобной ярости – и тут же все стихло, сменившись благословенной, живой тишиной. Той тишиной, в которой слышны шорох ветра в ветвях и трепет птичьих крыльев, скок зайца по полю и далекое мычание коров по тесным хлевам. Багровая тьма, клубившаяся на самой далекой окраине сознания, медленно истончалась, распадалась и таяла ключьями тумана под солнцем. Стало легче дышать, словно разжалась державшая сердце когтистая лапа.

Анегард вздохнул всей грудью, как будто заново вспоминая холод зимнего ветра, запах свежего снега и растопленных в кухне печей, звуки замка, живущего обыденной жизнью. Перед глазами плыло от внезапной слабости, он моргнул, развернулся, прислонившись к каменной кладке затылком. Марти беззвучно всхлипывал, явственным усилием воли заставляя себя дышать, и даже в столь плачевном состоянии смотрел на Зигмонда с восторженным ужасом. А тот спокойно стоял, привалившись плечом к стене у окна, укрывшись тенью, особенно густой рядом с полосой солнечного света – и только если взглядеться, становились заметны частое, тяжелое дыхание, побледневшее лицо и покрасневшие от лопнувших сосудов глаза.

– Мощно, – выдохнул Марти.

– Учись, тоже сможешь, – криво ухмыльнулся Зиг. И тут же добавил серьезно: – Что-то не пойму я, тебя-то почему приложило? Вроде не настолько ты клятвами прежнего Герейна повязанный.

– Может, из-за Ульфарова колдуна? Я ж тебе рассказывал, разве не помнишь?

– Да ерунда, в голову не бери, – отмахнулся Зиг. – Колдун сдох, а клятва твоя добровольной не была. Другое думай.

– Другое? – Марти почесал в затылке, взъерошив и без того лохматую шевелюру. – Разве что храм. Я ж дядюшку-сволочь в храме кончил, как раз у алтаря Старухи. Не как положено, не по традиции, без вызова, попросту горло перерезал. Он жертву приносить собрался, девчонку. Вот я и не сдержался.

– И его кровь на алтарь упала? – Зиг напрягся. – Тобой пролитая?

– Вся, – кивнул Марти.

На комнату опустилось молчание. Анегард во всех этих делах с кровавыми жертвами не разбирался вовсе, но даже он понял – случилось что-то очень нехорошее. Такое, что весь его испуг тогда в храме яйца выеденного не стоил по сравнению с тем, чего и насколько нужно было бояться.

– Знать бы еще, чего он просил, – пробормотал Зиг. – Хотя без разницы, тебя Она могла и другим одарить. Не угадаешь.

Марти закрыл глаза. Лицо его стало неподвижным, и голос, когда он заговорил, звучал ровно и бесстрастно:

– Если я стану таким, лучше убей. Прямо сейчас, пока не поздно.

– Ох и балда ты, парень. Не станешь, если сам не захочешь. Сколько я Сьюз объяснял, и тебе повторю – боги берут у нас ровно столько, сколько мы им отдаем. Не меньше, но и не больше, – Зигмонд смотрел с насмешливым одобрением, и Анегард, испугавшийся было, что ничего не закончилось, снова вздохнул свободно. Неприязни к Игмарту он давно не испытывал, но сейчас понял вдруг, что тот перестал быть и навязанным соглядатаем, и просто попутчиком, и даже будущим мужем сестры. А стал – товарищем, которому веришь, как себе.

– Так что мне делать? – хмуро спросил Марти.

– Да ничего, – Зиг усмехнулся, шагнул в кровати и вдруг потрепал того по макушке, по растрепанным вихрам – как ребенка. – Просто живи. Наводи здесь порядок, чтоб было куда жену привести. Людей успокой, объясни, что все закончилось. Разве вот что – в храме к Ее алтарю не подходи. Она, конечно, не забудет, но и напоминать о себе лишний раз незачем.

– Что-то меня это не успокаивает, – буркнул себе под нос Марти. Махнул рукой: – А, к бесам! Все равно ничего с этим не сделать. Спасибо, Зигмонд. За тварей и за баронство тоже. По чести-то оно твое.

Зигмонд хлопнул его по плечу, кивнул и вышел.

Анегард медленно вздохнул. Не верилось, что дело сделалось так быстро и просто – для него просто.

– Я, наверное, съезжу в Азельдор, – сказал он. – Тебе отлежаться

нужно, потом здесь порядок навести, кого-то вместо себя пока что оставить – ты ведь со мной возвращаешься, верно? Значит, до отъезда несколько дней точно еще. Отправлю королю отчет срочной почтой.

– Эй, Лотар, – догнало его, когда почти уж подошел к дверям. – Ты ведь не будешь против, если я посватаюсь к твоей старшей сестре?

Анегард обернулся, поглядел в напряженное лицо Игмарта. Чтобы взвесить все «за» и «против» этой партии, ему не хватало опыта и точных сведений: о положении Игмарта при короле, потенциальном богатстве баронства Герейнов, других возможных партиях для детей барона Лотарского – всех, и для него самого в том числе. Браки – дело родовой политики, той ее части, в которую Анегард пока что не стремился вникать. К тому же сейчас и положение самих Лотаров достаточно неопределенное.

Но Марти, похоже, плевать на возможную опалу Лотаров. А если спросить Сюз, она наверняка тоже отмахнется от слов, что расположение его величества к младшему Герейну довольно сомнительно. Стоит ли возражать там, где явственно слышен тихий смех Звездной девы? Анегард пожал плечами – больше на собственные мысли, чем на вопрос. И ответил честно:

– Если Сюз тоже этого захочет, я только порадуюсь.

3. ПУСТЯЧОК НА УДАЧУ

– Не могу я так больше! – Сьюз швырнула было меховую накидку в угол, но тут же, вздохнув, подняла, отряхнула от снега и повесила сушиться. Все же привычка к аккуратности оказалась сильнее желания выразить возмущение.

Но возмущение никуда не делось, кипело в крови, подзуживало махнуть рукой на приличия и дочернее послушание, послать к бесам отцовскую заботу и прямо объявить, что если к заботе прилагается жених, то она, Сьюз, лучше вернется в их с бабушкой лесной домик.

Хорошо хоть, что отец пока не приказывает. Всего лишь завел разговор – о том, что в ее годы пора уже быть замужней дамой, но так сложно найти приличного мужа для девушки, которая воспитывалась деревенской лекаркой и жила без должного надзора. О том, что его старому другу Грегору очень уж по душе прихлясть «милая Сюзин», а он как раз подумывал жениться вторично. И хозяйство-то у него налажено, и умения Сюзин как лекарки и травницы он оценил в полной мере, и другой жены теперь даже в мыслях не держит.

«Подумай, дочь моя, лучшего мужа для тебя не найти».

– А мне лучший и не нужен! – прошипела Сьюз.

Отец и слушать не стал, что она не хочет за Грегора. «Подумай»... Правда, Сьюз побоялась признаться, что ждет другого. Вдруг отец велел бы тут же играть свадьбу! Кто Марти против владетельного барона Грегора Ордисского? Всего лишь королевский гвардеец, вояка. Сейчас ей хотя бы дали время...

А подаренные Марти осенние звезды так и стоят, не вянут. Сьюз дотронулась до букета раскрытой ладонью, осторожно погладила острые края лепестков. Помнит, любит, все еще хочет взять ее в жены. Но должен же он понимать, что барон Лотар не примет в зятя безродного голодранца? Значит, и он не так прост? Может, Анегард уже знает, как и чем королевский пес намерен доказать свое право породниться с баронами Лотарскими? Ох, сплошные вопросы. И хоть бы весточка пришла!

Хорошо еще, что бабушка не торопится уезжать. Утро по-прежнему начинается с завтрака в парадной столовой, с отцом, маленькой сестренкой и Грегором, но после Сьюз спускается в кухню – там, за большим разделочным столом, который сейчас не нужен для готовки, они с бабушкой разбираются с травами. Сортируют, перетирают, смешивают. Все

нужные составы Сьюз давно знает, но вот наговорам бабушка ее раньше не учила. А есть еще всякие тонкости – как ловчее смешивать, какой водой заваривать и на каком огне запаривать, какое снадобье нужно сразу укутать и дать настояться в тепле, а какое, наоборот, быстро остудить. Отец спускался несколько раз, хотел то отправить ее платья новые шить, то с Грегором верховой ездой заниматься, но бабушка возражала непреклонно: «Хотите знающую лекарку и травницу, пусть учится, пока есть у кого! Сами потом спасибо скажете!»

И старый барон отступал перед доводами деревенской знахарки.

Заглядывал и Грегор, пытался заводить разговоры, но быстро понял, что мешает работе, и отступил. Лишь стал еще внимательней за семейными трапезами, все норовил кусочек повкусней выбрать да положить «милой Сюзин» на тарелку, подать солонку, саморучно налить вина... Сьюз смущалась и сердилась, но как отвадить нежеланного кавалера, не знала. Это ж не деревенские ухажеры – с теми можно было говорить прямо и даже грубо, если позволяли себе лишнего. Вот уж точно, одни сложности от благородного происхождения!

Хватило ей спокойствия ровнехонько до храмового дня. Ну конечно, могла бы и сама догадаться, что Грегор не упустит случая пройтись рядом с той, кого наметил себе в жены! До храма, да там, да обратно – вот уж и половина дня вместе. Любезные разговоры, похвалы ее искусству травницы, рассказы о нетронутых лесах в его землях...

Стоило признать – не будь Грегор так настроен на женитьбу, с ним было бы интересно. Он принадлежал к тому типу мужчин, которые вызывали у Сьюз не просто симпатию, а почти благоговейное уважение. Старший. Сильный и спокойный, рассудительный и многое знающий. Самой себе Сьюз могла бы признаться – будь ее сердце свободно, она согласилась бы стать женой барона Грегора Ордисского. С радостью бы согласилась. Она уважала бы своего мужа, ценила бы его знаки внимания, старалась бы соответствовать его положению.

Он совсем не был похож на Марти.

Марти не любил отлеживаться после ранений – скучно, муторно, к тому же в этом году слишком уж часто ему пришлось валяться без сил, приходя в себя после крайне обидных поражений. Да и самомнение его в этом году сильно пошатнулось. Аскол, правда, любит говорить, что щелчки

по носу щенкам полезны – без них ни опыта, ни настоящей силы не наберешься. И Зигмонд, бесов пра-пра, думает так же. Ухмыляется: учишь, мол, внучек, на своих ошибках, раз умишка пока не хватает.

Да какие ошибки! Повезло ему с Зигмондом, вот и все дела. Спасибо Анегарду, если уж так разобраться. Не сумеет молодой барон Лотарский вытащить Зига и его стаю обратно в мир людей, никакое чудо не помогло бы им управиться здесь. В страшном сне Игмарту не привиделась бы такая сила, какую отожрала на кровавых жертвах здешняя нелюдь. И как знать, чем еще аукнется новому Герейну дядюшкина мрачная слава? Легко здесь не будет.

Марти сел, прислонив подушку к стене. Ногу дергало, голова кружилась, но раздражение от собственной беспомощности все росло, и единственным способом унять ее было дело – любое, благо едва вступившему во владение, неопытному в хозяйственных делах вояке всегда найдется, чем заняться. Вон, хотя бы бумаги разобрать!

Вспомнив о бумагах, Марти подумал о дядюшкином дневнике, который так и таскал с собой в кармане. Запретная магия, кровавые ритуалы, да еще и права Герейнов на трон. Готовый смертный приговор за любую страницу. Можно было бы спрятать его обратно в тайник, да только не верил королевский пес Игмарт в надежные тайники. Сам сколько раз добывал припрятанные по таким тайникам документы!

До камина пришлось идти, опираясь о стену, медленно, поддерживая бодрость руганью сквозь зубы. Дневник полетел в огонь. Затрещала, обугливаясь, кожа переплета, вспыхнули страницы. Обратный путь до кровати показался легче – словно исчезла тяжесть, о которой и не подозревал. Марти дал себе зарок – как только перестанет ковылять подраненной уткой, обыскать спальню и кабинет со всем тщанием. Улики против дяди-заговорщика теперь превратятся в улики против рода Герейнов, а этого он допустить не может. Из гвардии, наверное, лучше будет уйти, но уйти он должен чистым. Преданным его величеству, всегда готовым служить в случае нужды...

«А пока лучшей службой станет восстановление порядка на родовых землях», – да, только так и никак иначе. И вовсе незачем его величеству знать, что молодой Герейн не от нелюди свои же земли избавил, а все королевство – от кровавого узурпатора. Есть услуги, о которых лучше помалкивать, сколь бы ценными они ни были.

Обед он потребовал в кабинет. Доковылял до стола, нашел в грудке бумаг папку с размашистой надписью «договоры». Пора вникать в дела.

К вечеру вернулся Анегард. У Марти плыло перед глазами и

пылало под веками от непривычно долгого и вдумчивого чтения, и он с радостью отодвинул от себя очередной вычурно оформленный свиток – договор на льготные поставки зерна для конного завода. Сказал, потерев глаза:

– А знаешь, все проще, чем я опасался. Дядя был тем еще буквоедом. Если я правильно все понимаю, то порядок в делах у него идеальный.

– Сам-то ты как? – спросил Анегард.

– Устал с непривычки, – честно признался Марти, – вот уж в чем, а в хозяйственных вопросах я точно щенок беззубый.

– Ясно, – молодой Лотар, наверняка натасканный во всех этих безумных рентах, арендах, процентах, отступных и комиссионных не хуже, чем королевский пес в убийствах, коротко и вроде как сочувственно хмыкнул. – Зато, гляди, так заработался, что о ране забыл. Значит, лучше. Пошли ужинать, что ли. Тебе нужно своим людям показаться, а то, знаешь, ведь и слухи пойти могут. Всякие.

Марти аж передернулся, представив, какие именно могут пойти слухи. Нет уж, лучше наступить на горло собственной гордости и выйти к ужину кривящимся от боли, позорно хромающим и оттого крайне злым, зато вполне очевидно человеком, а не переродившейся нежитью.

Он хромал вниз, тяжело опираясь на перила, отдыхая после каждого лестничного пролета, мысленно клял крутые ступени и радовался, что у Анегарда хватило то ли ума, то ли такта не подставлять плечо и не хватать под руку. Достаточно того, что вчера тот чуть ли не на себе его волок.

Рухнул за стол, на хозяйское место – Зигмонд уже сидел по правую руку, там, где принято усаживать старших родичей или уважаемых гостей. Ужин был не то чтобы праздничным, но богатым, а главное – вот именно такое мясо с травами и рисом и такой пирог с патокой и яблоками Марти не ел с детства. Кухарка сменилась, на кухне хозяйничает внучка старой Геры, любившей когда-то подсовывать «маленькому хозяину» лакомые кусочки, но блюда все те же, семейные. Только теперь Игмарт почувствовал, что наконец достиг той цели, о которой грезил много лет. Он дома.

Ночь прошла спокойно. Без жара, без кошмаров, без зудящего даже во сне ощущения, что нужно спешить, кого-то выслеживать, чего-то опасаться. Проснувшись, Марти не помнил, что ему снилось, но точно знал – что-то теплое и радостное, из тех дней детства, в которых еще жили отец и мама. Теперь, отомстив за их гибель и вернув родовое достояние, он мог

вспоминать их без боли.

Наутро он первым заговорил о возвращении.

– Ты же ранен, – Анегард чуть ли по лбу не постучал. – Сиди с бумагами разбирайся, ходи с людьми говори, если на месте не сидится. Но куда тебе в седло сейчас. Пара дней погоды не сделают.

– В порядке здесь бумаги, – скривился Марти. – Успею разобраться. А с людьми тоже, как ты и сказал – пара дней ничего не поправят. Чтобы стать хозяином, здесь жить нужно. Хочу скорей насовсем вернуться. К Сьюз посвататься, из гвардии уйти. Привезу сюда жену, проще будет обосновываться.

– Игмарт прав, – вступился вдруг Зигмонд. – Сам считай, Лотар. Пока к вам, пока о Сьюз с твоим отцом договорится. Пока в столице дела решит. Свадьба, сборы, обратный путь – не верхом в спешке, а каретой с девушкой и вещами. Здесь весна рано начинается, он к посевам должен быть на месте, если не хочет, чтобы год зря пропал. Ему хозяйство в руки брать, не только людей. Да и Сьюз первые травы из-под снега добывает.

Марти оставалось только кивать, как будто он и сам о том же думал – хотя Зиг вряд ли поверит. Скорей всего, тот и объяснял на самом деле «внучку», а не Лотару. Вроде как и не подсказывал ничего, а на деле – мозги вправил.

– С ногой лучше уже, – уверил Анегарда Марти. – День на сборы, а завтра нормально будет. От других не отстану.

– А я тут подзадержусь, – окончательно успокоил Зиг. – Послежу за настроениями, поговорю с кем нужно. Побуду если не за хозяина, так за управляющего, пока люди не убедятся, что бояться больше нечего. Доверяешь, внучек?

– Доверяю, – решительно кивнул Марти. И добавил, поймав себя вдруг на радостном и странно будоражащем ощущении навсегда закончившегося одиночества: – Только на свадьбу не опоздай.

Все-таки приятно снова вспомнить, каково быть не единственным в роду.

Трехдневная метель спрятала дороги, укрыла лес чуть ли не по вершины, замела замковый двор. Дорожки к службам расчищали посменно, сетуя, что не повезло баронам Лотарским обзавестись замковым магом, пусть хоть слабеньким, но своим. Сидя рядом с отцом у камина,

Сьюз слушала похвальбу Грегора – его-то маг лишний снег выметал одним движением ладони, да не куда придется, а строго на огороды.

И угораздило же Гвендиного малыша заболеть как раз перед непогодой! Бабушка отправилась лечить, а когда теперь обратно вернется – разве что богам ведомо. Хорошо хоть она в деревне сейчас, с людьми, а не одна в лесном домике. А вот Сьюз не может больше спрятаться от кавалера за неотложным делом.

Зато отец доволен – он, похоже, в мечтах уже не просто выдал старшую дочь за старого друга, а и внуков успел понянчить. И рассказы с наставлениями пошли не о семейном даре Лотаров и не о ведении хозяйства в замке, хотя баронской жене как раз о хозяйстве не помешало бы! А сплошь о свадебных церемониях, о том, как разумно подобрать пары, исходя из интересов обеих сторон, кто из знати кому ровня, а кто нет, и почему. Тоже, конечно, полезно. И любопытно – Сьюз, к примеру, не знала, что Анегард был сговорен матерью за дочку какого-то столичного аристократа, но помолвку расторгли из-за последнего заговора и опалы Лотаров. «Может, оно и к лучшему, – подумала Сьюз, – не похоже, чтобы братец очень уж хотел жениться, да и столичная барышня разве поедет в эдакую глухомань?»

– Вряд ли Анегарду понравилось бы в столице, – рискнула сказать она.

– Вот и я так думаю, – хохотнул Грегор. – Нечего человеку делать среди гадюк, когда на нем замок, земля и хозяйство. В своем баронстве я хозяин и господин не хуже короля, чего еще нужно-то! Высочайшие милости? Так милости сегодня есть, а завтра нет, а земли тем временем приходят в упадок без присмотра. А со своих земель рачительный хозяин всегда поймет больше, чем с любых королевских милостей.

– Я не слишком рачительный хозяин, – развел руками старший барон Лотарский. – Да и с милостями... не умею.

– Ты воин, – Грегор нахмурился. – Плохо, когда перестают ценить воинов. Когда забывают их былые заслуги. Но что я тебе скажу, друг мой – уж лучше воину сидеть в своих землях и быть плохим хозяином, чем соваться в столичные интриги. Потому что интриганы из воинов тоже хуже некуда. А там, где неважный хозяин потеряет в деньгах, плохой интриган расстанется с честью и жизнью. Не суйся в столицу, друг мой. И Анни твой тоже воин, поэтому ищи ему невесту среди баронских дочерей, не мечтающих о красивой столичной жизни. Ему тоже подошла бы девушка вроде твоей Сюзин, да где ж вторую такую взять...

Сьюз отвернулась, с тоской посмотрела за окно. Грегор и так,

похоже, не собиравшись домой, а теперь и соберется – уехать не сможет, дороги еще долго будут непроходимыми.

– Ты снова грустишь, Сюзин, – в голосе отца тревога мешалась с укоризной. Как будто в обществе Грегора она и грустить не имеет права!

– Скорей бы Анегард вернулся, – ответила Сюз. – Смотрю, как все замело, и думаю, вдруг они в дороге сейчас...

– Не нужно волноваться, – кинулся утешать Грегор. – Большие тракты расчищены. Зима – торговое время. Разве что непогоду лучше пережить под крышей, но это не трудно. Они ведь едут по обжитым местам.

– Да, главная опасность ждет их не в пути, – старый барон прикрыл глаза, как будто справляясь с внезапной болью. – Молю богов, чтобы...

– Все будет хорошо, – быстро сказала Сюз. – Я просила богиню, я верю.

Она просила даже двух богинь, о двух людях, но об этом не скажет – незачем.

– Все будет хорошо, – эхом откликнулся Грегор. – Анни справится, он сильный. Может даже, уже все хорошо и мы вот-вот дождемся его.

А Сюз вдруг подумала, что Грегор может ждать Анегарда с тем же нетерпением, что они – потому что до возвращения младшего Лотара было бы неуместным затевать торжественное сватовство. И если Марти вернется вместе с Анегардом, а Грегор будет здесь... Ясно, кого предпочтет отец!

Лишь бы вернулись, а там все разрешится. Ей всего-то и нужно – посмотреть Марти в глаза. Если она увидит там то, на что надеется, никто в мире не заставит ее пойти за Грегора.

В закрытые тяжелыми ставнями окна билась вьюга, в щели заползала зимняя стынь, и чудилась в той стыни затхлая погибельная нотка – как будто скованная льдом Утрава Проклятая искала, где бы просочиться на поверхность. Никогда раньше Ульфар не оставался в домике на берегу Утравы так надолго, никогда не успевал прочувствовать, как не к месту здесь люди.

Пора было уходить. Зиму здесь он не продержится, его люди уже дергаются, вздрагивая от любого шороха, и жалуются на недобрые сны.

Ульфар, бывший барон Ренхавенский, тоже видел сны, и те сны никто не назвал бы добрыми. Но у него хватало ума помалкивать. Его люди не должны усомниться в силе своего господина.

Первую опасность он пересидел. Сейчас король давно уж должен вернуться в столицу, и жизнь в баронствах Лотаров и Ренхавенов наверняка течет, как заведено. Селяне сидят по дворам, занятые скотиной, бабы ткут и прядут, мужики выбирают в лес за сушняком, опасаясь даже толпой забредать в глушь, где воют волки и беззвучными тенями охотятся волколаки. А жизнь в замках, отрезанных от городов и трактов лесными дебрями, немногим отличается от сельской. Так же некуда податься из-под защиты стен, разве что мужчины выезжают иногда на охоту – но барон Лотарский слишком стар для охоты, он наверняка сидит у камина, закутав зябнущие ноги в плед и попивая настоящее на травах вино. А сын его вряд ли успел вернуться до снегов. Дадут боги, и вовсе сгинет. Он ведь и в самых отчаянных мыслях не мог догадаться, кто и что встретит его в землях Герейна.

В который раз Ульфар пожалел, что не было возможности послать Герейну надежную весточку. Предупредил бы вовремя – теперь бы мог и вовсе не думать о наследнике Лотаров. Но что поделаешь, в тот миг собственная жизнь висела на волоске. Можно лишь надеяться, что Герейн и без предупреждений справился с молокососом-Лотаром.

– Господин! – в дверь кабинета постучали, и Ульфар, встrepенувшись, услышал голоса внизу. – Господин, Тизан с Анхолом вернулись!

– Слава богам, – невольно выдохнул Ульфар. – Иду!

Этих двоих, самых выносливых и умелых из своих людей, он посылал с письмом к дочери, а заодно разведать обстановку в землях Лотаров. Долго их не было, он уж боялся, что сгинули – или страже попались, или в непогоду не убереглись.

Доклад лазутчиков заставил Ульфара крепко задуматься. Что Анегард еще не вернулся, его не удивило, а вот то, что у Лотаров гостит Грегор Ордисский, да не просто гостит, а добивается руки старшей дочери... Об этой непонятно откуда взявшейся дочери толком ничего не разузнали, кроме того, что девушка уже взрослая, для замужества так даже старовата, зато умелая лекарка и травница. А старый барон любит ее уж никак не меньше прочих детей.

Ульфар смутно ощущал, что на этом можно как-нибудь сыграть, но как – следовало обдумать. Пока же, отпустив измотанных тяжелой дорогой лазутчиков отдыхать, он развернул письмо дочери.

«Дорогой отец.

Я счастлива узнать, что Вы живы, на свободе и в добром здравии.

Я сожгла Ваше письмо и молю богов, чтобы мой ответ благополучно дошел до Вас.

Отец, мой супруг не из тех, кого легко застать врасплох. Я никогда не могу знать точно, в замке он или нет – право же, иной раз кажется, что он способен находиться везде одновременно. Он уважает меня, как должно уважать жену, но не доверяет мне ничего важного и не станет слушать моих просьб и советов, особенно если они будут касаться Вас. Как видите, я ничем не смогу Вам помочь.

Отец, Вы должны знать еще об одном обстоятельстве. Мой брак уже благословлен зачатием, и если богини будут добры, ребенок появится на свет к концу лета. Как бы я ни относилась к своему супругу, я не хочу, чтобы наши с ним дети росли сиротами. Отец, я не вправе давать Вам советы, но я молю Вас, попытайтесь найти общий язык с моим супругом. Я мечтаю, чтобы Вы смогли открыто увидеть своих внуков.

Ваша почтительная дочь».

Ульфар выругался, смял письмо и швырнул в огонь. Дура, великие боги, что за дура! Стоило назначенному королем муженьку заделать ей ребенка, и вот, полюбуйте – готова почтительная жена, у которой не осталось ни родовой гордости, ни достоинства благородной женщины, а только инстинкт клуши. Как будто другой мужчина не сумеет воспитать ее щенков!

Что ж, дочь для него потеряна. Лезть спасать наивную дурочку – глупо, не столько у него сил, чтобы отбить свой замок без помощи изнутри, значит, придется оставить ее собственной судьбе и мужу. Сама выбрала.

Одной заботой меньше!

А заодно и одной причиной сидеть в этом проклятом месте, выжидая удобного момента. Осталось решить, куда двинуться – сразу за реку, искать удачи в чужой стране, или в земли Лотаров. Письмо дурьдоченьки подсказало идею, и Ульфар понял, как распорядиться добытыми сведениями. Жена-лекарка, к тому же с родовым даром Лотаров, и ему пригодится. А если повезет убрать Анегарда, именно дети Ульфара смогут претендовать на баронство Лотаров после смерти старика – по праву крови от старшей дочери.

Спасаясь бегством, глупо не оставить позади плацдарм для возвращения. Вот он и обеспечит себе такой плацдарм.

Решено.

– Готовьтесь в путь, – бросил Ульфар. – Отправимся, как только

стихнет проклятая метель.

Придется пройти по самому краю собственных земель, тайно, вдали от деревень, мельниц, трактиров, в которых можно было бы заночевать или переждать непогоду. Но дело того стоит. Ничего, зато на пути обратно таиться не придется, и уж тогда бывший барон Ренхавенский оставит о себе памятку. Покажет, кто здесь «бывший» – надолго запомнят.

Несколько часов до отъезда Игмарт носился по замку так, что не всякий здоровый выдержит. Говорил с людьми, назначил управляющего и капитана стражи, представил Зигмонда как старшего родича, имеющего право приказывать. Отъезд стал облегчением, хотя на самом деле стоило бы не в седло лезть с больной-то ногой, а рухнуть на мягкую постель и уснуть.

Неудивительно, что теперь Марти почти не воспринимал окружающее. Он даже не пытался смотреть по сторонам, оставив охрану целиком на Анегарда и его людей – у Лотара родовой дар подходящий, вот и пусть следит. А Марти слишком занят был тем, чтобы не показать, как ноет и мешает не до конца зажившая рана. Ну и собственными мыслями, конечно.

Иногда раньше он мечтал, как станет жить, наконец-то свершив мечь, но все те мечты оставались смутными и туманными – как будто тогда он сам себе не верил. Как будто на самом деле мечь должна была занять всю его жизнь. И теперь вместо радости, торжества и что там еще приличествует удачно отомстившему, он ощущал лишь досадную тянущую пустоту.

Даже невероятная легкость, с которой они в итоге разобрались с нелюдьё – ну ладно, не они разобрались, а Зигмонд! – меркла перед этой пустотой. Разобрались и разобрались, быстро и быстро, ранен – ну что ж, сам дурак... Окончательно принимать наследство, вникать в хозяйство – потом, когда вернется. А пока – уехал, и ладно. Оставил надежных людей приглядеть, и хорошо. Уйти со службы, посвататься к Сьюз, свадьбу сыграть – и тогда уж начинать жить заново, забыв о свершенной мести и примерив на себя новую роль: хозяина родовых земель и главы семьи.

Марти хмыкнул: представить себя мирным и добродушным домоседом у него никак не получалось. Всю жизнь только убивать и учился.

Тянулась дорога – пустая, разбитая копытами и колесами, липкой грязевой лентой между укрытых нестойким пока снегом холмов и полей. Скоро подморозит, поедут на зимние ярмарки купеческие обозы, вновь выйдут на промысел разбойники, а пока – тихо и безлюдно. Мало у кого такое уж неотложное дело, чтобы месить грязь в межсезонье.

Но их путь лежал к северу, и уже на третий день по застывшей дороге мела поземка, а мороз хватал за щеки и вползал под куртку.

– Ближе к дому, наверное, замечено все, как еще проедем, – хмурился Анегард.

А Марти думал о Сьюз.

С каждым днем она все больше занимала мысли младшего Герейна. Сначала вспоминать приходилось с усилием, как будто пустота держала и засасывала – вязкой смолой, гнилой болотной жижей. Но с каждым днем все легче всплывало в памяти лицо той, которую он хотел назвать женой: серьезное, сердитое, озаренное легкой улыбкой. Слегка растрепавшаяся коса, быстрый жест, которым Сьюз убирала за ухо непослушную прядку волос, тонкие пальцы. Порывистые движения, быстрая легкая походка, веселый смех. Полосатая юбка, плетеный пояс – Марти еще не забыл, как этот поясок туго и надежно связал его запястья, не позволяя освободиться. Усмехался про себя: «Не тогда ли тебя к ней привязало, пес-одиночка? Судьба...»

Вспоминал, как увидел ее в обнимку с Зигмондом, и снова кипятком по венам плескала ревность – знал уже, что беспочвенная, а забыть не мог. Никто другой не смеет обнимать его женщину!

Как-то незаметно Игмарт Герейн привык думать о Сьюз именно как о своей женщине. Пусть та не обещала, что станет его женой, и тем более на согласие барона Лотарского он не мог рассчитывать твердо, и все же никого другого Марти уже не мыслил хозяйкой своего замка. А лучшим способом сбежать от тянущей пустоты оказалось всего лишь представлять, как он водит Сьюз по галереям и коридорам, показывая их новый дом, как спорит с ней, не отпуская одну в лес – захочет ведь, она такая! – и как они гуляют все же по лесу вдвоем, Сьюз ищет свои травки, а он... А он смотрит на жену. Любуется. Отводит ветки перед ее лицом, обнимает словно ненароком, вдыхая запах...

Оказалось, он отчетливо помнит ее запах – свежий, едва ощутимый ромашковый, если наклониться к волосам, и терпко-горьковатый, когда подносишь к лицу ее пальцы. Наверное, кожа будет горчить и отдавать на вкус травами, когда он поцелует Сьюз руку, как своей невесте.

А вот вкуса ее губ Марти представить не мог. Почему-то чудились то молоко и земляника, то легкие лепестки роз, то пряная душистая мята. И все больше тянуло узнать, каковы они на самом деле. Почувствовать ее дыхание на своем лице в короткое мгновение, пока губы не сольются в поцелуе. Обнять за плечи, прижать к себе, услышать быстрый стук ее сердца совсем рядом со своим. Ощутить девичье смущение в тот миг, когда для Сьюз станет очевидным его мужское желание.

Да, Марти желал ее. Не мальчишка же он, чтобы мечтать лишь о поцелуях. Он пытался представить, какой окажется Сьюз в постели, раздевал ее мысленно и любовался телом, и целовал – везде, но не в губы, потому что хотел слышать ее. И от этих фантазий кровь едва не вскипала в жилах.

А вокруг смыкался вдоль дороги заснеженный лес, кони все тяжелее шли по наметенным сугробам, и даже среди дня можно было услышать далекий волчий вой. Лотар не торопил отряд, но и не медлил. Ночевали на постоянных дворах, обедали в трактирах, давая коням дневной роздых, но каждый день в путь пускались с рассветом.

Марти не считал дни – в дороге не искушают судьбу. Он не думал, что скажет, увидев Сьюз, не пытался бесконечно повторять в мыслях объяснение с ней и ее отцом. Вместо этого Игмарт Герейн представлял, как целует свою невесту, услышав «да».

Наверное, всему виной была тревога. Бесконечное, почти смертельно утомившее ожидание. Неопределенность и рожденный ею страх. Зима давила и выматывала, как никогда раньше, сидеть взаперти в стенах замка с каждым днем становилось тяжелее.

Сьюз стала избегать общества Грегора, а заодно и отца. Все больше пряталась в своей комнате, закрывшись, ссылаясь на «неважное самочувствие» – ей, воспитанной в деревне, такие жалобы казались смехотворными, но почему-то отец принимал их всерьез. Жалел, спрашивал, не нужно ли чего, а Сьюз лишь качала головой и отвечала, что хочет спать.

На самом деле она рада была бы не спать вовсе. Зимние ночи слишком длинны и темны, слишком явственно в них дыхание не-жизни. Раньше Сьюз не ощущала этого настолько остро. Раньше... До того, как пришлось заглянуть в бездну, из которой смотрит на людей Хозяйка Тьмы. Теперь же, стоило лишь начать погружаться в сон, и виделся жадный Старухин взгляд, слышался сухой смешок, чудился шепот: «Все равно придешь, девочка. Для меня нет времени, я дождусь».

– Чертов Зиг, – шептала Сьюз, просьпаясь.

Нет, она не жалела, что спасла Анегарда, пусть даже такой ценой. Она помнила то, что втолковывал ей Зиг: «Богиня не возьмет больше, чем ты сама ей отдашь». Но все равно было страшно.

Сюз заваривала себе мяту, нашептывала, как бабушка учила, от дурных снов. А еще то и дело нашаривала рукой подаренный Марти амулет. Сжимала в кулаке, шептала: «Где ж ты там, обормотище, когда уже вернешься», – и словно теплом окутывало.

Будь он рядом, не страшно было бы засыпать.

Каждый день пути прибавлял ненависти – злой, разъедающей душу. Бывший барон Ренхавенский вел отряд наемников по землям, столетиями принадлежавшим его роду, а теперь доставшимся никому не известному выскочке. Выскочке, который убил его мага, сорвал его планы, взял в жены его дочь и уже заделал ей ребенка! И даже отомстить не получится.

«Сейчас не получится, – возражал сам себе Ульфар. – Но месть не тухнет с годами, я еще вернусь в должной силе». Однако ненависть лишь разгоралась, требовала действий немедленно, а не через год или десять. Но приходилось пробираться звериными тропами, далеко обходя деревни, опасаясь встреч с любопытными детишками куда больше, чем волчьих стай. Безумный риск затеи не пугал Ульфара, но как же бесило унижение!

«Ничего, я еще вернусь, – шипел он, – я пройду по своим землям открыто, как хозяин».

У тех, кто признал своим господином навязанного королем барона, должно было бы холодеть на сердце в эти минуты, предвещавшие возмездие. Но люди редко чувствуют грядущие беды, и потому Ульфар знал – его месть придет неожиданной.

Границу баронства Ренхавенов с землями Лотаров отряд Ульфара пересек в самом неудобье – в кривом, болотистом ельнике, куда сроду не заходили даже браконьеры. Благо, мороз надежно сковал ручьи и островки трясины, так что даже тяжелые копыта коней не пробивали корку льда. Суровых наемников не пугала дурная слава «волколачьего местечка», но оружие каждый держал наготове, не обманываясь царившей вокруг мирной тишиной. Но до позднего вечера, пока отряд не остановился на границе ельника и широкого приречного луга, навстречу не попало не то что опасных тварей, но даже зайцев.

– Видать, хорошо Лотары зачистку провели, – довольно сказал кто-то из вояк.

– Не расслабляйся, – одернул другой, – может, наоборот, к жилью ближе упыри перекочевали.

– Вот именно, – веско уронил Ульфар. – Расслабляться будем позже. В тепле и под крышей, и без врагов вокруг. А сейчас будьте готовы к бою.

До лотаровского замка было дня три пути – учитывая непогоду и необходимость двигаться скрытно. Впрочем, Ульфар не собирался лезть в замок ни тайно, ни открыто. Как раз наступит храмовый день, а храм у Лотаров расположен в таком удобном отдалении от замка, что грех не воспользоваться.

Отдать самое сложное в плане на откуп магу было бы, конечно, спокойнее, но кое-что Ульфар мог и сам, не зря же присматривался так внимательно к ворожке мэтра Гиннара. В конце концов, ему не бойцов из строя выводить и не укрепления захватывать, а всего-то добыть девушку.

Ночь обнимала крепко, словно жадная до ласк девка. Нашептывала жарко и бесстыдно, насылала сны, о которых не расскажешь. Давно Игмарту не снилось таких снов – ярких, горячих и счастливых. Раньше ему было достаточно любить девушек наяву: подарил вечер или ночь, расцеловал на прощание и позабыл. Но чтобы во сне покоя не давали девичьи глаза, чтобы, как мальчишка, таял от пригрезившихся ласк, срывал призрачные поцелуи – и чувствовал их на губах, проснувшись...

Вот только разбудило его неладное. Что – сам понять не мог, но вскинулся, словно по тревоге. Вокруг стояла сонная тишина, дежурный бдел, но чутье сигналило об опасности, и первое, что сделал Игмарт, даже не придя толком в себя – толкнул Анегарда. Прошептал:

– Что-то не так.

Анегард не стал переспрашивать. Нашел взглядом дежурного, убедился, что тот в порядке, затем прикрыл глаза на несколько мгновений. Покачал головой:

– Ничего не чувю. Вокруг все спокойно.

– Плохо, – помолчав, отозвался Марти. – Значит, дальше что-то ждет. В дороге, или...

Запнулся: отчего-то встала перед глазами Сьюз, как наяву: слегка

сонная, растрепанная, одетая небрежно, словно наспех. Лицо испуганное, в надорванном вороте рубашки – тот самый амулет, что Марти ей подарил. И словно крик беззвучно: «Поспеши!»

– Надо спешить, – сказал внезапно осипшим голосом. – Дома у тебя что-то – то ли сейчас неладно, то ли вот-вот случится. Сюз в опасности.

Анегард не стал переспрашивать, спорить, выяснять, что за странные предчувствия у королевского пса и насколько им нужно верить. Ни минуты лишней не потерял. Поднял Мано, сказал:

– Спешить нужно. Дома что-то не так. Поторопи парней, я трактирщика разбужу.

– Куда ночью, – пробормотал толком не проснувшийся десятник, – до рассвета часа два, там ни зги не видать, – и вдруг, вскинувшись, переспросил: – Дома? Что там, приехал кто?

– Никто не приехал, мы поедem, – рявкнул Марти. – Шевелись уже, едрить твою, умник!

Сам он собрался мгновенно – дело привычное. А люди Лотара, даром что стража, расслабились от мирной жизни, и ни заварушка с Ульфаром, ни поход не вытравили из них неторопливую основательность. Вот же – вроде и хотят быстрее собраться, а только хуже: толку меньше, чем суеты. Марти ругался сквозь зубы, с трудом удерживаясь от искушения поторопить их так, как Аскол новобранцев торопил – с тройным загибом, а самым нерасторопным и по морде. Все же не его люди. Будут свои – их и будет гонять.

И все же довольно скоро, еще до рассвета, еда в дорогу оказалась собрана, кони оседланы, а парни торопливо доедали наспех заваренную горячую похлебку-болтанку – мука, сушеный лук и щепоть пряных травок для вкуса, самое то в походе. И хоть понимал Игмарт, что раньше и не выехали бы – не в непроглядную же волчью темень коней гнать! – а извелся хуже, чем трепетная дева перед свадьбой. Одно успокаивало – если гнать, не задерживаясь лишнего, только коням отдых давать, за два-три дня добраться можно. А задерживаться Анегард не намерен.

Сколько раз за эти два с лишним дня Марти чудилось, будто кто-то из богов облегчает им путь! Метель стихла, едва начавшись, дорога – в самый раз коней гнать, и хотя Анегард чуял в лесу пуганое зверье, отряд ни разу не столкнулся ни с нелюдьей, ни с волчьей стаей, ни с разбойниками. И даже в трактирах ни разу ни с кем не сцепились!

То и дело Марти ловил на себе внимательный взгляд Анегарда. В конце концов не выдержал, спросил:

– Что смотришь так?

Тот лишь плечами пожал, а чуть погодя сказал неохотно:

– Боюсь, вдруг снова плохое учуешь.

– Веришь, значит?

– Чего ж не верить. По тебе видно, что не шутишь.

– Если б еще понять, что там, – в приступе откровенности пожаловался Марти. – Обычно я просто знаю, что впереди опасность. А тут – бес его пойми, что за дела. Будто зовет: «поторопись».

– Сьюз? – переспросил Анегард.

– Ей там плохо, – будто само вырвалось у королевского пса. – Что-то ее пугает, а я ее страх чувствую. И все сильнее, понимаешь? Надвигается что-то. Эх, мог бы я летать, как Зиг... р-родственничек, где его носит, когда он так нужен?

– Там и носит, где ты его оставил, – хмыкнул Анегард. – Не нужно на Зига надеяться, он и так...

– Да знаю, – отмахнулся Марти, – ну тебя, просто вспомнилось. Дергаюсь я, вот и несу чушь. Где мы хоть, долго еще?

– К вечеру доберемся.

Молодой Лотар, едва выбрались в знакомые ему земли, повел отряд напрямик, минуя все те места, которые запомнил Игмарт в пути на юг. Стороной объехали замок барона Грегора, Оверте тоже, как сказал Анегард, должны миновать: «По прямому тракту ехать спокойно и долго, а только кривыми тайными тропами иной раз выходит прямее, сам понимаешь». Марти тогда лишь кивнул: цену знающего проводника из местных он отлично представлял. Теперь же стало вдруг грызть нехорошее ощущение: словно он ищет Сьюз в темной комнате и постоянно немного промахивается. А едва попытался выбросить из головы это дурацкое сравнение, довериться Анегарду и ни о чем не тревожиться, стало вовсе худо: будто все в той же темной комнате врезался с размаху башкой в стену.

– Неспроста, – пробормотал он. И добавил громче: – Предупреждение это, вот что. Только одно на ум приходит: амулет, что я ей оставил, знак подает. Тогда летом, когда вы на Зигову нелюдь ходили – не знаю, что там со Сьюз случилось, она не рассказывала, но меня среди ночи аж подбросило, а ведь в Оверте тогда был. Вот и сейчас похожее.

– Что за амулет?

– Защитный, очень мощный. Разве что саму Старуху не остановит.

– А заодно тебе сигналит...

Догадывался Марти, почему так. Обещала ведь ему Звездная дева избранницу... Но Анегарду рассказывать показалось неправильным. Как

будто Игмарт Герейн настолько в себе не уверен, что богиню зовет словечко за себя замолвить.

Да и не стоило называть истинную цену амулета даже другу. Такие вещицы хранят в тайне. Разве что любимым передают, и то – без пояснений. Как он сказал тогда Сьюз: «Пустячок на удачу».

Поэтому он лишь пожал плечами и сказал:

– Если все это окажется бредом и пустой паникой, я счастлив буду. Лучше выглядеть дураком, чем стать пророком беды.

– Я тебя дураком не назову, – хмуро отозвался Анегард.

Дальше ехали молча. Близость дома должна была бы вызвать в отряде оживление, но тревога командиров передалась всем. Никто не шутил о нагретых родными девками постелях, не гадал, что нынче будет на ужин, не перебирал, какими подвигами стоит похвастать. Казалось, все неосознанно ждут боя.

Чем дольше тянулся день, чем меньше оставалось до замка, тем острее становилось предчувствие беды. И когда спокойную сонную тишину заснеженного леса разбил далекий девичий крик, отряд не потерял ни мгновения.

– Туда, – махнул рукой Анегард. – К реке, берегом быстрее проскачем.

– От храма, – пробормотал Мано.

А Игмарт каким-то странным наитием понял, почему амулет Звездной девы так настойчиво звал его поспешить. Понял, что все равно не успеет. И молча взмолился – сам не зная, кому, любому, кто услышит и поможет! – взвыл раненым псом под волчьей луной, в том странном межмирье, куда выводил его Анегард слушать нелюдь: «Что угодно, лишь бы успеть! Оказаться там вовремя, спасти Сьюз, кто бы ей ни грозил!»

Сьюз так не хотела сегодня идти в храм, так маялась, пытаясь измыслить достойную причину остаться дома, что сама себе удивлялась. Все то время, пока Анегард где-то на юге выполнял королевское поручение, она не пропустила ни единого храмового дня – просила у богов удачи для брата. И еще для одного охламона, что уж там...

«Жаль, бабушки нет, посоветоваться не с кем», – Сьюз подошла к окну, взгляделась в заснеженный лес. Храм не был отсюда виден, хотя тропа к нему шла как раз в том направлении – за огромной елью, на вершине

которой сидела сейчас всклокоченная ворона и словно тоже рассматривала замок, окна и, может быть, тех, кто глядит из окон на лес.

Жаловаться отцу на странные предчувствия – обзовет девичьей придурью, и дело с концом. Да еще Грегора в сопровождающие навяжет: охранять глупую доченьку, раз той вздумалось невесть чего бояться в родных землях.

Вот уж с кем вместе не хотела Сюз обращаться к богам с просьбами, так это с бароном Грегором! Знала, чего тот просить станет. Может, оттого и все ее предчувствия?

В конце концов Сюз решилась на хитрость: навязалась в компанию к тетушке Лизетт и девчонкам с кухни. Отец хотел было запретить, но Сюз выдавила улыбку – хотела скромную, но получилась, пожалуй, откровенно жалобная! – и сказала:

– Но, батюшка, с кем же мне о сердечных делах посоветоваться? Не с Ланушкой же! Или к бабушке отпустите, пусть она мне объяснит, как у Жницы и Звездной девы о замужестве спрашивать.

Уж конечно, никуда ее отпускать отец не пожелал, вот и решил, что общество женщин из замковой обслуги – меньшее зло. Спросил, правда, как его драгоценная дочь дожила до своих лет, о таких вещах не зная, но уж тут Сюз чистую правду ответила:

– Знахарке редко подходящий муж находится, а уж если найдется, сразу все ясно, богинь спрашивать не о чем.

Тетушка Лизетт, само собой, видела ее насквозь. Так и спросила:

– Что, не по сердцу старикан с тремя дочками? Ждешь королевского пса своего?

– Пока еще не «своего», но да, жду, – не стала отпираться Сюз. – Приедет, тогда решу.

– Да что уж тут решать, и так понятно, – усмехнулась тетушка Лизетт. – Когда еще заметили, как вы друг на дружку смотрите. Эх, дело молодое... Только вот кто он, а кто ты? Не отдаст тебя наш господин за бродягу, пусть он хоть сто раз королевский гвардеец.

– Но ведь если он в королевской гвардии, значит, точно из благородных? Пока обо мне не знали, что я баронская дочка, наоборот – я ему не пара была. Помиловался бы со всей душой, а замуж не взял бы.

– Эх ты, девочка! Мало ли какой он благородный, пусть хоть самому королю ровня. А если жену привести некуда, кроме как в казарму, так нечего и жениться. Хотя как раз этого нам знать неоткуда, может, все у него есть. Вот вернутся, пойдет он к господину тебя сватать, тогда послушаем, верно, Сюз?

– Боюсь загадывать, – Сьюз поежилась: будто морозом по хребту протянуло. Вернется ли, не раздумал ли жениться, что отец скажет... Как тут гадать?

Тем временем все, кто собирался сегодня в храм, собрались у ворот. Немногие: в последнее время не случилось ничего, требующего присмотра и помощи богов. Разве что за тех попросить, кто с Анегардом ушел...

Пока подождали возившуюся с косами Динушу – та нарядилась и причесалась, будто на свидание собиралась, – пока подбрели, допив свое пиво, выделенные Гарником трое стражников – зимой, в волколачье время, женщин не отпускали за стены без охраны, – солнце перевалило зенит. Нетронутый снег искрился, слепил глаза – хорошо, сугробов не намело, идти по тропинке было легко, но все же зима не лето, и шли довольно медленно – не толпой, гуськом. Впереди толстяк Кел обновлял тропку своими огромными сапожищами, за ним шли Сьюз с тетушкой Лизетт, позади хихикали девчонки и, совсем отстав, перешучивались с кем-то из женщин еще два стражника. Старый барон и его гость тоже собирались в храм, но позже, чтобы не мешаться с челядью. «А вот Анегард пошел бы со всеми, – невольно думала Сьюз, – он деревенских никогда не чурался».

Интересно было думать, что выбрал бы Марти – идти с веселой и шумной толпой? От всех отстать и Сьюз с собой придержать? Почему-то не верилось, что шел бы, как подобает господину, либо во главе своих людей, либо вовсе от них отдельно. Хотя кто знает, каков он на самом деле? Она-то видела его только на службе...

Зато от мыслей о нем становилось теплей, и тревога отступала. Как будто нашептывало сердце: «Уже скоро, уже близко, недолго ждать». Без всяких советов Сьюз знала, о чем станет просить сегодня Звездную деву и Жницу.

Кел потопал вокруг алтарей, Лизетт шла за ним следом – как старшая здесь сегодня. Сьюз подошла сначала к Звериной матери, покровительнице Лотаров. Прикоснулась к алтарю – теплому, словно живому, – спросила мысленно: «Где там Анегард, скоро ли вернется? Не оставь его милостью, дай удачи и легкого пути».

Почудилось, или и впрямь Великая ответила: «Скоро, уже скоро»? Раньше Сьюз точно не могла слышать богиню, но этой зимой она многое узнала о родовом даре Лотаров. Препжнее умение успокоить скотину или услышать страх лесного зверья казалось теперь детской забавой. Отец, правда, мало учил ее дару, больше внимания уделял правильному поведению. Ничего, вот вернется братец...

Целиком погрузившись в свои мысли, Сьюз не сразу поняла, что происходит нечто странное. Тишина? – так в храме немудрено быть тишине; голоса кажутся незнакомыми? – и такое случается, если слишком уж замечтаешься. Из грез вырвал отчаянный крик Динуши, и тут же мужская рука схватила выше локтя, развернула грубо – и Сьюз оказалась лицом к лицу с человеком, которого никак не ждала здесь увидеть.

Ульфар. Королевский преступник, беглец вне закона. Бывший злокозненный сосед, однажды усыпивший охрану замка Лотаров – а теперь проделавший то же самое с беззащитными людьми, в храме, в священный храмовый день.

Девка, Лотарово отродье, была красива. Не сказать, что так уж сильно она выделялась среди прочих баб, разве что одежда побогаче, но если приглядеться – порода чувствовалась. Не простушка деревенская, с какого боку ни глянь. Хотя Ульфар не за красоту ее брал, для его планов и уродина бы сгодилась, но красотка всяко в постели приятнее.

Ульфар представил, как распустит толстую косу, запустит пальцы в густые волосы, наматывает пряди на кулак, заставляя девку запрокинуть голову и подставить для поцелуев нежную белую шею. Прижмурился довольно. Некогда сейчас мечтать, но уже через несколько ночей, дайте только добраться до надежного дома, так все и будет.

Бесы ее знают, почему она с толпой слуг, а не с отцом – жаль, право: старый Лотар зажил на свете. Ну да ничего, сейчас главное – разобраться с девкой, стать Лотару зятем, и никуда тот не денется.

Сотворенные именем Прядильщицы чары сработали лучше, чем при осеннем штурме – вся толпа уснула мгновенно, повалившись в снег, кто где стоял. Лишь две девки почему-то не поддались: Лотарова дочка – ну да знахарка она и есть знахарка, мало ли на что способна; и мелкая визгливая соплячка в нарядном полушубке и яркой полосатой юбке – ишь, разрядилась, мелочь мелочью, а уже невестится. Вот только орать соплюха оказалась гораздо, аж уши заложило.

Хотя кто знает, что за девка, тут же подумал Ульфар – раз уж чарам не поддалась, вдруг тоже не из простых?

– Эй, парни, – хохотнул он, схватив Лотарову дочку и развернув лицом в себе, – эта моя, а вторую никто не хочет? Смотрите, какая милашка.

– Отвали, – взвизгнула «милашка», – а то мой Рихар тебе покажет!

Парни громыхнули хохотом так, что снег с веток посыпался, а в лесу неподалеку заполошно взлетели вороны.

А знахарка поглядела в упор и сказала вдруг – соплюхе, но не отводя взгляда от Ульфара:

– Никогда не рассказывай врагу о том, кто придет к тебе на помощь. Пусть оценят сюрприз.

В ее глазах не было страха, только злость.

– Строптивая, – Ульфар широко, сладко усмехнулся. – Люблю строптивых девок. Ладно, шутки в сторону, приступим. Я, Ульфар из рода баронов Ренхавенских, беру тебя в жены по праву сильного. Да станешь моей перед богами и людьми.

– Да ни за что, – разъяренной кошкой прошипела девка, – тебя еще мне не хватало, женихов развелось, как парши на шавке!

– Твоего согласия не спрашивали, – Ульфар широким жестом обвел рукой вокруг. – Или моей женой отсюда уйдешь, или парням на потеху вместе с той соплюхой.

Он не ждал ответа – какая дура станет всерьез размышлять над эдаким выбором? Взял девку за плечи, рванул на себя, впился поцелуем в мягкие губы. И тут же отпрянул, почувствовав, как острые ногти прошлись по щекам, метя в глаза. Размахнулся вlepить строптивнице оплеуху, та отпрянула, вскинула руки, защищая лицо.

– Сюз! – заорала мелкая паршивка, кидаясь на помощь. Со своими-то девчачьими кулачишками! Ульфар отшвырнул ее одним движением, небрежным взмахом руки. Соплюха отлетела, взметнув сверкающую снежную волну, шмыгнула носом и встала. Не иначе, умом от страха тронулась. Или, наоборот, от великой храбрости. Нет, что-то в девчонке есть, снова подумал Ульфар. Крикнул своим, не глядя:

– Приберите эту мелочь, да бережно! С собой возьмем.

В конце концов, его жене понадобится служанка. И, кстати о жене, пора кончать это дело, не стоит задерживаться здесь дольше необходимого. Поучить строптивых девок послушанию можно и потом.

Ульфар развернул знахарку – Сюз, оказывается, ее зовут, что за деревенское имя! – и потащил за собой по алтарному кругу. Та вцепилась в первый попавшийся камень, взвизгнула:

– Защити!

Всколыхнулась на краткий миг тревога: свадьба по праву сильного проста, всего-то девку вокруг алтарей протащить, но если вдруг боги ее любят, могут и вступиться. Редко, но бывало и такое. Но тут Ульфар заметил, чей именно алтарь попался девке под руку. Заметил, понял – и расхохотался так, как давно уж не смеялся.

– Думаешь, Прядильщица тебя спасет? Вот уж нашла, у кого защиты просить!

В глазах девки впервые появился ужас. А ведь это она еще не

знает, что ее будущий муж силой Хозяйки тьмы пользуется!

На храмовую поляну опустилась вдруг тишина – не та, что была прежде, пока отряд Ульфара ждал, затаившись, и даже не тишина полного безлюдья. Вязкая, мертвая, словно подернутая багряной дымкой. И в этой тишине Ульфар вдруг явственно услышал скрипучий, словно старая прялка, голос:

– И почему бы девушке не попросить моей защиты? Она-то мне свою кровь давала, не чужую, как ты.

И по ужасу на лицах своих людей, не боявшихся ни короля, ни бесов, по расширившимся глазам соплюхи-девчонки, по лицу своей невесты Ульфар понял, что этот голос ему не причудился. Слово Старухи услышали все.

Слышал и Марти, вылетевший к храму галопом, взметывая снег. Только вот ни пугаться, ни тем более задумываться он не мог себе сейчас позволить. Осадил коня перед Ульфаром, спрыгнул наземь:

– Ульфар. Я, Игмарт Герейн, перед богами вызываю тебя на бой до смерти.

– Герейн, вот как? Поздравляю. А об этом ты позабыл, королевский пес? – Ульфар глумливо ухмыльнулся и достал гильдейский амулет мага – тот самый, мгновенно понял Марти, что мэтр Гиннар напоил его кровью и заклинул на подчинение именем и властью богини. И в тот же миг, словно Старухой нашептанное, пришло понимание – чьей волей он оказался здесь вовремя, что сделать должен и почему. Марти вернул ухмылку:

– Не поможет. Не ты эту штуку заклинал, не ты с богиней договаривался. Да и моя клятва добровольной не была. Дерись, Ульфар, или я убью тебя, как убивают взбесившихся псов.

Меч скользнул из ножен легко, будто сам рвался в бой. Обещанием скорой победы мелькнуло на лице Ульфара мгновенное, тут же подавленное замешательство. Привык, верно, полагаться на силу Старухи. Марти не стал ждать, пока тот изготавится к бою. Бешеных псов приканчивают без всяких правил.

Нет, он не убил безоружного – Ульфар, конечно же, успел обнажить меч и даже замахнуть. Вот только движения его казались странно медленными, будто сквозь смолу прорубался. А Игмарта словно боги вели – ни единой мысли в голове, не нужно оценивать ситуацию, отслеживать мельчайшие движения и направление взгляда противника, просто бей, не сомневаясь. Во имя Звездной девы и Жницы, чьи цветы оставлял невесте – стоят ли поныне? После у нее спросит. Во имя

Звериной матери, покровительницы Лотаров, а значит, и ее тоже. И даже во имя Старухи-Прядильщицы, защитившей, когда не ждали.

Клинок скользнул вверх по кожаной дорожной куртке и вонзился выше поднятого ворота, под самый подбородок – в горло. Кровь хлынула, выплескиваясь темной волной на светлый металл клинка, на снег, утративший утреннюю белизну, на руки Ульфара, судорожно стиснувшие рукоять меча.

– Сомневаюсь я, что он заслужил умереть в честном бою, ну да ладно, – Марти дернул свой меч, и тот вышел из горла убитого с жадным хлюпом. Отчетливо разнесся по храму скрипучий старушечий смех: «Хорошо, молодой Герейн, ты мне послужил. Теперь я сама займусь этой падалью. Мне не нужны слуги, не дающие ничего своего, желающие только брать». Игмарт обвел взглядом наемников: – Теперь вы.

– Мы сдаемся, господин, – неторопливо заявил старший, как видно, из Ульфаровых людей. – Зачем сражаться, если тот, кто платил, мертв?

Марти услышал, как выехали на поляну Анегард и его люди. Мотнул головой:

– Я здесь гость, ему сдавайтесь.

– Ого, – присвистнул Анегард. – Не зря коней гнали.

Что там было дальше – как тормошили, сиюсь разбудить от наведенного сна, замковую челядь, как плакала Динуша, повиснув на шее у оказавшегося вдруг здесь Рихара, и как Рихар пожимал плечами на вопрос, откуда он взялся: «Почуял, что с Диной беда», – всего этого Марти уже толком не видел и не слышал. Потому что его обнимала Сьюз – крепко, по-настоящему обнимала и, кажется, тоже чуть не рыдала, и он был так глупо, так по-щенячьи счастлив, что даже целовать ее не пытался – только обнимал в ответ, чувствуя, как льнет к нему любимая, смотрел в побледневшее, осунувшееся лицо, и все повторял:

– Вот он я, Сьюз. Вернулся к тебе, обещал и вернулся, а ты думала? Ждала меня, скажи?

А она кивала торопливо, шептала: «Ждала», – и в конце концов просто уткнулась в его плечо, в заскорузлую от мороза и долгой дороги куртку, и разревелась совсем по-девчоночьи.

Марти подождал, пока она успокоится немного, и спросил:

– Выйдешь за меня?

– Выйду, – Сьюз в последний раз шмыгнула носом и подняла к нему заплаканное, сияющее счастьем лицо. – А ты как думал!

И тогда Игмарт Герейн наконец-то с полным правом поцеловал

СВОЮ НЕВЕСТУ

ЭПИЛОГ

Быть баронской дочкой мне не слишком-то понравилось, но баронской женой – совсем другое дело. Или это, потому что муж – тот, за кого и хотела? Игмарт Герейн, бывший королевский пес, а нынче – владетельный барон, заводчик лучших коней королевства и отец двух «очаровательных карапузов», как утверждают наперебой наши женщины, а как по мне – таких же охламонов и сорвиголов, как их папаша.

Здесьние люди моего мужа чуть ли не боготворят, хотя сам он говорит, что нагло пользуется заслугами «дедули Зига». Что ж, Зиг не против. Он наезжает в гости пару раз в году, с окрепшей и похорошевшей Улькой и дочкой – вот уж о ком и вправду можно сказать «очаровательный ребенок». Мои охламоны души не чают в «сестренке Эли», а та вертит ими, как захочет.

А прошлым летом ездили мы к ним на север. Гуляли сначала на свадьбе Рихара с Динушей, а потом – Анегарда со старшей дочкой барона Грегора. Хорошая девушка оказалась, и хвала благим богиням, что отец и его старый друг породнились именно так. Даже сам Грегор сказал: «Что ж, все к лучшему», – хотя, глядя на меня, он всякий раз тайком вздыхает.

Ну а я – что я? Баронесса Сюзин Герейн, хозяйка замка, который прекрасно стоит и без моего «хозяйничанья» – зато именно моими стараниями на солнечной поляне за стеной и на нескольких полянках в лесу разведены травы, за которые азельдорские аптекари готовы носить меня на руках и платить полновесным золотом. Правда, на руках я разрешаю себя носить только мужу, а травы мне и самой нужны, но излишками отчего не поделиться.

По большей части, правда, те самые излишки идут бабушке, когда случается оказия передать. Ко мне бабуля так и не переехала – говорит, слишком уж привыкла там, вжилась, выросла корнями... ну, как обычно говорят в подобных случаях? На самом-то деле, я знаю, ей просто стыдно было бы бросить и деревенских, и старого барона, и Ульку с дочкой, а теперь, вон, и у Анагерда дети пойдут. Что ж, она права, им всем нужна травница и лекарка, а здесь есть я. Просто я по ней скучаю...

Все-таки баронская дочка из меня вышла так себе, зато лекаркина внучка – очень даже

КОНЕЦ